

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского»

Институт филологии

Лаборатория прикладного языкознания и медицинской
лексикографии Донецкого национального медицинского
университета им. М. Горького

Фонд гуманитарных исследований и инициатив «Азбука»

**XVI Крымские
Международные Михайловские
литературно-ономастические чтения**

Материалы конференции

Симферополь
«ПОЛИПРИНТ»
2023

УДК 81'373.2(292.471) Михайлов В.Н.
ББК 81-03
К 85

Печатается по решению Учёного совета Института филологии
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского»
(протокол № 4 от 25.04.2023).

Рецензенты:

Ахматова Мариям Ахматовна, доктор филологических наук, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия.

Шаклеин Виктор Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Редакционная коллегия:

Герасименко Ирина Анатольевна, д. филол. н. (Горловка);
Ерохина Татьяна Александровна, канд. филол. н. (Симферополь);
Калинкин Валерий Михайлович, д. филол. н. (Донецк);
Ковалёв Геннадий Филиппович, д. филол. н. (Воронеж);
Кочетова Светлана Александровна, д. филол. н. (Горловка);
Новикова Марина Алексеевна, д. филол. н. (Симферополь);
Петров Александр Владимирович, д. филол. н. (Симферополь);
Супрун Василий Иванович, д. филол. н. (Волгоград);
Шульдишова Алина Анатольевна, канд. филол. н. (Москва)

К 8 XVI Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения (13 сентября 2022 г.) : материалы конференции / ред. В.М. Калинин, А.В. Петров; Институт филологии Крым. федерал. ун-та им. В.И. Вернадского. – Симферополь: ПОЛИПРИНТ, 2023. – 124 с.

ISBN 978-5-6050017-2-0

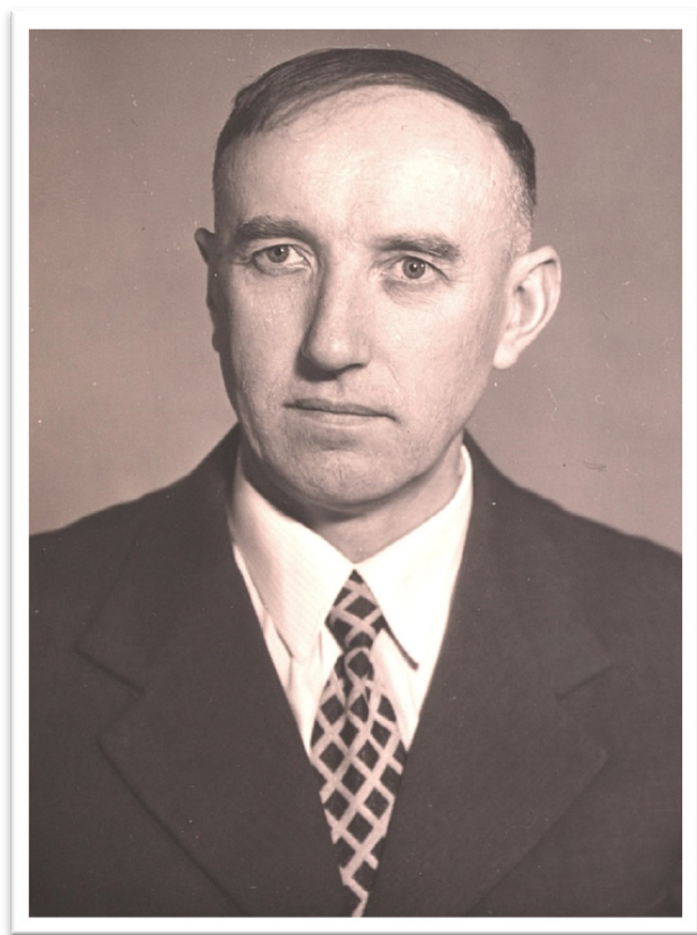
В сборнике представлены материалы XVI Международных Крымских Михайловских литературно-ономастических чтений. Статьи отражают результаты исследований в области региональной ономастики, топонимики, антропонимики, литературной ономастики (поэтонимологии).

© ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», 2023.

© Фонд гуманитарных исследований и инициатив «Азбука», 2023.

© Лаборатория прикладного языкознания и медицинской лексикографии Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького, 2023.

ISBN 978-5-6050017-2-0

**Всеволод Николаевич
Михайлов**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чтения, вот уже много лет проводимые в первой половине сентября на Крымском полуострове, носят имя коренного крымчанина Всеволода Николаевича Михайлова и задуманы как дань уважения автору первой в СССР диссертации о функционировании собственных имён в русской художественной литературе, положившей начало регулярным литературно-ономастическим исследованиям в стране.

В.Н. Михайлов родился 18 февраля 1928 года. Это значит, что в нынешнем году ему исполнилось бы 95 лет. Мы были бы неблагодарными потомками, если бы позволили себе забыть об этой памятной дате. Не забудем и о том, что ровно 70 лет назад, в 1953 году, его научные и научно-педагогические достижения в области изучения языка романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» были отмечены похвальной грамотой Академии педагогических наук РСФСР. В это время молодой учёный уже работал над исследованием функций собственных имён в русской литературе. Что касается диссертации «Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в., их функции и словообразование», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук и с блеском защищённой в 1956 году в Московском государственном педагогическом институте имени В.И. Ленина, то она стала не только главным научным достижением Всеволода Николаевича, но и знаковым событием в науке о собственных именах.

В предисловии к предпринятой 15 лет назад публикации практически всех литературно-ономастических работ В.Н. Михайлова (сборник «Антология поэтонимологической мысли») отмечено, что их автор «с удивительной прозорливостью сумел высказать так много принципиальных и пронизательных суждений, что его работы не только сохраняют непреходящую научную ценность, но и, что особенно важно, теоретическую актуальность». Значимы они и для сегодняшнего этапа развития науки о собственных именах в художественной литературе. И это чрезвычайно редкое в филологии долгожительство его вклада в поэтонимологические (литературно-ономастические) исследования в очередной раз подтверждает дальновидность организаторов движения за сохранение памяти о доценте Михайлове Всеволоде Николаевиче.

В сборнике, предлагаемом вниманию студентов, магистрантов и аспирантов, вообще филологов и всех интересующихся ономастикой, представлены следующие направления исследования.

В разделе **Поэтонимология** *В.М. Калинин (Донецк)* рассмотрел движение научной мысли к формированию теории поэтонимосферы как особым образом организованной целостной совокупности собственных имён художественного произведения. Семидесятилетний хронологический диапазон от начала регулярных исследований в области функционирования собственных имён в русской художественной литературе до настоящего времени позволяет отметить важные этапы становления поэтонимологии как науки. *М.Э. Курылко (Горловка)* изучает художественные особенности сатирических пьес Владимира Маяковского «Клоп» и «Баня», анализирует функционирование имён собственных, словообразовательные окказионализмы, роль гротеска и сатиры, аллюзий, уникальных образов, метафоричности в футуристических произведениях поэта; *И.В. Логвинова (Москва)* рассматривает собственные имена в драме М.П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская» (1830). Функция имён и прозвищ в драме отражает отношения новгородцев к москвитянам. Поэтонимы помогают понять подоплёку исторических событий; *К.В. Першина (Донецк)* продемонстрировала поэтонимологический анализ собственных имён в советском художественном фильме «Актриса», вышедшем в 1942 году; *А.А. Шульдишова (Москва)* делится наработками в создании и использовании конкорданса к *лирической трилогии* А. Блока, дающего возможность достоверного и исчерпывающего воссоздания функций каждой лексемы во всех использованных поэтом словоформах. Электронная версия в формате базы данных Access открывает широкий спектр возможностей для конфигурирования запросов. Кроме этого, затронуты некоторые проблемы, относящиеся к задачам поэтономаграфии как специфического направления авторской лексикографии.

В разделе **Общие вопросы ономастики и ономообразования** *В. И. Мозговой (Донецк)* предлагает для обсуждения теоретические и практические проблемы формирования норм в ономастике, отмечая, что в современном онимном пространстве под предлогом уточнения «правовой» информации о собственных именах происходит эскалация методов их обезличивания; *Т.А. Ерохина (Симферополь)* на материале письменных опросов студентов вузов выявила различные способы создания «интерпретаций» официальных имён, такие, как традиционное сокращение, уменьшительно-ласкательные формы, опущение или перестановка звуков имени, сложение или слияние звуковых элементов двух слов. Описанные механизмы отражают активные процессы имятворчества.

В разделе **Ономастика и этимология** *А.И. Илиади (Драма)* исследует язык крымских аланов по данным этимологии крымских

топонимов и одному названию Замикат из примыкающего к Крыму района Херсонской области, где источники также отмечают присутствие аланов.

В разделе **Региональная ономастика** *И.А. Герасименко* и *У.Р. Алексеенкова (Горловка)* предлагают результаты исследования микротопонимов Горловки с точки зрения словообразовательной структуры; *В.Ф. Ибрагимова (Симферополь)* систематизирует современные топонимы столицы Крыма на основе лексико-семантических групп, а также с учётом национального колорита; в лингвокраеведческом аспекте изучает топонимы современной Горловки *А.В. Пивень (Горловка)*.

В разделе **Проблемы ономастической номинации** *А.В. Петров (Симферополь)* на материале официальных названий летательных аппаратов выявляет особенности многоступенчатой трансонимизации, представленной межвидовой ономообразовательной цепочкой *антропоним – эргоним-меморатив – авианорейоним*; *Е.С. Синенко* и *А.И. Овчаренко (Донецк)*, опираясь на агиографические источники, проанализировали названия приделов русских православных храмов, рассмотрели частный случай соотношения наименований приделов и агионимов, выявили зависимость между выбором отагионимного экклезионима для наименования придела и местным почитанием того или иного святого, местом его погребения.

В разделе **Крым: Культура. Краеведение** помещён исторический очерк первый, содержащий разнообразный топонимический материал, *С.И. Карюка (Симферополь)* о заселении полуострова казаками.

Внимательный и равнодушный читатель, знакомый и с другими выпусками сборника, несомненно, обратит внимание, на «расширение диапазона» проблематики, затрагиваемой на Михайловских чтениях. В этом, по мнению организаторов чтений, нет ничего удивительного. Ведь художественная реальность литературных произведений и реальность человеческого существования связаны столь неразрывно, что порой даже профессиональные философы и филологи затрудняются в прокладывании демаркационных линий между текстами, освещающими эти стороны Бытия. А из этого следует, что экзистенциальный вектор развития науки и литературы, неизбежно вовлекающий в сферу своего влияния всё многообразие номинативного творчества человека, тем или иным образом непременно отразится и в собственно художественной литературе. И здесь научное осмысление любых сфер онимотворчества неизбежно будет полезно и для поэтономологических исследований.

ПОЭТОНИМОЛОГИЯ

К АРХИТЕКТОНИКЕ ПОЭТОНИМОСФЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(из заметок о теории поэтонимологии)

В.М. Калинин

kalinkin.valeriy@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Предуведомление.

Более 70 лет назад (1950 г.) начинающий талантливый учёный-филолог Крымского пединститута В.Н. Михайлов приступил к изучению собственных имён, функционировавших в русской художественной литературе XVIII – первой половины XIX веков. Этой масштабной работой, по сути, было положено начало формированию одного из продуктивных направлений ономастической науки, на ниве которого сегодня трудятся тысячи исследователей. Разумеется, и до В.Н. Михайлова собственные имена время от времени привлекали внимание отдельных мыслителей. Были известны, хоть и крайне редкие, но, тем не менее, интересные попытки осмысления специфики функционирования имён даже в собственно литературных текстах. Нужно отметить, что обо всех публикациях, бывших доступными в библиотеках страны в начале 50-х годов прошлого века, молодой исследователь составил достаточно подробный отчёт. Оценивая работу предшественников, он писал, что «вопросами стилистики, этимологии, принципами создания собственных имён персонажей в русской художественной литературе XVIII – первой половины XIX вв. интересовались многие литературоведы, лингвисты, а также публицисты и писатели – художники слова». Одновременно он указывал, что «большой частью это были частные суждения или небольшие статьи об отдельных собственных именах или группах собственных имён в творчестве отдельных писателей (разрядка в обоих случаях моя. – В.К.)»¹ [24: 8]. И всё-таки *первую в СССР диссертацию* о собствен-

¹ В рамках очерка развития теории конструкта «поэтонимосфера» обращаю внимание читателей на выделенные разрядкой в цитате из В.Н. Михайлова моменты. По сути, своей оценкой состояния дел в литературно-ономастических публикациях предшествующего периода автор диссертации выразил мысль о необходимости «генерализации» материала исследований, что в определённом смысле можно трактовать как первое указание на необходимость изучения комплексов собственных имён, представляющих в отдельных произведениях и литературных направлениях художественную целостность.

ных именах в русской художественной литературе написал, а в 1956 году защитил именно В.Н. Михайлов, 95-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Время, прошедшее с тех пор, превратило зону притекстовых маргиналий, каковой она многим представлялась поначалу, в обширную область научных поисков. Важную роль в процессе становления поэтонимологии² как науки сыграла диссертация В.Н. Михайлова. Светлой памяти Всеволода Николаевича Михайлова, автора отзыва ведущей организации о моей первой диссертации, посвящаю это сообщение.

Историографический контекст.

Как правило, любое научное направление в ходе сверего развития претерпевает влияние «сопредельных» течений и парадигм научного развития. Не была исключением и литературная ономастика.

Диссертация В.Н. Михайлова, носившая заявленную принципиально лингвистическую направленность, отличалась от нескольких опубликованных ранее литературоведческих работ, отмечающих некоторые особенности использования имён как средства образности. Его труд и несколько публикаций [24–27 и др.], о которых автор сообщения написал ряд довольно обстоятельных работ [см., напр., 16–18 и др.], наметили линию лингвистического осмысления поэтики собственных имён, продуктивно развивавшуюся в течение десятилетий. Однако движение научной мысли неостановимо.

Начиная с 1967 года в литературную ономастику начало «встраиваться» направление, наиболее последовательно обозначившееся в трудах Э.Б. Магазаника [19–21 и др.]. Позднее им было представлено обобщающе-теоретическое осмысление проблем, связанных с изучением собственных имён, играющих значительную роль в художественном произведении [22]. Исходя из анализа «вещественной содержательности» имён, Э.Б. Магазаник пришёл к выводу, изложенному в форме «оксюморона»: собственное имя – «абстрактно-конкретная категория языка». «Чрезвычайная абстрактность его “содержания вообще” сочетается в нём с максимально конкретным значением обозначающего в тех случаях, когда функция имени что-то обозначать, указывать <...> реализуется. В других же случаях имя заключает в себе это сочетание абстрактного и конкретного потенциально, как возможность, которая всегда может осуществиться и которая лежит в самой природе этой категории» [22: 18–19]. Ему же принадлежало несколько

² Термин для обозначения научной дисциплины, предложенный в начале нашего века автором сообщения, был одобрен представителями Донецкой ономастической школы. Позднее он получил поддержку со стороны многих учёных, изучающих различные аспекты функционирования собственных имён в литературно-художественных произведениях.

метаязыковых предложений: пользоваться термином *ономапозитика* для обозначения средств и функций «интенсивной поэтической ономастики» (в противовес *ономастилистике*, изучающей средства и функции «экстенсивной поэтической ономастики»).

Отдавая должное одной из первых попыток теоретического осмысления проблемы, нельзя не высказать сомнение относительно целесообразности предложенного разделения одного и того же предмета, одной и той же области исследования, осуществляемого, в принципе, с общей целью, на две части. Его искусственность, надо полагать, ощущалась и с трудом преодолевалась самим автором идеи. В художественном произведении ни одно средство не употребляется отдельно, то со стилистическими целями, то с целями поэтическими. Использование языковых средств выразительности онимов, в конечном счёте, производится *для и во имя* того, чтобы художественное произведение выполнило своё назначение. Вместе с тем, именно Э.Б. Магазанику удалось показать комплексный характер предмета исследования, одновременно обращённого к языку и речи, питающегося «соками» языка и питающего «организм» художественного произведения.

Нужно отметить, что в десятках и даже сотнях работ, касающихся онимии литературно-художественных произведений, оба представленных выше взгляда (В.Н. Михайлова и Э.Б. Магазаника) тем или иным образом сосуществуют. Так обстояло дело в публикациях украинских ономатологов обеих (Черновицкой и Одесской) школ, работавших под руководством Ю.А. Карпенко, в трудах Воронежской школы литературной ономастики (рук. Г.Ф. Ковалёв), в статьях и докладах волгоградских ономастов (рук. В.И. Супрун), да и в публикациях других российских центров ономастических исследований (Тюмень, Екатеринбург). Вообще-то, уже давно назрела необходимость лингвоисториографического осмысления пути, проделанного учёными, посвятившими себя исследованию уникального феномена – собственного имени, погружённого в литературно-художественные миры. Это далеко не простое дело, но в процессе именно такой работы могут быть выявлены не нашедшие всеобщего признания или заведомо (в силу географических и иных негативных обстоятельств) пребывающие в «зонах забвения» подходы, взгляды, решения.

*Investigatio causarum*³.

Кратко обозначенные выше ключевые направления развития литературной ономастики суть предтечи поэтонимологии, не только ставшей в настоящее время в один ряд с предшественниками, но и со-

³ Лат.: Исследование причин.

держщей, по мнению представителей Донецкой ономастической школы, ответы на некоторые долгое время волнующие филологов вопросы. Важнейшими среди таковых можно назвать: 1) иные трактовки «старых» проблем (в первую очередь, семантики и поэтики онимов); 2) «строительство» теории онимографии (включая поэтонимографию и коннотонимографию); 3) дальнейшее развитие сформулированных донецкими поэтонимологами базовых положений учения о поэтонимосфере как особым образом организованной целостной совокупности собственных имён художественного произведения. Именно последнему будет посвящено дальнейшее изложение.

В самом начале работы над изучением не отдельных собственных имён художественных произведений, а их совокупностей мы воспользовались понятием «онимное пространство»⁴ [6; 7]. Вскорости было признано целесообразным отказаться и от понятия *пространство*, «непреднамеренно» содержащего в семантике представление о зоне собственных имён преимущественно географических (топонимов). Лучшим было признано понятие *сфера* в сочетании с термином *поэтоним* [8–10 и др.]. Так родился термин *поэтонимосфера*, одобренный, к сожалению, не сразу. Даже его автор не был принципиально последовательным в его использовании и время от времени возвращался к понятию *онимное пространство* [7; 13]. Дальнейшее развитие теории пошло по линии поиска «скрепов» («силовых» линий, отношений, связей, семиотических оппозиций и пр.) [8; 11; 12; 15 и др.], обеспечивающих целостность совокупности онимов в художественном тексте.

Положение о целостности поэтонимосферы – ключевое во всём учении – без него обсуждение заявленной проблемы утратит связность и логическую целесообразность: «Поэтонимосфера <...> не может быть случайно возникшей хаотичной совокупностью собственных имён. Созданная творческим усилием писателя, она, так же, как и само произведение, целостна. В противном случае сомнительна целостность самого художественного произведения.

Вследствие этого поэтонимосфера должна обладать признаками системности даже в том случае, если количество формирующих её поэтонимов невелико. Целостность и системность поэтонимосферы обеспечиваются отношениями и связями между её элементами и подсистемами» [14: 182].

⁴ Решение отказаться от определений «топономастическое» и «ономастическое» пространство в понятиях, обозначающих совокупность собственных имён, и заменить их на «онимное» было продиктовано необходимостью разграничить науку «ономастику» и её объект – «оним».

Забота о прозрачности, ясности и эффективности метаязыка поэтонимологии требует предварительного объяснения двух понятий, не просто употреблённых в названии сообщения, но являющихся ключевыми. Об одном из них уже говорилось выше. Поэтому сосредоточимся на «архитектонике». Происхождение у него самое «аристократическое». В Древней Греции словом ἀρχιτεκτονική называлось строительное искусство. Сегодня архитекторы и строители употребляют его для обозначения закономерностей устройства, соотношения форм и пропорций в конструктивной системе сооружения. Используют его и в других науках: привлекает этимология слова. Компонент ἀρχι обозначает ‘старший’ и также ‘начало’, ‘власть’, ‘господство’, а τεκτων – ‘плотник’, ‘строитель’, ‘мастер’, вообще ‘художник’. В широком, культурологическом смысле слова «архитектоника» – это строение художественного произведения: изображения (картины, скульптуры), музыки (преимущественно, классической, например, симфонии), кинофильма, литературного произведения и т.д., обуславливающее соотношение его элементов по законам прекрасного [см., например, 5].

О понятии «поэтонимосфера», как отмечено выше, по крайней мере, донецкими ономастами, говорится давно. Поэтому здесь буду краток. Десять лет назад первые итоги изучения поэтонимосфер художественных произведений Донецкой ономастической школой подвела М.В. Бувеская в монографии «Поэтонимосфера художественного текста» [2]. Сегодня получивший признание термин используется и многими другими исследователями, а обозначают им совокупность собственных имён литературного произведения, однако выстроенную с учётом повествовательных и эстетических задач, определяющих взаимообусловленность как отдельных поэтонимов, так и их микрогрупп (подсистем) в пространстве художественного целого.

Здесь обычно и возникают вопросы.

Во-первых, всякая ли совокупность собственных имён литературного текста имеет право называться поэтонимосферой? Процитированное выше, сформулированное практически в самом начале работы над теоретическим обоснованием конструкта «поэтонимосфера», определение её целостности, по большому счёту, элиминирует самую возможность такого сомнения. Однако обойти молчанием не значит решить вопрос. Да что там говорить о поэтонимосфере, если некоторые учёные вообще негативно оценивают основополагающий термин поэтонимологии – «поэтоним»? Известна попытка за счёт ошибочной его трактовки вообще повернуть обсуждение научного феномена в область политических спекуляций. Так, авторы «Словника української ономастичної термінології» [29] объявили поэтоним «подвидом

хремотонима (идеонима)», что в корне противоречит установкам поэтонимологии. Поэтоним – это не разряд онима (*поэтонимы* – это параллельная термину «онимы» или «собственные имена» категория слов, в пространстве ИМЁН, составляющая антиномию *нарицательное имя* (апеллятив) / *собственное имя* (оним, поэтоним). Линия разграничения в принципах использования в метаязыке науки проходит по границе между реальным и художественным мирами. А поскольку реальный и художественный мир описываются разными моделирующими семиотическими системами, это даёт право и на противопоставление *онимов* и *поэтонимов* как сущностей, обслуживающих разные системы. Что касается составителей упомянутого словаря, то они в той же словарной статье, с одной стороны, расширяют функцию термина: «П. – будь-яка власна назва у художньому творі» (т.е., как минимум, не только хремотонимы), – а с другой (в довершение путаницы), ещё во вступительной статье к словарю обрушивают на научный термин «дальнобойную артиллерию» идеологических обвинений: «все ж не кожний онім, вживаний в літературі, можна вважати поетонімом⁵, наприклад, антропоніми на зразок *Ленін, Сталін, Гітлер, Дзержинський* і под.» [29]. Интересно, входит ли оним Бандера в этом случае в перечень поэтических имён? Жаль, уточнить теперь у Дм. Г. Бучко уже не удастся.

Во-вторых, даже согласившись с тем, что в художественном произведении все без всяких исключений собственные имена суть элементы и компоненты его поэтонимосферы, нельзя не ответить на всякого рода сомнения. Например, нужно ли анализировать функционирование собственных имён в тексте, если их «множество» (поэтонимосфера) не отвечает эстетическим требованиям? (Такое, увы, возможно). Иными словами, всегда ли «архитектонична» совокупность имён, употреблённых писателем?

Архитектурные ассоциации невольно вызывают в памяти характерные для многих мест (особенно в индустриализовавшихся в прошлом окраинах страны) народные «градостроительные» понятия и полуофициальные топонимы типа «собачёвка», «нахаловка», «шанхай» и т.д. Последний в силу того, что имеет своим «предком» название хорошо известного русским города в Китае, был удостоен Е.С. Отиным описания в «Словаре коннотативных собственных имён». В нём, среди многих, были отмечены два узуальных значения: «1. Стихийно возникший, хаотично застроенный пригород; самовольно застроенная и неблагоустроенная окраина города; трущобы.

⁵ О том, что понятие «поэтоним» не несёт в своей семантике никаких мелиоративных коннотем, составители словаря, по-видимому, не догадывались.

2. Неблагоустроенный небольшой посёлок; место, хаотично застроенное домиками-временками» [28]. Но и «собачёвками», и «нахаловками», так и не доросшими до статуса официальных топонимов (по-видимому, в силу пейоративной окрашенности основ), как правило, обозначали беспорядочную застройку местности небольшими домиками, заселёнными, в основном, либо переселенцами, либо всякого рода *погорельцами*, в общем, беднотой. Часто возникали они в *неудобьях* (в балках, на склонах холмов, в местностях с оползнями и т.д.). Строились без разрешения властей (отсюда – ‘нахаловка’). Постройки имели непривлекательный вид, часто мизерные размеры, иногда величиной едва ли не с собачью будку. Отсутствовали даже признаки дорог и так называемой городской инфраструктуры. Допустимо ли, исследуя эти «нахаловки» и «шанхай», применять понятия архитектурного искусства? Думается, что малопродуктивно и, не исключено, вообще даже бесперспективно. Но это, разумеется, в тех случаях, когда изучаются именно эстетические свойства такого рода «архитектурных ансамблей». Что касается истории, археологии или инженерных аспектов их строительства, «возведения», то ... какие-то аспекты всё-таки могут представлять определённый интерес. Например, использование в качестве строительных всякого рода искусственных материалов типа самана, глинобитных технологий, мазанок и пр.

Если бы исследователь решал задачу «технического» описания поэтонимосферы, он, во-первых, мог бы ограничиться представлением свойств отдельных её компонентов, а также установлением «технологических» связей и отношений между ними в структуре системы. Поставив перед собой задачу изучения архитектоники поэтонимосферы, он обязан будет, помимо прочего, акцентировать внимание на её тектовах, иными словами, – на художественных свойствах.

Приведённые соображения являются достаточным основанием для представления опыта использования терминированного словосочетания «архитектоника поэтонимосферы» в метаязыке поэтонимологии.

Summa summarum.

Опыт автора сообщения и его учеников, полученный при анализе свойств поэтонимосфер ряда произведений писателей, относящихся к разным национальным литературам и культурам, убеждает, что разработанная и постоянно совершенствуемая технология анализа исключительно продуктивна⁶ (А.С. Пушкин – роман «Евгений Онегин» и вся драматургия; Л. Костенко – «Берестечко»; Ф. Вийон – «Завещания»;

⁶ Составить достаточно ясное представление о принципах и приёмах исследования поэтонимосфер можно, обратившись к параграфу 1.5.2. монографии М.В. Бувеской (см.: Список литературы; с. 45-48).

Т. Манн – «Иосиф и его братья»; А.П. Чехов – рассказы; А.С. Грин – романы и рассказы; ряд других произведений английской, немецкой, французской, польской, украинской, русской литературы).

Попытаемся проиллюстрировать отдельные возможности описания текстов поэтонимосферы, опираясь на материал, извлечённый из романа Александра Грина «Блистающий мир». Занимаясь изучением творчества писателя и «Большой поэтонимосферой» Гринландии без малого полвека, не перестаю восхищаться тем, как много возможностей для извлечения имплицитных свойств и их интерпретации даёт смена «точки зрения» исследователя на анализируемый объект.

Позволю себе развёрнутую «околокомпьютерную» метафору: Марвин Минский, автор книги «Фреймы для представления знаний», рассказывая о стереотипных ситуациях, привёл в качестве примера образ кубика, увидеть и понять который можно лишь смещая точку зрения. Рассматривая объект (кубик), что называется «в лоб», можно видеть только квадрат, смещаясь вправо или влево, можно увидеть две квадратные плоскости (согнутый лист бумаги). И лишь поднявшись вверх или опустившись вниз, можно увидеть третью квадратную плоскость, покрывающую две, и предположить, что перед нами КУБ [23].

По сути, о том же написал А. Грин в романе «Бегущая по волнам»: «При передаче лица авторы, как правило, бывают поглощены фасом, но никто не хочет признать значения профиля. Между тем профиль замечателен потому, что он есть основа силуэта – одного из более резких графических решений целого. Не раз профиль указывал мне второго человека в одном, – как бы два входа с разных сторон в одно помещение. Я отвожу профилю значение комментария и только в том случае не вспоминаю о нём, если профиль и фас, со всеми промежуточными сечениями, уравнены духовным балансом» [4: 23]. Примерно тот же эффект может быть достигнут при архитектурном подходе к изучению поэтонимосфер художественных произведений.

Поэтонимосфера «Блистающего мира»⁷ [3] представляет собой образец романтического литературного «зодчества» кристаллической завершенности и ясности. А поэтонимия в ней «работает» с эффективностью тщательно отлаженного механизма.

Остановлюсь на количественной и качественной характеристике основных микросистем и элементов совокупности собственных имён, функционирующих в романе, представлю связи, скрепы и отношения в её структуре, постоянно соотнося факты с хранящимся «в уме» стремлением эксплицировать архитектонику поэтонимосферы.

⁷ Подробнее о ней см. в нескольких публикациях автора сообщения. О поэтонимосферах других романов А.С. Грина см., например, публикации М.В. Бувеской [1, 2 и др.].

Первое, что привлекает внимательного читателя, это отчётливое «троение» структуры произведения и его поэтонимосферы. В романе три части, три главных героя, три нарративных «мира», три вида скрепов, три типа «пропитанных» поэтонимами «строительных» блоков.

В моём докладе, прочитанном на последних (2021 г.) Гриновских чтениях, посвящённом роману «Блистающий мир», следующим образом была представлена поэтика названий частей романа, идеопоэтонимов: «“Опрокинутая арена” – вызывающе неожиданно. Лишённое поэтического воображения обыденное сознание противится даже возможности представить опрокинутой площадку, обозначенную на поверхности земли. Метафора необычна и потому будоражит воображение. “Улетающий звон” – более или менее понятно. Уровень переноса значения минимален: несомненно, речь идёт об удаляющемся и затихающем звуке. Название “Вечер и даль” понятно вполне и, быть может, лишь царапнет внимательный слух непредсказуемостью объединения слов со значением времени и пространства. “Блистающий мир” – имя-камертон. А названия трёх частей романа выстраиваются в акцентирующий аккорд-трезвучие. *Прима* “Опрокинутой арены” задаёт тон и определяет гармоническое развитие сюжета. Тесно прижатая к ней *терция* “Улетающего звона” вводит в роман полярные поэтонимные координаты и приоткрывает занавес тайны над Блистающим Миром, а пронзительная *квинта* “Вечера и дали” “завершает” строение и трагически обрывает повествование, выводя всё недосказанное уже за пределы романа. Вслушавшийся в названия читатель безошибочно определит тональность произведения»⁸.

Романтический «блистающий» мир выстраивается с помощью трёх типов онимных строительных блоков: поэтонимии реального от-онимного происхождения, имён «гринландского» типа и поэтонимии отконнотонимной, по преимуществу литературно-художественного генеза.

Уже начало романа отличается высокой «напряжённостью» поэтонимосферы. Цирк «*Солейль*», афиши с «залучающим волнение в область любопытства» сообщением об исключительном феномене, «именующем себя *Человеком Двойной Звезды*», ироническое замечание с именами римских императоров-тиранов, употреблёнными для обозначения живущей по девизу «Хлеба и зрелищ!» части общества: «Даже атлетическая борьба – любимое развлечение духовных наслед-

⁸ Доклад пока не опубликован. Поэтому в списке литературы не значится и библиографическая ссылка на него отсутствует.

ников *Нерона* и *Гелиогабала*⁹ – отошла на второй план»; рокошующие имена-псевдонимы «гуляющих напоказ зверских туш *Гренпера* и *Нуара*», упоминание *Либерии* и (важно не упустить из виду оксюморон) «*потускневшего*» силача-жонглёра *Мирэя*, «бросавшего в воздух фейерверк *светящихся гирь*», – весь этот внушительный набор поэтонимов-экзотизмов Грин размещает на пространстве первого же абзаца повествования.

Обилием поэтонимов писателем подчёркнута роль собственных имён в структуре романного мира. Имена трёх главных героев романа Тави, Друда и Руны образуют равновесную структуру, напоминающую отнюдь не треугольник, как может представляться, а весы, центральной осью которых предстаёт Друд, а на чашах, со-ревновательно и в то же время не пересекаясь, располагаются две женские фигуры.

Имя главного героя романа долго остаётся неизвестным читателю. Из Человека Двойной Звезды, из её – Двойной Звезды – представителя он превращается в саму *Двойную Звезду* и, по-прежнему неизвестный работникам цирка, получает длинный ряд характеристик-номинаций: «Пошёл слух, что “Двойная Звезда” (как приказал он обозначить себя в афише) – *граф* и *миллиардер* <...>»; «уже пытались зеркало балерины, надеясь каждая увлечь *сиятельного оригинала*»; «гимнасты, вольтижеры и жонглёры твердили единым духом <...>, что *таинственный гастролёр – шарлатан из Индии*»; «они же пытались распространить весть, что *соперник их по арене – беглый преступник*»; «они же сочинили, что “Двойная Звезда” – *карточный шулер* <...>». Весь набор эпитетов, характеристик, обозначений того, кто столь неожиданно и неординарно вошёл в жизнь артистов «Солейля» и цирковой публики, Грин определит «дымной спиралью сплетни», «словесным сором».

Именами двух героинь произведения *Руны Бегуэм* и *Тави Тум* отмечены полюса человеческих характеров. В романе ясно и недвусмысленно начертана демаркационная линия, отделяющая Руну Бегуэм от Блистающего Мира. А Тави Тум, безоговорочно поверившая в то, что Вениамин Крукс (Друд) полетит, Тави Тум, наивно и твёрдо сформулировавшая: «Я знала, что полетит. Уж очень мне понравились колокольчики», – эта Тави и это так долго не дававшееся Грину имя¹⁰ представляют мир мечты и безграничной веры в то, что парение

⁹ Нерон (37–68) и Гелиогабал (204–222) – римские императоры, чьё правление отличалось деспотизмом и жестокостью.

¹⁰ Информация почерпнута из широко известных воспоминаний Н.Н. Грин о поисках имени героини «Блистающего мира».

духа превыше всяких возможностей полётов на аэропланах, «носящихся над двором Воздухоплавательного Клуба с грацией крыш, сорванных ветром».

Друд с его псевдонимами (*Человек Двойной Звезды – Двойная Звезда – Э.Д. – Симеон Айшер – Вениамин Крукс – Гора*) и его преследователь – сохранивший свое инкогнито *Руководитель* – также представляют крайние нравственные координаты «Гринландии». Между ними, то ближе к Блистающему Миру, то дальше от него, располагаются немногочисленные второстепенные персонажи и множество лишь однажды упомянутых лиц, представляющих «Гринландию».

Целостность поэтонимосферы романа, в котором с различной частотой употребления функционируют 225 поэтонимов, обеспечивается, кроме прочего, тремя типами скрепов: 1) историческими и мифологическими аллюзиями и ассоциациями, 2) литературными аллюзиями и 3) мозаичным музыкальным антуражем, складывающимся из названий музыкальных произведений, имён композиторов и образов музыки. При этом все эти средства прихотливо, как это вообще было свойственно воображению писателя, сплетены в необычный выразительный узор.

Приведём наблюдение над сосуществованием реального и фантастического в художественной ткани романа, обозначенное прихотливым сочетанием антропоэтонимов, идеопоэтонимов и других типов имён. В «Блистающем мире» и во множестве других романтических произведений писателя в составе поэтонимосферы органично сосуществуют фантастический и реальный миры. Экзотические имена, благодаря вкраплению в текст имён исторических лиц, прочными нитями связываются с онимным пространством мира реального. Бодро жужжащие под потолком мухи сыграют для лакея гостиницы «роль легендарного *Ньютонова яблока*, дав разрозненной добыче ума связь кристаллическую»¹¹; а «досужий остроумец» докажет, «что *Бонапарта* никогда не было». В беседе Руны Бегуэм с Дауговетом переплетутся ономастический вымысел и реальность возбуждающих воображение собственных имён. «Весьма ловкий комиссионер» обменяет Грею «золотой свиток *Вед XI столетия* на катехизис с пометками *Льва VI*»; будут названы «Эпитафии» 1748 года, изданные в *Мадриде*, и *Шехерезада*, а Дауговет начнёт вдохновенно перечислять библиографические раритеты: «“Объяснение и истолкование Апокалипсиса”

¹¹ Изумительной способности А. Грина придумывать необычные эпитеты, сравнения, метонимии и метафоры, их лингвистической характеристике был посвящён доклад автора статьи, представленный на Гриновских чтениях в Феодосии (2018 г.).

Нострадамуса, 1500 года, собственность Вейса; “*Дон Кихот*, великий и непобедимый рыцарь *Ламанчский*”, *Сервантеса*, *Вена*, 1652 года, принадлежит Дориану Кемпболл» [3].

О других микрогруппах поэтонимов в поэтонимосфере романа заинтересовавшийся читатель сможет узнать из текста упомянутого доклада на Гриновских чтениях 2021 года. Все они с ясной точностью и убедительностью свидетельствуют о том, что понятие «архитектоника» в методике исследования поэтонимосфер, особенно произведений крупных, насыщенных поэтонимией, может продуктивно использоваться уже в настоящее время, но приобретёт особую значимость, если будет развито как в опытах конкретных анализов, так и в методологических разработках теории поэтонимосферы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Буевская М.В. Поэтонимосфера романа А. Грина «Дорога никуда»: предназначение структуры // Филологические исследования: [сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Фёдоров]. – Выпуск 8. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2006. – С. 163–168.

2. Буевская М.В. Поэтонимосфера художественного текста. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – 288 с.

3. Грин А.С. Блистающий мир // А.С. Грин. Собрание сочинений в 6 томах. – Т. 3. – М.: Правда, 1980. – С. 70–222.

4. Грин А.С. Бегущая по волнам // А.С. Грин. Собрание сочинений в 6 томах. Том 5. – М.: Правда, 1980. – С. 3–182.

5. Зунделович Я. Архитектоника // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехина-Ветринского. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – Т. 1.

6. Калінкін В.М., Лінчицька Ю.В. Поетика онімного простору: Роман Ліни Костенко «Берестечко» // Филологические исследования: [сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Фёдоров]. – Вып. 2. – Донецк: Юго-Восток, 2000. – С. 217–230.

7. Калінкін В.М., Лінчицька Ю.В. Из спостережень над поетикою онімного простору роману Ліни Костенко «Берестечко» // Українська пропріальна лексика: матеріали наукового семінару 13–14 вересня 2000 р. – Київ: Кий, 2000. – С. 62–69.

8. Калинин В.М. К вопросу об оппозициях в поэтонимосфере художественного произведения // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. Научно-методический сборник. – К 80-летию профессора О.Е. Ольшанского. – Ч. I [сборник научных трудов / отв. ред. В.А. Глушченко]. – Славянск: СГПИ, 2001. – С. 93–97.

9. Калинин В.М. До семіотики та естетики поетонімосфери роману Ліни Костенко «Берестечко» // *Linguistica slavica* / Ювілейний збірник на пошану Ірини Михайлівни Желізняк. – Київ: Київ, 2002. – С. 63–68.

10. Калинин В.М., Панасюк Л.О. Поэтонимосфера пролога к тетралогии Т. Манна «Иосиф и его братья» // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: научно-методический сборник. – Вып. X. – Ч. I [сборник научных трудов / отв. ред. В.А. Глущенко]. – Славянск: СГПИ, 2002. – С. 147–160.

11. Калинин В.М. Поэтонимосфера: поиски новых путей в теории литературной ономастики // Ономастика Поволжья: тез. докл. IX Международной конференции. Волгоград, 9–12 сент. 2002 г. / отв. ред. В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 38–41.

12. Калинин В.М. Введение в теорию поэтонимосферы // Русское слово в мировой культуре: материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 3 июня – 5 июля 2003 г. Художественная литература как отражение национального и культурно-языкового развития: в 2-х т. – Т. II: Русская литература в общекультурном и языковом контекстах / под ред. П.Е. Бухаркина, Н.О. Рогожкиной, Е.Ю. Юркова. – СПб.: Политехника, 2003. – С. 154–158.

13. Калинин В.М. Своеобразие онимного пространства А.С. Грина (роман «Блистающий мир») [1] // А.С. Грин: взгляд из XXI века. – Киров, 2005. – С. 203–209.

14. Калинин В.М., Буевская М.В. Опыт о свойствах и структуре поэтонимосферы // И слово Ваше отзовется / Гуманитарный центр «Азбука». – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – С. 182–194.

15. Калинин В.М. Поэтонимосфера рассказа А.П. Чехова «Трагик» // Филологические исследования: сб. науч. работ; редколл.: В.В. Фёдоров (отв. ред.) и др. – Вып. 12. Чеховский сборник. – Донецк, 2014. – С. 112–125.

16. Калинин В.М. О проблематике теории поэтонимосферы // Имя собственное в жизни и литературе: материалы XI Святогорских Международных ономастических и XI Михайловских Международных литературно-ономастических чтений. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. – С. 273–280.

17. Калинин В.М. Размышления о юбилее // Всеволод Николаевич Михайлов: воспоминания коллег и учеников (к 90-летию со дня рождения); Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского / сост. и ред. А.В. Петров. – Симферополь, 2018. – С. 3–5.

18. Калинин В.М. Роль В.Н. Михайлова в становлении и развитии поэтономологии (литературной ономастики) // *In Nōminum Spatio* (В пространстве имён): материалы Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина / под ред. В.М. Калинкина. – Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2018. – Вып. 3. – С. 109–115.

19. Магазаник Э.Б. Поэтика имен и эзопов подтекст в повести Гоголя «Вий» // Труды Самаркандского гос. ун-та, новая серия. – Вып. 123. – Ч. 2. – Самарканд, 1963. – С. 117–123.
20. Магазаник Э.Б. Поэтика имён собственных в русской классической литературе: Имя и подтекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои. – Самарканд, 1967. – 24 с.
21. Магазаник Э.Б. «Говорящие имена» в литературе (Проспект) // Труды Самаркандского ун-та. – Самарканд, 1974. – Вып. 264. – С. 85–94.
22. Магазаник Э.Б. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с.
23. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 154 с.
24. Михайлов В.Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в., их функции и словообразование: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Симферополь, 1955. – 501 с.
25. Михайлов В.Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. – Луцк, 1965. – 54 с.
26. Михайлов В.Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи: учеб. пособие. – Симферополь: СГУ, 1981. – 28 с.
27. Михайлов В.Н. О специфике литературной ономастики // Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи: межвузовский научный сборник. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1988. – Вып. 22. – С. 3–19.
28. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
29. Словник української ономастичної термінології / укладач Бучко Д.Г., Ткачова Н.В. – Харків: Ранок – НТ, 2012. – 256 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЬЕС ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО «КЛОП» И «БАНЯ»

М.Э. Курылко
mterri2@mail.ru

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(Горловка)

Поэт-футурист Владимир Маяковский проявил себя не только как прозаик, но и как писатель-драматург, новатор русской футуристической драматургии. Две наиболее яркие пьесы зрелого периода творчества писателя – «Клоп» и «Баня» – были написаны на одном дыхании: первая – в 1929-м, вторая – в 1930-м годах. Пьесы наполнены разнообразной вариацией художественных особенностей и приёмов, как, например, синтез, элементы балагана, гротескные планы, аллюзии, параллели, уникальные образы, говорящие фамилии и др. Кроме того, пьесы включают в себя окказионализмы, с помощью которых и даются характеристики уникальным образам автора. Важно отметить, что большинство из них является глаголами, а основную роль в их образовании играет префиксация. В своём арсенале художественных средств Маяковский активно использовал гротескность, соединение бытового и фантастического планов, единичного и символически обобщённого, эксперименты со словоформой, собирательные образы людских «толп», «масс» как сатирических объектов. Обилие художественных особенностей и приёмов в пьесах «Клоп» и «Баня» делает их актуальными для изучения.

Одной из важных художественных особенностей пьес «Клоп» и «Баня» является использование окказионализмов. Новейшая футуристическая драматургия включает в себя множество аспектов, и наличие окказионализмов в текстах упомянутых пьес лишь усиливает направленность произведений. Поэтому изучение окказионализмов в пьесах Владимира Маяковского является актуальным в контексте русской футуристической драматургии в целом.

Примером окказионализмов в глагольной форме может служить единица «разагитировал»: «Я почти *разагитировал* бухгалтера Ночкина» [3: 591]. Здесь речь идёт не просто об агитации, а об изменении мнения или взглядов, поэтому в этом эпизоде словоформа «разагитировал» имеет значение близкое к значению глагола «разубедить».

Приведём примеры из пьесы «Клоп». С помощью окказионализмов автор показывает незаурядность и примитивность речи При-

сыпкина: *Я ж не для того размёрз, чтобы вы меня теперь засушили* [3: 577]. Отметим, что не только речь героя, но и его внешний вид описывается с помощью глагольного окказионализма «расчучелило», истолкованного нами как ‘одеваться нелепо, вычурно, подобно чучелу’: *Ванька, брось ты эту бузу, чего это тебя так расчучелило?* [3: 558]. Не менее интересными представляются примеры пейзажных зарисовок в пьесе «Клоп»: *Вода на лету сосулится* [3: 563], то есть ‘замерзает мгновенно, превращаясь в сосульку’.

С опорой на окказионализмы поэт подчёркивает уровень культуры персонажей. Например, Победоносиков, герой пьесы «Баня», без всякого смысла употребляет новаторское «союбилейщики»: *И Толстой, и Пушкин, и даже, если хотите, Байрон – это всё хотя и в разное время, но союбилейщики...* [3: 596]. Абсурдность окказионализма поддерживается контекстом: «союбилейщики – но в разное время». Такого рода окказионализмы добавляют тексту комичности, а порой и сатиричности, раскрывают суть героев, которая так мастерски скрывается ими. Комичным в этом плане является следующая реплика: *рациолярию он канцеляризировал* [4: 602], что, вероятно, означает ‘канцелярию он рационализировал’.

Следующей особенностью пьес являются гротескные метаморфозы. Этот приём рассмотрим в произведении «Клоп», которое было написано в 1929 году, в период кризиса в творчестве автора. Поэтому именно в комедии «Клоп» раскрылось гротескное восприятие поэтом окружающего мира. Яркие краски, комизм, пафос скрывают в себе безысходность, пустоту, бессмысленность, пугающие самого автора. Основным моментом гротескного плана в пьесе являются превращения – метаморфозы Присыпкина, который становится Пьером Скрипкиным. В гротеске «движение перестаёт быть движением готовых форм <...>, а превращается во внутреннее движение самого бытия, выражающееся в переходе одних форм в другие, в вечной неготовности бытия», – отмечал М.М. Бахтин [1: 43]. Примером лишь намеченного подобного перехода может служить сцена из первого действия, где Присыпкин говорит: *«В нашей красной семье не должно быть никакого мещанского быта и брючных неприятностей»* [3: 552]. Кроме того, интересна реплика Присыпкина к Баяну в отношении превращения себя самого и понимание этого: *«Товарищ Баян, я против этого мещанского быту – канареек и прочего... Я человек с крупными запросами... Я – зеркальным шкафом интересуюсь...»* [3: 552].

Анализируя реплики соседей Присыпкина в рабочем общении, проследили особенности трансформации главного героя в героя

«нового класса»: *«Макдональд и есть! Не в галстук дело, а в том, что не галстук к нему, а он к галстуку привязан. Даже не думает – головой пошевелить боится»* [3: 555]. Превращение и модификация Присыпкина – типично гротескный приём, внешняя метаморфоза, пафосная, несомненно наигранная, призвана скрывать внутреннюю опустошённость героя как заурядного и жалкого персонажа.

Следующий пример раскрывает нам гротескный план уже в условно второй части пьесы. Автор переносит читателя в будущее, где находят замёрзшее тело Присыпкина. Так называемая Федерация Земли пристально наблюдает за этим событием, а некие «правильные» люди яростно рассуждают о возможности возвращения Присыпкина к жизни. Фраза оратора: *«На перекрёстке 62-й улицы и 17-го проспекта Тамбова... обнаружила засыпанный землёй оледеневший погреб... Институт считает возможным воскрешение индивидуума», «Мы голосуем человеческую жизнь»* [3: 565–566] – является знаковой, так как раскрывает следующий этап гротескной трансформации героя. Однако Присыпкин не соответствует новым стандартам, что роднит его с автором: его внешний вид, реплики – всё обретает эпидемическую природу: *«Чего? Это вы чевои-то отморозили. Ещё посмотрим, кто из нас были пьяные. Вы, как спецы-доктора, всегда сами около спиртов трётесь. А я себя, как личность, всегда удостоверить сумею. Документы при мне. (Выскакивает, выворачивает карманы.) 17 руб. 60 коп. при мне. В МОПР? Уплатил. В Осоавиахим? Внёс. «Долой неграмотность»? Пожалуйста. Это что? Выписка из загса! (Свистнул.) Да я же вчера женился!.. Это ж за сколько у меня в профсоюз не плочено! Пятьдесят лет! Справок-то, справок спросят! Губотдел! ЦК! Господи! Жена!!! Пустите! (Обжимает окружающим руки, бросается в дверь. Хором. Это что он такое руками делал? Совал и тряс, тряс и совал...»* [3: 571].

Сам герой воспринимается как пережиток прошлого, возврат в нецивилизованный доисторический период жизни, ведь новое поколение напрочь лишено иррациональности, натуры и максимально материализовано. Происходит также и трансформация мира. Идентификация Присыпкина людьми «нового класса» была недолгой: анализируя личность Присыпкина, председатель и директор института исследований делают вывод, что он не «гомо сапиенс», а равный «клопусу нормалису», «обывателису вульгарису», а именно *«живое человеческое тело для постоянных обкусываний и для содержания и развития свежеприобретённого насекомого»* [2: 581–582]. Директор зоосада, куда помещают Скрипкина, указывает на окончательную метаморфозу и

приравнивание Присыпкина к существу доисторической эпохи: *По внешним мимикрийным признакам – мозолям, одежде и прочему – уважаемый профессор ошибочно отнёс размороженное млекопитающее к «гомо сапиенс» и к его высшему виду – к классу рабочих* [3: 581]. Эта метаморфоза оказывается последней, Присыпкин навсегда остаётся жителем зоосада, окружённым защитным стеклом, отфильтровывающим выражения, звуки, запахи. М.М. Бахтин отмечает: «Всё, что в обычном мире было страшным и пугающим, в карнавальном мире превращается в весёлые “смешные страшилища”» [1: 59].

Кроме превращения Присыпкина, тот же гротескный характер имеет трансформация Бочкина в Баяна. Герой торжественно отзывается о получении нового жизненного статуса: *«И вот теперь я Олег Баян, и я пользуюсь, как равноправный член общества и могу выражаться, то есть нет – выражаться я не могу, могу разговаривать, хотя бы как древние греки, и мне может вся страна отвечать, как какие-нибудь трубадуры:*

*Для промывки вашей глотки,
За изящество и негу
Хвост сельдя и рюмку водки
Преподносим мы Олегу* [3: 561].

Однако вновь мы сталкиваемся с псевдотрансформацией лишь на благозвучную фамилию Баян, которая никоим образом не меняет натуру героя. Оценить превращение героя можно благодаря репликам персонажей: *«Он – писатель. ...стихи, говорит, Апухтина за свои продал, а тот как обиделся, опровержение написал. Дураки, говорит, вы, – это я у Надсона списал. ...знаменитый он теперь очень – молодёжь обучает. Кого стихам, кого пению, кого танцам, кого так... деньги занимать»* [3: 556].

Обратимся к названию второй пьесы – «Баня», в котором, вероятно, можно проследить сходство с его метафорической составляющей. Ведь баня втягивает в свою орбиту и персонажей пьесы, и зрителей; сама баня создана не только для персонажей, но и для читателя. Она не олицетворяет конкретный предмет, а топос (место) и процесс действия (движение) в нём. Однако автор не может не учитывать значение слова *баня* в народном сознании. Баня, с одной стороны, – место встречи со стихиями (воздух, огонь), с другой – место очищения, перерождения. Кроме того, баня считалась местом встречи с нечистыми (нечестивыми). Баня, таким образом, являлась лишь метафоричным очищением от бюрократизма. Общество бюрократов понималось как общество мёртвое, оно противопоставлялось иерархичным людям, по мнению автора живым и естественным.

Структура пьесы «Клоп» представляет собой символистскую модель мира, где параллельность настоящего и будущего неразрывно связана со смыслом текста. Имя Пьер Скрипкин выбирает себе сам герой, он меняет русское *Иван* на иностранное и вычурное *Пьер*. И знаковым является также выбор фамилии героя. Этим поступком Присыпкин перечёркивает все родовые связи и принадлежности к русскому и коренному. Кроме того, важную роль играет отказ главного героя от свадьбы с Зоей Берёзкиной. Фамилия Берёзкина указывает на русский символ – *берёзу*, тем самым относя героиню к исконно русской девушке. А брак с Ренессанс также указывает на разрушение родовых связей героя. Кроме того, сама Ренессанс направляет взгляд читателя не на будущую цивилизованность и идиализированность, а на прошлую эпоху Ренессанса.

Важно обозначить несколько ключевых деталей. Фамилия «главначпуца» – Победоносиков является аллюзией на умершего за 23 года до написания пьесы Константина Победоносцева. Фамилия репортёра – *Моментальников* является аллюзией на литературного критика Давида Тальникова. Сокращение «главначпуц» (главный начальник по управлению согласованием) Корней Чуковский использовал в главе «Канцелярит» (в книге «Живой как жизнь») для характеристики приверженцев канцелярского языка. Уникален также и язык иностранца, «британского англосакса» Понта Кича, представленный русскими словами, по звучанию похожими на английские.

Довольно неординарной в произведениях является и драматургическая сатира. Например, в пьесе «Клоп» прослеживаются три плана: первый – сатирико-бытовой, второй – связанный с лирическим голосом автора, третий – встроено театральное представление. Все планы связаны общим сюжетным началом, раскрывающим метафору [2].

На первом, сатирико-бытовом, уровне сюжет комедии включает рассказ о бытовом перерождении героя. С его помощью автор обличает новое советское общество, поднимает проблему опасной привлекательности «уютной» мещанской жизни, сосредоточенной лишь на быте, удобствах, для молодого поколения.

В результате стремления устроить себе «лучшую жизнь» главный герой Иван Присыпкин «отрывается» от рабочего класса, женится на нэпманской дочке, предавая тем самым революционные идеалы всеобщего коллективного счастья, подменяя их «отдельным» счастьем мещанской семьи. Маяковский показывает, что проблема бытового перерождения – это во многом вопрос отсутствия культуры и вкуса.

В комедии есть такой типаж, как Олег Баян, который пропагандирует «красивую» жизнь. При этом при первой же встрече перед чи-

тателями предстаёт человек малообразованный, его речь неграмотна, представления о «культурном быте» примитивны. Сатирой проникнута также свадьба Скрипкина, для героя она является своеобразным переходом в «новую» жизнь.

Сатирично автор изображает и людей будущего, которых встречает Скрипкин. Новые люди считают героя заряженным микробом мещанства и поэтому даже не признают его человеком в полной мере, его считают представителем вымершего рода. Грубый, эгоистичный Скрипкин среди «идеальных» людей, для которых пьянство, подхалимство и прочие пороки давно стали пережитками, выглядит весьма непрезентабельно, для них все эти отрицательные явления стали давно забытыми. Для людей будущего Скрипкин является угрозой, эпидемией, он представитель мещанства, а они люди высокой нравственной культуры [2].

Скрипкин, будучи изначально отрицательным персонажем, оказывается в ситуации, когда у него единственного сохраняется душевно-эмоциональная сфера и он пробуждает её в других. Попадая в новый мир, он обнаруживает, что этот мир его совсем не радует, и его категорически не устраивает, что его разморозили. Ведь тот мир, в котором человек оказался полностью лишён души, этот существенный изъян делает этот новый мир подлинно мещанским миром, так как отсутствует стремление выйти за пределы этого материального мира [2].

Сатирическая пьеса «Баня», созданная в 1929 году, написана в формате «театр в театре». В этой пьесе показано общество новой бюрократии, поэтому произведение достаточно холодно было воспринято современниками. Одна из главных тем пьесы – утверждение живой силы искусства. И метаморфозой преодоления времени с помощью искусства является изобретённая Чудаковым сила времени. В пьесе автор высмеивал болтунов, бездельников, самовлюблённых бюрократов [2].

Пьесы «Клоп» и «Баня» представляют собой комедии, которые обличают главные пороки современного поэту общества. По мнению автора, в будущем не останутся такие пороки, как грубость, пьянство, хамство, пошлость. Пьесы несут в себе яркую сатирическую направленность, выявляют те недостатки окружающего социума и среды их обитания, которые можно найти в любом обществе и в любое время.

Рассмотрев художественные особенности двух пьес Владимира Маяковского, мы можем сделать вывод о том, что, как и всё творчество автора, пьесы «Клоп» и «Баня», благодаря художественным особенностям и приёмам, представляются уникальными произведениями

русской драматургии. Автор применяет многообразие художественных приёмов, включая такие особенности, как рождение окказионализмов, метафоричность, балаганность, гротескность, говорящие фамилии, аллюзии, сатиру и другое. Каждый приём и каждое средство привносит в восприятие произведений всё новые и новые особенности, порождая бесконечные интерпретации. Все приёмы усиливают восприятие читателя, каждый приём гиперболизирован и максимально открыт.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7-и т. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. 4 (2). – 640 с.

2. Купченко Т.А. Условная драма 1920–1950-х годов (Л. Лунц, В. Маяковский, Е. Шварц): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – «Русская литература». – М., 2005. – 145 с.

3. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах / сост. Ал. Михайлова, прим. А. Ушакова. – М.: Правда, 1988. – Т. 2. – 768 с.

**ПОЭТИКА СОБСТВЕННЫХ ИМЁН
В ДРАМЕ М.П. ПОГОДИНА
«МАРФА – ПОСАДНИЦА НОВГОРОДСКАЯ»**

*И.В. Логвинова
lo-grina@yandex.ru*

Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке
(Москва)

Собственные имена в драматическом тексте не равнозначны историческим лицам. Поскольку в художественном мире они отвлечены от конкретных личностей и являются действующими лицами, носителями тех или иных идеологических установок, которыми их наделяет автор. Поэтому, рассматривая собственные имена в драме М. П. Погодина «Марфа – Посадница Новгородская» (1830), мы их воспринимаем как персонажей, действующих в художественном мире, который являет собой мысль автора по поводу конкретного исторического события.

Соотношение художественного и исторического в тексте драмы таково, что художественное даёт объяснение историческому, выводя исторические лица на сцену и заставляя их вступать в диалоги, произносить монологи, определяющие их характер и отношение автора к ним. Так, в драме Погодина очевидно историческое несоответствие: в произведении присутствует младший сын Марфы Алексей Борецкий, в то время как у неё был старший сын Дмитрий. Упоминаются и иные исторические деятели и лица, которые нужны для массовых сцен и показа расстановки сил. Погодин создаёт картину жизни новгородцев, их мировоззрения и для правдоподобия, в русле поэтики натуральной школы, приводит имена реальных исторических лиц того времени. Чтобы дать читателю ясное представление о том, что произошло в Новгороде, писатель производит разбивку персонажей на два лагеря: на тех, которые ратуют за союз с Москвой, и тех, которые готовы биться насмерть и не допустить этого союза. На фоне идейных споров этих двух групп рельефнее выступает характер Марфы и её советников, яснее становится идея, за которую гибнут люди. Поэтика собственных имён помогает понять над-историческое в драме Погодина, поскольку в уста этих персонажей он вложил мировоззрение целых групп реальных людей, их надежды, страхи и желания.

В процессе анализа драмы Погодина мы выявили разграничительную функцию поэтонимов. Имена и прозвища персонажей мар-

кируют отношение новгородцев к москвитянам, помогают понять подоплеку исторических событий. При этом в драме встречаются персонажи, которых в истории не было. Они нужны автору для продвижения действия. Кроме того, в тексте имеются перечни имён и фамилий тех граждан, которые подлежат суду или прославились на поле боя. Как отмечает В.М. Калинин, известные исторические деятели в драматическом произведении выступают не как цельная личность, а как один из образов, отраженный в сознании автора: «Если же речь в художественном произведении идёт о личности широко известной, то Автор, случается, стремится воссоздать сложившиеся в обществе представления о носителе имени» [1: 236], «литературные онимы именуют не объекты реальности, а художественные образы этих объектов» [1: 237]. Поэтому мы исходим из того, что царь Иван Грозный, Марфа-Посадница и другие персонажи – это только образы, списанные с реальных исторических лиц, отражающие представление о них Н.М. Карамзина (поскольку на его изложение истории о Марфе-Посаднице опирался Погодин) и Погодина. Имя в драме – это точка зрения на персонажа. Поэтому очертим для начала круг поэтонимов, именующих основные действующие лица произведения.

Царь Иван Грозный в пьесе выступает как «князь Московский», который, по словам Марфы-Посадницы, «идет незванный в гости к новгородцам», «Иван» («ему все кланяются в пояс»), «палач московский», «потомок Ярослава», «враг, злодей московский», «властолюбец», «великий царь всея Руси».

Главная героиня, Марфа-Посадница, выступает в роли «матушки», «Марфы», «родимой», «Посадницы», «матери новгородцам», «жены посадника Исака, Марфы Борецкой».

Ещё один персонаж, у которого несколько имён-ролей – Алексей, сын Марфы-Посадницы: «Алексей Борецкий», «посадник», «Алексей Исакыч», «сын». В зависимости от того, действует ли он в угоду матери или в угоду Иоанна, его называют то предателем (Марфа), то усердным и благим служителем (Иоанн). Эпитеты, которых он удостоивается, отражают точку зрения Марфы или Иоанна.

Остальные персонажи носят имена и фамилии, иногда прозвища. При этом при ближайшем рассмотрении выясняется, что образы людей царя Иоанна отличаются от образов новгородцев стилистически: в прозвищах князей, которые ведут военные отряды, мы видим уделы (это удельные князья), а в прозвищах новгородцев – их предков, былую славу. Богатство и знатность против своеволия и воинской славы.

У князей Иоанна имена и фамилии, выражающие знатность их родов, а у новгородцев имена и отчества, прозвища, фамилии.

Такое стилистическое разделение поэтонимов подчёркивает основной конфликт пьесы – борьбу царя Иоанна с непокорным и древним Новгородом, грозящим заключить союз с польским королём и Ригой. Однако Погодин показывает, что конфликт лежит ещё глубже – это борьба двух мировоззрений. И царь, и Марфа желают блага русскому народу. Но царь при этом мыслит гораздо шире, что видно из его заключительного монолога, после того как он услышал из уст Марфы пророчество о себе соловецкого старца:

Что Господу угодно – да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.
Литвы, Орды отсель не устроятся
Отечество, стяжавшее покой.
Пусть мой род любезный прекратится,
Но Русь моя восстанет над землей.
Забудьте ж все грозы и все напасти
В сени моей самодержавной власти! [2: 403].

Интересно также наблюдать списки имён и фамилий, которые фигурируют как со стороны новгородцев и Марфы, так и со стороны царя Иоанна. О списках имён пишет У. Эко, выделяя различные виды списков [3]. В драме Погодина списки играют роль обозначения военной славы новгородцев (перечень имён и фамилий новгородских героев былых времён, который провозглашает Марфа, призывая новгородцев на битву с «московским князем») и границ милости царя Иоанна, который готов даровать жизнь некоторым новгородским семействам, но наказать особо строптивых людей, которые творят смуту в российском государстве. Чаще всего Марфа, обращаясь к согражданам, взывает к исторической памяти: «Стыдись считать врагов, внук Твердислава! Без счёту бил твой незабвенный предок Черниговцев, Литву и Чудь, и немцев» [2: 343]. Посадник также перечисляет наиболее родовитых граждан, которые знали о предстоящих переговорах с «князем московским»: «Граждане многие о наших мерах знали: Борецкие, Панфильевы, Гулдовы, Репеховы, Ланкины, Муравьевы» [2: 299]. В речи же Иоанна звучат фамилии удельных князей и названия городов, что маркирует его мышление крупными категориями и соответствует его роли царя всея Руси. В списке имён царь не забывает никого из изменников, которых нужно казнить, и людей из знатных родов Новгорода, чьё имение нужно описать в казну.

Интересен также перечень имён святых угодников, которым молятся священники и монахи Новгорода: «Велий Никола Чудотворец,

Стратилаты Димитрий, Феодор, Иоанн-воин!» [2: 367]. Одни новгородцы, перебивая перечисление имён, говорят: «Его не кличьте – это князев ангел!», а другие отвечают: «Не тот. Он Златоуст» [2: 367]. Царь Иван Грозный отождествляется с Иоанном Златоустом. Очевидно, что реплика о том, какой из святых является ангелом московского князя, вносит юмористический оттенок, поскольку обычно молятся всем святым, не разграничивая, чьими покровителями они являются.

Таким образом, поэтонимы в драме «Марфа-Посадница» играют роль маркирования отношения двух враждебных друг другу групп людей: новгородцев и воинства царя Иоанна. Их распределение на две группы объясняет позицию автора, который в предисловии к драме пишет о том, что она основана на точке зрения Карамзина на события в Новгороде. И эта точка зрения звучит в последнем монологе царя о том, что он сокрушил вольность Новгорода для блага всей Руси. Чтобы чётче обозначить конфликт, автор вводит вымышленное лицо – Алексея Борецкого, младшего сына Марфы, а также сцену с заговором удельных князей и битву. Имя Алексей поэтому можно расценивать как значимое, с древнегреческого оно переводится как ‘защитник или помощник’. Не случайно ему автор отводит роль помощника Иоанна в усмирении новгородского бунта. Используя имена исторических лиц, Погодин рисует историческую картину, какой её себе представлял Карамзин. Имена исторических лиц здесь выведены для достоверности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Калинин В.М. К специфике онимии в драме // Филологические исследования: Целое человека. – Выпуск 16 (специальный) / редколлегия: В.М. Калинин (отв. ред.) и др. – Донецк: Азбука, 2022. – С. 227–248.
2. Погодин М.П. Повести. Драма / сост., вст. ст. и примеч. М.Н. Виролайнен. – М.: Советская Россия, 1984. – 432 с.
3. Эко У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов; перевод с итал. – М.: Слово/SLOVO, 2009. – 408 с.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ «АКТРИСА» (1942). II

К.В. Першина

pershinakv@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

В.Н. Михайлов отмечал, что существующее представление о собственных именах как номинативно-индивидуализирующих знаках <...> может быть дополнено показом и анализом «поведения» этого своеобразного разряда лексики в различных контекстах речевой практики (в художественной литературе, публицистике, разговорном стиле) [2: 49]. Один из таких контекстов создают звуковые художественные фильмы. Их речевая составляющая предоставляет широкие возможности изучения онимов в функциональном аспекте. В данной статье продолжается анализ онимного пространства художественного фильма «Актриса» (1942). В предыдущей работе [3] рассматривались антропонимные номинации главной героини фильма – актрисы оперетты Зои Владимировны Стрельниковой. Объект данной работы – именованная других персонажей. Анализ нацелен на установление соотношения анализируемой части антропонимикона фильма с реальным русским антропонимиконом отражаемого в картине периода, состава антропонимных формул и их содержательности. Источником фактического материала является видеозапись фильма, восстановленного в 1972 году на киностудии «Ленфильм» (сам фильм снят в 1942 году на Центральной Объединённой киностудии в г. Алма-Ате; сценаристы Н. Эрдман и М. Вольпин, постановка Л. Трауберга, оператор А. Москвин).

Основное действие фильма разворачивается в 1941 году; второй главный его герой – Пётр Николаевич Марков, находящийся на излечении в военном госпитале с серьёзным ранением глаз майор. Значительную часть экранного времени он пребывает с повязкой на глазах и не видит тех, с кем общается. Именно это обстоятельство лежит в основе референтного раздвоения именованной главной героини фильма [см.: 3]. Онимная номинация данного героя фильма осуществляется с помощью использования его личного имени, отчества, фамилии, которые вводятся в определённые антропонимные формулы. В титрах фильма даётся однокомпонентная формула именованной, заполняемая фамилией – Марков. По ходу картины появляются следующие номи-

нации героя: личное имя в полной форме Пётр, гипокористика Петя и уменьшительно-ласкательный вариант Петенька, отчество Николаевич / Николаич, фамилия Марков.

Полная форма имени Пётр используется в составе формулы Пётр Николаевич разными персонажами: матерью героя в письме к нему на фронт: дорогое мое дитяtko, Петр Николаевич; приятельницей матери Борисовной в разговоре с матерью героя: а когда немцев побьют да Пётр Николаич вернётся; Стрельниковой Зоей Владимировной: она произносит её при чтении Маркову письма от его матери: дорогое моё дитяtko, Пётр Николаевич, а также в обращении к уезжающему на фронт Маркову: Пётр Николаич (трижды), ну, говорите, говорите скорее, Пётр Николаич...

Формы имени Петя и Петенька, употребляемые матерью Маркова в письме к сыну, зритель видит и читает, а затем слышит в эпизоде озвучивания письма Маркову в палате няней Зоей и в эпизоде проводов Маркова на фронт (в речи матери): только береги себя, Петенька, береги себя, мой родной. Иными словами, личное имя героя (в трёх формах) и его отчество представлены в фильме в звуковом и графическом образе. Порядок появления перечисленных номинаций в дискурсе: Пётр Николаевич (речь Борисовны), Пётр Николаевич, Петя, Петенька (речь матери в письме, затем воспроизведение этих номинаций Стрельниковой, читающей письмо матери Маркову, далее – обращение матери героя и Стрельниковой к Маркову при проводах его на фронт). Форму имени Петенька вводит в свою речь Марков в эпизоде после прослушивания текста письма своей матери: да, это моя мама; тут уж никакого сомнения быть не может: это моя мама. Она как рассуждает? Если её Петенька на фронте, весь мир должен на цыпочках ходить <...>.

Коннотативная составляющая форм личного имени Петя и Петенька выражается интонационно (в речи матери героя) и синтагматически, путём сочетания с апеллятивными определениями и приложениями: дорогое моё дитяtko, сыночек мой родной, дорогой Петенька, мой родной (во фразе: *Только береги себя, Петенька, береги себя, мой родной*), а в форме Петенька – и словообразовательно, т. е. используется целый комплекс выразительных средств.

Фамилия героя Марков впервые произносится в фильме в формуле *товарищ Марков* (речь соседа по палате в госпитале Зайцева): *А, это ты, товарищ Марков, а я думал опять няня Зоя*. Данная формула именованя героя является основной в фильме и используется разными персонажами: Стрельниковой, военврачом, соседями по

палате: *вы очень много говорите, товарищ Марков, у Вас опять температура поднимется; странный Вы человек, товарищ Марков; подумайте, товарищ Марков, в театре все красивые слова говорят; а теперь спите, товарищ Марков; это я, товарищ Марков; сию минуту, товарищ Марков; товарищ Марков, значит, когда Вы спорили со мной, Вы уже знали, что я – это я?* (речь Стрельниковой); *так вот, товарищ Марков, второго числа снимаем повязку* (речь военврача); *товарища Маркова окончательное излечение имеет всесоюзное оборонное значение* (речь соседа по палате Зайцева); *говорят, не волнуйтесь, товарищ Марков* (пересказ Марковым в разговоре с няней Зоей слов докторов, проводивших осмотр) и др. В фильме воспроизводится норма общепринятого именованя военных и гражданских лиц в советское время за пределами бытового общения. Она реализуется и при именовании других раненых: товарищ Зайцев (в речи Маркова и военврача), товарищ Бондаренко (в речи няни Зои) и входит в парадигматический ряд с именованями *товарищ военврач второго ранга, товарищ майор, товарищи раненые*.

Одиночная фамилия Марков в речи персонажей используется редко. Как обращение она представлена в речи соседа по палате: *Эх, Марков, Марков, жаль, тебя не было с нами, к нам шефы приезжали*; как именование третьего лица – в речи доктора, который обращается к медсестре: *Маркова положите в маленькую палату <...> не нравится мне его температура*, и в ответе раненого, выступающего в роли факира Васи Иванова, на вопрос: *А как фамилия этого человека, о котором думает эта дама, которая уже не смотрит мне в глаза? – Марков*.

Имена главных героев Пётр и Зоя взяты из традиционного русского именника, в послереволюционное двадцатипятилетие XX века (в это время герои их получили) они входили в группу частых [1: 146, 156]. Их коннотативная и ассоциативная составляющие, особенно в сочетании с отчествами Николаевич и Владимировна, соответствуют смысловому позитиву, исходящему от этих героев. Не исключено, что Н. Эрдман, входивший в начале своего творческого пути в круг имажинистов, учитывал и внутреннюю форму этих имён (Пётр ‘камень’, Зоя ‘жизнь’).

Именованя матери Маркова в несколько большей степени, чем рассмотренные выше, ориентированы на функцию характеризующего средства, причём не только самой их носительницы, но и артистки Стрельниковой. В титрах мать Маркова именуется по имени и отчеству – Агафья Лукинична (в отличие от номинаций сына Марков и

актрисы Стрельникова по фамилиям). По ходу фильма эта номинация звучит в речи приятельницы героини Борисовны: *Слушай, Агафья Лукинична, а какая из себя новая жилищка, тебе никто не сказывал?, ну и характер у тебя, Агафья Лукинична, перец*; Марковым, который использует её для именованя не своей матери, а Стрельниковой, выразившей своё согласие с позицией неприятия Агафьей Лукиничной работы театров и актёров во время войны: *Здравствуйте, Агафья Лукинична* (обращаясь к Стрельниковой). Данный номинативный приём позволил очень кратко обозначить отношение Маркова к позиции обеих женщин.

Ещё одна номинация матери Маркова в фильме – баба Гаша. Первое её использование осуществляется в речи администратора театра, сообщающего Стрельниковой имя хозяйки комнаты: так называемая баба Гаша. Далее она представлена в речи Стрельниковой: *можно, я буду называть Вас баба Гаша, а Вы меня Зоя*. И ещё раз эта номинация произносится самой Агафьей Лукиничной на вокзале, когда она стала свидетельницей прощания Стрельниковой с Марковым и снова услышала от неё неверное своё отчество: *Вот что, Зоенька, зови уж меня просто баба Гаша*. В последней реплике слово просто помогает зрителю понять один важный нюанс содержательности формулы «имя + отчество» для Марковой: им она подчёркивает свой социальный статус: Стрельникова. *Позвольте, я буду называть Вас просто баба Гаша, а Вы меня Зоя*. Агафья Лукинична. *Нет уж, Зоя Владимировна, зовите меня лучше Агафья Лукинична, потому что я, если хотите знать, батальонному командиру, а проще сказать, майору, который вот здесь две шпалы носит, родная мать*.

Сценаристы эти две номинации героини наделяют весомой семантико-стилистической и коннотативной значимостью, используя общепринятые номинативные структуры. К сказанному следует добавить, что личное имя Агафья в начале XX века уже не входило в состав частых, что тоже способствует его выразительности; имя Лука, с которым связано отчество Лукинична, также не входило в состав частых [см.: 1].

Администратор театра, подыскавший комнату для Стрельниковой, именуется ею по имени-отчеству: *Анатолий Сергеевич, неужели нашли комнату?* Сам он называет себя Оболенский, знакомясь с Агафьей Лукиничной и Борисовной: *Позвольте представиться, Оболенский, Оболенский*. Директор театра именуется Зиновий Александрович (в речи Стрельниковой). При именовании военврача в госпитале используется трёхкомпонентная формула – Семён Семёнович Добровольский (в речи Зайцева).

Именования раненых – товарищ Зайцев, Зайцев, товарищ Бондаренко – соответствуют общепринятой антропонимной норме, стилистически нейтральны. В отличие от них, именование персонажа факир Вася Иванов (раненый, выступающий в самодеятельном юмористическом номере для раненых в роли шпагоглотателя и ясновидящего) наделено яркой экспрессивностью и является результатом языковой игры, базирующейся на референтном и этническом несоответствии используемых именовании лиц.

В целом репертуар личных имён в художественном фильме «Актриса» соответствует антропонимной реальности изображаемого времени. Его составляют личные имена героев: Пётр с вариантами Петя, Петенька, Зиновий, Анатолий, Семён, Вася, Шурик; Зоя с вариантом Зоенька, Агафья с вариантом Гаща; в отчествах отражаются имена Николай, Владимир, Борис, Лука, Сергей, Александр, Иван, Никита, Тихон (два последних в отчествах Никитична и Тихоновна, которыми Стрельникова заменяет отчество Агафьи Лукиничны), упоминается имя Клеопатра с вариантом Клёпа, в составе зоонима (кличке попугая) фигурируют имена Кузьма и Терентий (кличка попугая – Кузьма Терентьич с вариантами Кузик, Кузенька).

Антропонимно номинируются в фильме не только действующие, но и упоминаемые лица, среди последних есть реальные исторические лица: Пушкин, Лебедев-Кумач, Чехов, Мусоргский, Кальман, Оффенбах: *Знаешь, когда ты сочиняешь стихи, то как-то особенно остро начинаешь чувствовать, что Пушкин умер; Пушкин умер, Лебедев-Кумач занят* (в речи Маркова); *вот я до войны в Художественном театре был – А что смотрел? – «Три сестры» Чехова* (в речи раненых Зайцева и Бондаренко), музыка Мусоргского (в оглавлении на грампластинке) – и вымышленные: Клеопатра Ивановна Басеврюк (донор, сдававшая кровь для фронта), Н.Н. Гремина (имя на афише артистки, заменившей Стрельникову после её ухода из театра). Кроме этого, зритель слышит имя героини куплетов Нинон из оперетты И. Кальмана «Фиалка Монмартра» Карамболина-Карамболетта. Как антропопоэтонимы использованы имена Отелло и граф Данила.

Фамилии Пушкин и Лебедев-Кумач в речи Маркова обозначают в дискурсе фильма не только реальных русских поэтов, но и поэтические и культурные ориентиры Маркова. Имя Пушкина имплицитно присутствует и в именовании няни Зои пушкинской цитатой – *подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя..*, и в названии оперы «Пиковая дама»: *А я больше всего оперу люблю, «Пиковую даму» семь раз слушал* (речь соседа Маркова по палате).

Антропонимные номинации в фильме реализуются и воспринимаются двумя способами: визуально в разнообразных дискурсивных ситуациях (в титрах, на афише, на грампластинках) и звучащими. Озвученная реализация является ведущей в звуковом художественном фильме, в ней заключена просодическая часть антропонимных номинаций, что позволяет осуществлять самую разнообразную интонационную нюансировку антропонимных единиц. Зрительный (графический) образ антропонимов в данном фильме создаётся средствами кириллического алфавита, он присущ не всем антропонимным номинациям. Зрители видят (на афишах, грампластинках) инициалы и фамилию: с участием З.В. Стрельниковой, исп. арт. З.В. Стрельникова; в исп. И.П. Шевцова, в письме матери к Маркову – варианты именования Пётр Николаевич, Петя, Петенька.

Антропонимные номинации в кинокартине не выдуманы, а перенесены в сценарий и фильм из самой жизни зрителей, для которых фильм создавался; для них он обычен, привычен, хорошо знаком. Состав личных имён с их вариантами, фамилий, отчеств способствует (вместе с другими средствами) созданию эффекта реальности происходящего на экране. Эти антропонимы выступают одним из способов перевода сознания зрителей в настоящую, не экранную жизнь, выступают связующим звеном реального бытия и поэтического мира фильма. Не следует забывать, что герои фильма по отношению к зрителям выступали их современниками, жившими, воспитывавшимися в той же этнокультурной среде, что и герои данного фильма. Все проприальные единицы и синтагматические их реализации взяты сценаристами из реального, то есть использовавшегося в реальной жизни начала 40-х гг. XX века, онимикона страны и вполне могут считаться ономастическими свидетельствами предвоенного и военного времени.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

2. Михайлов В.Н. О семантико-синтаксическом аспекте собственных имён в русской речи // Антология поэтонимологической мысли / отв. ред. Е.С. Отин; сост., подгот. текста В.М. Калинин; коммент., указатели В.М. Бувевская и др. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1: В.Н. Михайлов: избранное. Михайловские чтения 2007–2008. – 2008. – С. 49–55.

3. Першина К.В. Собственные имена в художественном фильме «Актриса» (1942) // XV Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения (14 сентября 2021 г.): материалы конференции / ред. В.М. Калинин, А.В. Петров. – Симферополь: Полипринт, 2022. – С. 49–54.

**КОНКОРДАНС КАК БАЗА ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ.
СТАТЬЯ 3: ТИПЫ КОНТЕКСТОВ, ФОРМАЛЬНО ОТМЕЧЕН-
НЫЕ СРЕДСТВАМИ ВЕРСИФИКАЦИИ И ПУНКТУАЦИИ**

А.А. Шульдишова

shuld_a@mail.ru

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»
(Москва)

Конкорданс поэтической трилогии А. Блока с одной стороны можно рассматривать как базу для исследования, с другой – как, собственно, процесс исследования. Формат базы данных MSAccess (применённый нами) позволяет разнообразно использовать его как материал при изучении идиостиля поэта. Конкорданс даёт возможность достоверного и исчерпывающего воссоздания функций каждой лексемы во всех её словоформах, встречающихся в текстах фраз, стихотворных строк или их фрагментов, выявления мельчайших оттенков значения каждого слова.

М.Л. Гаспаров в предисловии к русскому изданию «Конкорданса к стихам А.С. Пушкина» Дж. Т. Шоу справедливо сокрушался, что многие литературоведы, к сожалению, «слишком долго внушали, что в литературном произведении главное – содержание, а язык приходит сам собой, от таланта; поэтому у нас выросло уже не одно поколение литературоведов, которые никогда не слышали слова “конкорданс”» [4, т. 1: III].

Представляемый в тексте статей конкорданс как база для исследований языка писателя, особенно полезен при изучении идиостиля Александра Блока. Он позволяет глубоко проникать в лексический строй языка поэта, а внимание к структурам, функциям и значениям контекстов открывает необъятные возможности для исследования синтаксиса стиля и поэтики лирической трилогии.

С помощью конкорданса можно группировать лексику по различным признакам: мотивам, символам, образам, извлекать контексты разных типов с этими словоформами (минимальный, расширяющийся, широкий и т.д.). Материал конкорданса позволяет извлекать необходимую для исследований информацию в любых конфигурациях.

Созданный нами словарь в формате базы данных MSAccess позволяет отобрать нужные контексты, используя «Запросы», в которых задаются признаки (условия) поиска нужных сведений. Приведём

простейший пример отчёта – итоговой таблицы конкорданса к одному имени собственному в поэтическом цикле А. Блока «Кармен».

В представленной выборке показаны все употребления имени и произведённой от него диминутивной формы *Карменсита*. Поэтоним *Кармен* и его производная форма в творчестве Блока встречается 8 раз (8/1) и один раз в названии цикла.

Среди поклонников <i>Кармен</i> ,	3.Крм.*.*.203.1
Это – сердце в плену у <i>Кармен</i> ?	3.Крм.*.*.205.14
О, <i>Кармен</i> , мне печально и дивно,	3.Крм.*.*.206.3
Моих ночей, <i>Кармен</i> !	3.Крм.*.*.207.8
<i>Кармен</i> , твоих духов	3.Крм.*.*.207.16
Как дальний путь, <i>Кармен</i> !	3.Крм.*.*.207.29
Но я люблю тебя: я сам такой, <i>Кармен</i>	3.Крм.*.*.208.20
Перед явленьем <i>Карменситы</i>	3.Крм.*.*.199.8
<i>Кармен</i>	3.Крм.*.*.*.*

При формировании конкорданса с использованием возможностей компьютерного программирования большое значение имеют отмеченные уже в заглавии статьи формальные признаки, опираясь на которые программист может задать требования, предъявляемые к контекстам без опоры на их семантику. Так, контекст «стих» формально отмечен строкой в тексте стихотворения, контекст «фраза» (какого бы размера она ни была) отмечается конечным знаком предшествующей фразы и просветом, а завершается конечным знаком искомого контекста.

«Адекватное объяснение поэтики онима возможно только с учётом фактора контекста» [3: 251]. **Контекстом поэтонима** является такой фрагмент текста художественного произведения, который необходим и достаточен для определения роли поэтонима как в формировании значения самого фрагмента, так и в создании содержательной и образной целостности произведения [3: 253] [Выделено – автором]. Совершенно очевидно, что то же самое можно сказать в отношении любого поэтического образа, слова-символа и пр.

В.М. Калинин выделяет несколько типов контекстов: **микротекст** (словосочетание и нераспространённое простое предложение), **минимальный микроконтекст** (одно грамматически связанное с поэтонимом слово), **простой микроконтекст** (двучленные (возможны трёх- и даже четырёхчленные) словосочетания минимальной конструкции), **сложные микроконтексты** (на основе двух и более подчинительных связей, исходящих от одного главного слова), **расширенные контексты** (**фрагментальный контекст**, (простые или сложные предложения), **сверхфразовый контекст**) [3: 253].

Результатом использования возможностей блоковского конкорданса могут стать таблицы, представляющие полный ряд контекстов-фрагментов из трилогии «с учётом факторов протяжённости контекста, дислокации в нём поэтонима, значения и взаимного влияния контекста и поэтонима» [3: 251]. Приведём примеры контекстов поэтонимов *Кармен* и *Карменсита*:

– «**фрагментальный контекст**» [КВМ]: *сердце в плену у Кармен* [2, т. 3: 235];

– **контекст (сложное предложение)**: / *О, Кармен, мне печально и дивно, / Что приснился мне сон о тебе.* / [2, т. 3: 236];

– «**сверхфразовый контекст**» [КВМ]: / *Как океан меняет цвет, / Когда в нагромождённой туче / Вдруг полыхнёт мигнувший свет, – / Так сердце под грозой певичей / Меняет строй, боясь вздохнуть, / И кровь бросается в ланиты, / И слёзы счастья душат грудь / Перед явленьем Карменситы* / [2, т. 3: 227].

Уже проиллюстрированная выборка «Конкорданс к поэтониму Кармен» позволяет уверенно констатировать, что имя *Кармен* и его производная форма употреблены Блоком в нескольких планах:

- в номинативной функции;
- в функции обращения;
- в функции риторического обращения;
- как название цикла.

Как видно из отчёта, авторское предпочтение – на стороне функции обращения к лирической героине.

Позиция имени *Кармен* полифонична – оперный персонаж взаимосвязан с образом исполнительницы одноимённой роли (Л.А. Андреевой-Дельмас). Каждое проявление высокого чувства поэта к певице, гармонизирующееся со сценическим эпизодом или событием, произошедшим в реальной жизни, находит отражение в поэтическом цикле.

Так, первое употребление поэтонима *Карменсита* (/ *Перед явленьем Карменситы* / [2, т. 3: 227]) в стихотворении «Как океан меняет цвет ...» фиксирует, объединяет, во-первых, оперную сцену-завязку действия «Выход Кармен» из первого акта музыкального произведения Ж. Бизе, во-вторых – ощущения лирического героя от предстоящей встречи с любимой.

В пятом стихотворении цикла собственное имя (/ *Среди поклонников Кармен, /*) отсылает к свёрнутой оперной цитате (/ *Среди поклонников Кармен ... // Кармен, когда пойдешь за мною /*) и воссоздаёт музыкальный фрагмент [четвёртый акт либретто: финальная встреча

Хозе с Кармен: *Кармен! За мною ты пойдёшь!* [1: 91]. В то же время читается одно из биографических событий встречи поэта и оперной певицы.

Вообще каждое употребление имени, начиная с названия цикла, в поэтической канве лирического произведения отражает встречу лирического героя и любимой, благодаря чему достигается эффект непрерывности состояния влюблённости поэта.

В седьмом стихотворении почти цитата – / *Это – сердце в плену у Кармен* / [см. № 5 «Хабанера»] подтверждает любовь поэта на пределе чувств, желаний.

Многочисленные повторы поэтонима *Кармен* укрупняют поэтическую образность девятого стихотворения цикла «О да, любовь вольна, как птица ...». Это поэтическое произведение содержит три обращения к лирической героине: / *Весь бред моих страстей напрасных, / Моих очей, Кармен!* /, / *Пусть эта мысль предстанет строгой, / Простой и белой, как дорога, / Как дальний путь, Кармен!* / и примету Л. А. Андреевой-Дельмас: / *И я с руки моей не смою, / Кармен, твоих духов ...* / [2, т. 3: 237–238]. Так, образ лирической героини создаётся через усиление, нарастание музыкального «звучания» и определяет доминанту душевного состояния лирического героя. Кроме того, отсылает к оперному фрагменту [ср. «Арию о цветке», второй акт] и первому появлению Кармен в опере [Хабанера].

/ *О, Кармен*, мне печально и дивно / – стих из восьмого поэтического произведения цикла. Поэтоним в форме риторического обращения как бы возводит лирическую героиню в новый «статус» уважительного обращения к лицу более высокого «ранга», роли мадонны, подчёркивает её святость. Такая лирическая форма обращения возвышает и сакрализует образ Кармен, преображает в пречистую Деву.

В последнем стихотворении цикла также наблюдаем указание на момент первой встречи поэта в партере (/ *Вот – мой восторг, мой страх / В тот вечер в темном зале!* / <...> / *Вот чьи глаза меня так странно провожали, / Ещё не угадав, не зная ... не любя!* / <...> / *Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен* / [2, т. 3: 239].

В каждом из представленных примеров легко вычлениваются формальные признаки начала и конца контекста. Несмотря на то, что в примере предложена лексема *Кармен*, не имеющая падежных окончаний, она достаточна для того, чтобы показать возможности избранных контекстов, которые предоставляет конкорданс.

В следующей публикации мы планируем показать вариативные свойства семантики онимных единиц в лирической трилогии А. Блока

вместе с рифмующимися компонентами. Это уже другая задача, гораздо более сложная, связанная с тем, что не только рифмы бывают разные (концевые, начальные, приблизительные, точные, неточные и пр.), но и находиться они могут на некоторой дистанции по отношению к анализируемой словоформе. Поэтому нужно решать задачу селекции поэтонима в рифмующейся позиции вместе с созвучным ему компонентом контекста.

В заключение, в форме вывода повторим сказанное ранее.

Конкорданс позволяет расширить и дополнить наблюдения, выявить и собрать все случаи употребления любой словоформы, обнаружить и проанализировать их многосторонность и нетривиальность, одним словом, адекватно трактовать творчество поэта.

Исследовательский потенциал конкорданса необъятен, а конкордансное экспонирование поэтического творчества А. Блока даёт возможность понять свойства использованных словоформ в контексте художественного целого.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бизе Ж. Кармен. – Оперное либретто. – М.: Музыка, 1979. – 92 с.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8-и т. / под общ. ред. В.Н. Орлова. – М.–Л.: Гослитиздат, 1960–1963.
3. Калинин В.М. 2.4. Поэтика и контекст // Калинин В.М. Поэтика онама. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
4. Шоу Дж. Томас. Конкорданс к стихам А.С. Пушкина. – Т. 1 (А–Н). – М.: Языки русской культуры, 2000. – I–X, 662 с.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ И ОНИМООБРАЗОВАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМ В ОНОМАСТИКЕ

В.И. Мозговой

towni48@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Проблема нормы в ономастике не теряет своей актуальности во все времена, но более всего, как ни странно, в современном обществе с развитой структурой глобальных мироотношений, но с узконациональной направленностью их языковой фиксации. Внешне непреодолимый барьер между темпами роста социализации, с одной стороны, и архаичностью взглядов на онимное пространство, с другой, «возводился» с опорой на древнегреческую теорию о тождественности имён нарицательных (НИ) и собственных (СИ), обоюдно соотнесённых с именами существительными. Заметим, что первоначально для этого действительно были основания, но их нельзя было переносить в современность, связанную с совершенствованием знаний человека о себе и требованиях к способам выделения своей уникальности в номинативной структуре языка.

Как утверждает А.А. Уфимцева, «...большинство собственных имён произошло от нарицательных слов, раньше указывавших на какой-то признак», но далее признаёт, что и «...значительное количество нарицательных имён происходит в результате «лексикализации», то есть в результате процесса вторичного переименования имён собственных в нарицательные» [10: 44–45].

Двусмысленность, появившаяся на этапе отрыва имён собственных от идеального субстантивного начала, превратила их зафиксированное в теории единство в тормоз для развития номинативной практики, убеждающей теоретиков, что онимная норма не является следствием общеязыковой природы. Она всё чаще опирается на механизмы оригинального онимотворчества, связанного со стремлением выделить единичный объект из массы подобных любыми способами, вызревшими в недрах любого из языков и имеющихся в их распоряжении разрядов апеллятивной лексики, отвергающей коннотативную вариативность при её вхождении в правовое поле.

В России об этом осторожно заговорили в начале XIX века, когда правовые коллизии потребовали адекватной передачи прежде всего иноязычной топонимии [2], а в планетарном масштабе – более резонансно в 1967 году, когда была зарегистрирована Конференция ООН по стандартизации географических названий мира [3]. Это было необходимой мерой, без которой общество уже не могло справиться с увеличивающимся количеством проблем, возникающих в мировом информативном пространстве географии, истории, морской и воздушной навигации, но рельефно выпятившихся в национальной онимии, парадоксально пополнявшейся за счёт разновекторных и разнонациональных процедур её осмысления. Лингвистическая наука не смогла противостоять их стихийному натиску и вынуждена была сводить принципы функционирования онимной лексики либо к описанию её вариативности в речевом пространстве, либо к констатации закреплённых юридически фактов и «правил», мотивированных субъективными оценками или «традициями», установленными для обычной лексики и перенесёнными в онимную реальность.

Терпимое отношение учёных к языковым ошибкам и ложным номинациям, типа *Алексей Чеснаков* (директор Центра политической конъюнктуры), *Андрей Понкратов* (московский тележурналист), конфеты «*ДаЁЖЬ*», *Строймаркет «Пол Мира»* (г. Макеевка), *Негосударственное образовательное учреждение «Общеобразовательный лицей «Довузовский комплекс Тверского государственного университета»*, *Павел* и параллельно укр. *Павло*, футбольный клуб «*Шахтёр*» и параллельно укр. «*Шахтар*», привело к номинативному хаосу, заполонившему практически всё онимное пространство. Нормативными в ономастике стали считаться формы, утверждённые чиновниками, а СИ начали ассоциироваться со словами, написанными с прописной буквы. Более того, так как сегодня «...нормы в лингвистике не имеют достаточно чёткого научного определения и употребляются в разных значениях» [8: 3], онимо-творчество стало зависеть от зарегистрированных юридически, но случайных факторов:

1) от вкусов его интерпретаторов, опирающихся на разветвлённую речевую стихию:

– *Афанасий* > *Афоня* // укр. *Панас, Опанас*;

– *Аграфена* > *Агаша, Гаша, Граня, Груня, Груша, Феня* // укр.

Горпина;

– *Александр* > *Ара, Аря, Аля, Алик, Алексаня, Алекса, Санько, Алексаша, Саша, Сашура, Шура, Саня, Санюра, Санюша* // укр. *Олександр, Олекса*;

– Анастасия > Настасья, Настя, Ася, Стася, Тася, Настюха, Ньюша, Настёна // укр. Настасія;

– Дон > Тихий Дон // Батюшка Дон // Дунай // Вздунай // Раздунай // Гор-Дунай // Дуни-най-най;

– Екатерининская миля // Катькин Столб (г. Севастополь);

2) от вымысла авторов художественных текстов: Анидаг, Недоросль, Знайка, Пацак, Плюшкин, Гаргантюа, Кабаниха, Дикой;

3) от мнений допущенных к власти элит, обладающих необсуждаемым правом утверждать те или иные варианты, исходя из политической или «национальной» конъюнктуры:

– Санкт-Петербург // Петербург // Петроград // Ленинград // Санкт-Петербург;

– рус. Одесса // укр. Одеса;

– Крепость Бахмут > город Бахмут > город Артёмовск // укр. Артемівськ, Бахмут;

– Дмитрий // укр. Дмитро // бел. Дзміцер;

– Донецкий государственный университет (определяющий форму собственности) > Донецкий национальный университет (акцентирующий имидж «украинскости») > Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» (выделяющий учредителя) // Державний вищий навчальний заклад «Донецький національний університет імені Василя Стуса» (противопоставляющий «русский» вуз в Донецке «украинскому» в Виннице);

– Тюп-Джанкóй (крымскотатар. *Tür Sanköy*) > рус. Предмóстное (с 1948 г.) > укр. Передмістне (Крым);

– улица Маршала Тимошенко, оборонявшего Киев в 1941 г., и переименованная улица Левка Лукьяненко в честь украинского националиста;

4) от фантазии огромного количества собственников, допущенных к актам бесконтрольной «метафорической» номинации:

– Магазин для хорошей кампании «Нали Вали» (г. Донецк);

– Стадион «Донбасс Арена»;

– Гостиный дом «Чижик-Пыжик» (г. Ялта);

– Интернет-магазин «Lartı Chau» (ДНР и ЛНР);

– Кафе «Удачи» (Ростовская область);

– «Ким Био» *Espress asian cuisine* (г. Донецк) и т. п.

Сомнительный характер их «юридических» норм объяснялся и объясняется правом собственника, часто не являющимся таковым, и понятием культуры речи, интерпретируемым как умение использо-

вать любые выразительные языковые средства в разных условиях ситуативного общения.

Заметим, однако, что широкое понимание нормы, возможное для характеристики апеллятивов и, отчасти, устноречевой, художественно-поэтической или метафорической стихии коннотонимов и поэтонимов, не может применяться для передачи социально-правовой парадигмы реальных субъектов или объектов номинации:

- рус. *Кирилл* ≠ *Кирюха*, *Киря* или укр. *Кирило*;
- рус. *Артём* ≠ *Артюша* или укр. *Артем*;
- рус. *Бахмут* ≠ *Артёмовск* и тем более укр. *Артемівськ*;
- рус. *Россия* ≠ *Руссия* или укр. *Русня*, *Росія*;
- рус. *Никольское* (пос. в Славяногорье с Никольской церковью) ≠ укр. *Микільске*.

Правовая сущность собственных имён исключает вариативно-смысловую интерпретацию и призвана обеспечить неприкосновенность изначально нейтральной онимной информации с предоставлением возможности её передачи разными фонетико-графическими средствами, в нашем случае украинскими: рус. *Кирилл*, *Артём*, *Артёмовск*, *Россия*, *Никольское* > укр. *Кирилл*, *Артьом*, *Артьомівськ* (первичное *Бахмут*), *Россія*, *Нікольське*.

Таким образом, различия между апеллятивами и устноречевыми модификациями СИ, с одной стороны, и проприонимами¹², с другой, абсолютно обоснованы по причине их разной функциональной природы. Варианты последних исторически формировались не путём отклонения от языка-источника и приспособления к языку-рецептору, как у обычных заимствований, а наоборот, с помощью выделения из их огромного количества формы, наиболее близкой к написанию или звучанию в языке-ономизаторе, почти *fac simile*.

Как справедливо отмечает О.Н. Трубачёв, «...утрированная знаковость и тенденция к её усилению всеми средствами (в произношении, ударении, а письме) – главная отличительная особенность собственных имён. Именно эта особенность объясняет известное всем отталкивание (в произношении, ударении, на письме) имён собственных от этимологически тождественных апеллятивов» [9: 23], хотя она игнорируется при оправдании одинаковости подходов к СИ и НИ, якобы из-за невозможности провести между ними разграничительную черту.

¹² **Проприоним** – исторически сложившаяся и документально оформленная единица онимной лексики, юридически точно передающая адресную информацию о конкретном собственнике и конкретных объектах сотворённого, осмысленного, освоенного и присвоенного человеком мира в любом языковом контексте.

«Есть ли такая черта?» – задаёт вопрос В.Д. Бондалетов и отвечает. – «Ответ на этот вопрос может дать лишь всестороннее изучение имён собственных, в частности, анализ признаков, объединяющих их с нарицательными существительными, а также с другими частями речи, т. е. со всеми нарицательными (особенно местоименными, междометными и др. словами), и особенно тех признаков, которые отличают, дифференцируют их от нарицательных» [1: 35].

Мысль об объединении двух мотивов (примиряющего с дифференцирующим) кажется оригинальной, но на самом деле не является таковой, поскольку грозит юридическими ошибками, выходящими за рамки языка и речи – такой подход расширяет возможности онимотворчества, но сводит на «нет» его правовые результаты. Они становятся зависимыми от «авторитета» чиновников, считающих, что право на имя дано им по воле государства и что они вправе самостоятельно изменять онимную историю, опираясь на собственные политические убеждения, пристрастия или вкусы:

- *Василиса, Фома* // укр. *Василина, Хома*;
- г. *Красноармейск* // *Покровськ* (Донбасс);
- г. *Димитрово* // *Мирноград* (Донбасс);
- ул. *Щорса* // вул. *Євгена Коновальця* (Киев);
- рус. *Владимир* // укр. *Володимир* // бел. *Уладзімір*;
- рус. *Геннадий* // бел. *Геннадзь*;
- рус. *Григорий* // укр. *Григор* // бел. *Рыгор*;
- рус. *Гюмри – Ленинакан – Гюмри* (Армения);
- рус. *Гатчина – Троцк – Красногвардейск – Гатчина* (Россия) и т. п.

Не случайно поэтому социум всё чаще ставит под сомнение правовой примитивизм¹³ «усовершенствованных» именован и переименований [5], а учёные склоняются к теории, согласно которой понятие культуры речи и культуры онимной номинации не являются синонимами.

Культура речи имеет дело либо с языковой нормой, опирающейся на лексические значения слов и понимаемой как «...совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных в процессе общественной коммуникации» [4: 337–338], либо с речевой стихией, регулирующей предпочтительное употребление тех или иных референтно-коннотативных и метафорических восприятий собственных имён:

¹³ Естественному праву противопоставлена доктрина **правового примитивизма**, утверждающая, что право может быть даровано по воле государства, воплощённой в законе, и что никакого права вне закона быть не может.

– Анна > Аннушка // Анка // Ганна // Ганзя // Ганнуся // Анюта // Нюра // Нюрок // Нюша;
– Дегтярь // Дегтяр // Дихтярь;
– Несгорова // Незгорова и т. п.

В отличие от них, **онимная культура** оперирует официальными именованиями, исключая языковые, а тем более речевые трактовки. Русские антропонимы *Анна, Дегтярь, Несгорова, Николаевич* должны, например, фиксироваться в украинской онимной культуре не иначе, как *Анна, Дегтяр, Несгорова, Николайович*, а их украинские аналоги *Ганна, Дігтяр, Незгорова, Миколайович* передаваться в русском контексте как *Ганна, Дигтярь, Незгорова, Миколаевич*.

Иными словами, если культура речи базируется на выборе из языкового множества наиболее уместных вариантов с целью достижения максимально эффективного результата при ситуативном диалоге, то онимная культура отвергает устноречевую вариативность и ориентируется на закреплённую законом унифицированную норму, используемую прежде всего для передачи правового смысла объекта в любом национально-языковом контексте.

Итак, **культура онимотворчества** – это исторически устоявшиеся в неписаном праве¹⁴ нормы, способные передавать однозначную информацию о конкретном объекте в любых языках и культурах. В **языковой теории** её легитимность закрепляется писаным правом,¹⁵ регулирующим правомочность юридического смысла онимных единиц, а в **языковой практике** она определяется выработанными многовековым социальным опытом и обычным правом аксиомами:

1. Юридической нормой в ономастике обладает только класс проприонимов. Он призван регистрировать уникальность объекта номинации, исходя из необходимости фиксации его адресно-информативной функции, смысл которой состоит в выборе единственно правильной языковой формы из массы речевых вариантов, например:

¹⁴ **Неписаное право** (от лат. *ius non scriptum*) – «...это нормы, складывающиеся в самой практике. Если такие сложившиеся в практике правила поведения людей не получают признания и защиты от государственной власти, они остаются простыми обычаями (так называемыми бытовыми); если обычаи признаются и защищаются государством, они становятся юридическими обычаями, составляют **обычное право** (от лат. *mores maiorum* «обычаи предков», или *usus* «обычная практика»)» [7: 18]. Оно должно стать основой для придания ему формы закона.

¹⁵ **Писаное право** (от лат. *ius scriptum*) – «...это закон и другие нормы, исходящие от органов власти и зафиксированные ими в определённой редакции» [7: 18].

а) *Михаил* не может стать *Михайлом*, *Михеилом*, *Мишелем*, *Михаем* или *Майклом*, поскольку *Михайло* – украинец, *Михеил* – грузин, *Мишель* – француз, *Михай* – румын, а *Майкл* – англичанин (такая трансформация возможна лишь в устной речи при обоюдном согласии с ней всех участников диалога);

б) *Донецкий национальный университет* может быть только в Донецке, а не в Виннице, поскольку там существует *Винницкий национальный университет*;

в) *Никополь* в украинском языке должен фиксироваться как *Нікополь* от греч. *полис* ‘город’, но *Доброполье* – как *Добропілля* от слав. *поле* (адресная функция передаётся чередованием [o], [e] с [i] в закрытом слоге: *поле* – *пілля*);

г) *Столбовое* (Крым) ≠ укр. *Стовпове* (правильно *Столбове* от *столбовая дорога*, т. е. ‘главная’);

д) *Набережные Челны*, *Елена*, *Ефим* ≠ укр. *Набережні Човни*, *Олена*, *Юхим* и т. п.

2. Понятие перевода в ономастике не существует (укр. *кафе «Світанок»* = рус. «Свитанок», а не «Рассвет»). Переводные варианты возможны лишь в качестве средства ситуативной передачи юридического смысла собственных имён, существующих в условиях разноязычных контекстов:

а) всех мировых языков, если объекты обладают международной значимостью:

– рус. *Северный Ледовитый океан* = укр. *Північний Льодовитий океан* = англ. *Arctic Ocean*;

– рус. *Южный автовокзал* = укр. *Південний автовокзал* = англ. *Southern buss tation* (актуальная информация о направлении движения автомобильного транспорта);

– рус. *ул. (имени) 8 Марта* = укр. *вул. 8 Березня* (информация о дате, связанной с Международным женским днём);

б) контактных языков, не выходящих за рамки межнациональной значимости объектов номинации:

– рус. *ул. Горная* > укр. *Гірнична* в Донбассе (от укр. «гірнична промисловість»), но *Гірська* в Закарпатье (название связано с горами);

– река *Днепр*, Россия, но *Дніпро*, Украина – вариативность обусловлена пространственностью водного объекта, простирающегося на территориях двух государств и языковых сообществ;

3. Статусная уникальность собственных имён передаётся в русской и, частично, в восточнославянской языковой традиции оригинальной графикой:

А. Прописной буквой, выделяющей уникальность объекта номинации. При этом их количество зависит от адресности, а не от значимости объекта или «уважения» к той или иной персоне:

– *нефтяные камни* (неизвестно где), но *Нефтяные Камни* (город в Азербайджане);

– *Белосарайская коса* (полоска суши, вдающаяся в Азовское море), но *Белосарайская Коса* (санаторий в посёлке Белосарайка);

– *министр иностранных дел, министерство, глава городской администрации, президент компании* – неопределённое множество обычных имён нарицательных с лексическими значениями компонентов, но: *Президент РФ, Глава ДНР, Министерство иностранных дел* – адресно и единично мотивированные именованья;

– *московский проспект* – любой проспект в Москве), но *Московский проспект* – конкретный проспект в Санкт-Петербурге, имеющий адрес и указывающий на направление движения транспорта;

– *Донецкая филармония* – г. Донецк, но *Донецкая Народная Республика* – отдельная административно-территориальная федеральная единица РФ, на что указывают все три слова, зафиксированные прописными буквами;

– *генерал Ватутин* (*генерал* – звание военачальника с конкретной фамилией), но *проспект Генерала Ватутина* (*Генерал* – элемент названия проспекта в Киеве).

Б. Прописной буквой и кавычками, отделяющими несклоняемые названия, состоящие из метафорических словосочетаний или предложений с внутренними грамматическими связями, от денотатов, имеющих лексические значения:

– ресторан *«Плакучая Ива»*, в ресторане *«Плакучая Ива»* (г. Сочи);

– остановка троллейбуса *«Донецкий национальный университет»*, от остановки *«Донецкий национальный университет»* (г. Донецк);

– повесть А.Н. Радищева *«Путешествие из Петербурга в Москву»*, в повести А.Н. Радищева *«Путешествие из Петербурга в Москву»*.

В. Прописной буквой, выделяющей денотат, если он выполняет роль СИ при наличии уточняющих определений (в этом случае номинативная конструкция имеет лексическое значение и переводится на все языки):

– *детский сад*, но *Детский сад №25*;

– *кафедра языкознания*, но *Кафедра языкознания и истории языка имени Е.С. Отина*;

- *актовый зал* – *Большой актовый зал*;
- *угольная шахта* – *Шахта 3-бис*;
- *академия* – *Академия гражданской защиты*;
- *театр* – *Театр сатиры, Театр юного зрителя*.

Г. Непроизносимыми буквами или буквосочетаниями, передающими информацию о первичном собственнике:

- *Кронштадт* (от нем. *Stadt* ‘город’);
- *Таллинн* (от эст. *linn* ‘град’);
- *Одесса* (от греч. *odessos* ‘путь к морю’);
- *Кыргызстан* (от кирг. *кыргыз*);
- *Йижакевич* (от укр *їжак*);
- *Ватт* (от нем. *Watt*);
- *Великая Новосёлка (Новосёлка) ≠ Великоновосёлковский район*, а правильно *Великоновосёлковский район*);
- *Чернышов ≠ Чернышев* (по всей видимости, от *Чернышёвский*), но в этой графике при произношении он превращается в *Чернышева*, хотя правильно *Чернышóв* и т. п.

4. В состав проприонимов входит только один денотат,¹⁶ легитимирующий исключительность юридического собственника:

а) явного:

– *поэт А.С. Пушкин, студент Николай Иванов, город Зугрэс, Российский университет дружбы народов*:

б) предполагаемого:

¹⁶ На самом деле речь идёт о двух видах денотатов.

1. Денотаты собственных имён, которые делятся на два условных разряда:

а) **денотат онимный** – любой реальный или вымышленный, но конкретный объект номинации, обладающий адресной функцией и речевыми коннотациями: не только *планета Марс, бригадир Н.И. Петров, Донецкий металлургический завод, Торезский горный техникум, Торичеллиева пустота*, но и *Серёга, страна Утопия, помещик Собакевич, герой комедии «Недоросль» Митрофанушка, Шева* и т. п.;

б) **денотат юридический** – реальный (конкретный) предмет или явление, наделённый внутренней способностью к адресному выделению и передаче его правового смысла в собственном имени; физическое или юридическое лицо, исключающее коннотативные трактовки и их письменную фиксацию в вариантах: *директор школы М.И. Криворучко, Донецкий завод штампов и прессформ, королевство Великобритания, футболист Андрей Шевченко* и т. п.

2. **Денотат номинативный** (от лат. *denotare* ‘отмечать, обозначать’) – любое неконкретное имя нарицательное: *облако* («тёмное»), *человек* («удивительный»), *учреждение* («воспитательное»), *заведение* («учебное, увеселительное»), *предприятие* («промышленное»), *процесс* («законодательный»), *гроза* («сильная»), *дерево* («цветущее»), *шкаф* («платьяной»), *время* («утреннее») и т. п.

– *Пушкин, Зугрэс, Иванов, Университет дружбы народов* (поэт или гражданин?, город или электростанция?, студент или сосед?, Россия или Казахстан?);

в) метафорического (домысленного):

– *кафе «Пушкин»* (где? – г. Донецк);

– *Матрасы «Magnat»* (чей магазин? где он? – г. Симферополь);

– *халат «Мария», мороженое «Блю-Блю»* (кто производитель?)

и т. п.

Выводы.

1. В современном онимном пространстве под предлогом уточнения «правовой» информации о собственных именах происходит эскалация методов их обезличивания (см. об этом: [6]):

а) фиксация в одном названии нескольких «собственников»: *Муниципальное унитарное предприятие администрации г. Донецка «Служба единого заказчика Ворошиловского района г. Донецка»* («муниципальное предприятие», «унитарное предприятие», «служба заказчика»);

б) применение кавычек для отсечения реальных собственников на объект от присвоивших себе право на него учредителей: *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»*;

в) перенесение номинаций в разряд сказуемых, разрушающих их адресно-информативную функцию: *Государственная образовательная организация высшего профессионального образования <это> «Донецкий национальный медицинский университет»* (грамматическая логика предложения *Донецкий национальный медицинский университет – это государственная образовательная организация высшего профессионального образования* искажена до «обратного смысла», включая ещё и стилистические ошибки: «образовательная организация высшего образования»);

г) лишение права первичного собственника на неприкосновенность своего имени путём запрещения изменять собственное имя по падежам:

– *Заявление от МОЗГОВОЙ В.И.* (мужская фамилия *Мозговой*, записанная в именительном падеже и прописными буквами, превращает его собственника в женщину);

– *учусь в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»* (это уже не университет);

– *в Муниципальном образовании «город Екатеринбург»* (это уже не город);

д) употребление заглавной буквы в качестве прописной для подчёркивания «особой значимости» номинации: *Глава городской администрации* (ДНР), *Кафедра «Теория и практика перевода»* (Севастопольский государственный университет);

е) выделение любой номинативной конструкции прописными буквами, например, *ДОННУ*: в ней объединяется сокращённая часть *Дон-* (Донецкий) с аббревиатурой *НУ* (национальный университет), что превращает собственное имя *ДОН-* в лжеаббревиатуру, состоящую из трёх никому не известных слов (правильно: *ДонНУ*).

2. Тотальное изменение правовых принципов формирования норм в ономастике увеличивает риск уничтожения собственного имени как такового из-за ошибок, выходящих за рамки языка и изменяющих созданный, освоенный, осмысленный и присвоенный человеком мир, по образному выражению В.И. Вернадского, «ноосферу».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 312 с.

2. Григорьев В.В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов // Географические известия. – СПб., 1850. – Вып. 2. – С. 175–201.

3. Комков А.М. Проблемы стандартизации (нормализации) географических названий в национальном и международном аспектах // Ономастика и норма: сб. статей / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Л.П. Калакуцкая. – М.: Наука, 1976. – С. 5–11.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

5. Мозговой В.И. Причины и следствия ложной активации культурно-исторической реальности в правовой ономастике. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – 2017. – Т. 3, № 4. – С. 55–60.

6. Мозговой В.И. Плюсы и минусы мотивированной ономастики (региональный аспект) // Новые горизонты русистики. Научный журнал. – Донецк, 2021. – Выпуск 15. – С. 94–102.

7. Новицкий И.Б. Римское право: учебник. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 304 с.

8. Ономастика и норма: сб. статей. – М.: Наука, 1976. – 256 с.

9. Трубачёв О.Н. Из работы над русским Фасмером. К вопросу теории и практики перевода // Вопросы языкознания. – 1978. – № 6. – С. 15–24.

10. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 5–85.

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЧЕВЫХ ВАРИАЦИЙ ЛИЧНЫХ ИМЁН

Т.А. Ерохина

tet.eroxina@yandex.ru

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова»
(Симферополь)

Публикация является продолжением доклада, прочитанного на XIV Крымских Международных Михайловских литературно-ономастических чтениях [1]. Исследование выполнено по материалам письменных опросов (анкетирования) «Имена вокруг меня», проводившихся среди студентов Донецкого национального медицинского университета и Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова.

Анкеты информантов содержат рассказы об имени, данном человеку при рождении, а также о вариантах имени, которые используют в процессе коммуникации люди из близкого окружения. Так, к примеру, сообщают: «Я родилась под звон колоколов на праздник “Святой Девы Марии”, поэтому было принято решение назвать меня *Машенькой*. Мама долго привыкала к этому имени, зато теперь, приезжая домой, я слышу много ласковых вариаций моего имени. Например: *Матильда, Мешочек счастья, Муха любимая, Мышонок*»¹⁷ [Мария Ш.];

«Меня зовут *Ксения*. <...> Меня также могут называть *Ксю, Ксюня* (так меня называет бабушка, она ещё может продолжать *Ксюня-красуня*), *Ксюшик* <...>, а ещё мои нынешние одноклассники могут звать меня “*кс-кс-кс*”» [Ксения М.];

«Друзья меня зовут – *Диана, Ди, Дисичка, Дианчик* и тому подобное» [Диана С.];

«У меня есть брат *Глеб*. <...> Я его называю *Глебусёнок, Глебушек, Глебка, Глебастый*, <...>» [Дарья Р.]; «Меня зовут *Аня*. Дома меня называют *Нюша*, а папа может по вечерам кричать: “*Нюша-хрюша, пойдём кушать*”» [Анна А.];

«Имя *Александра* меняют по-разному: могут назвать и *Саня, Сашка, Сашуля, Сашок*, и даже *Санчос*» [Эдие С.] и др.

Отмечается, что различные варианты имени используют в процессе коммуникации не одни и те же люди, например:

¹⁷ Иллюстрации здесь и далее приведены в оригинальном виде.

«Моего папу зовут *Алексей*. Мама ласково его называет *Лёшик*, а друзья обращаются к нему *Лёха*» [Дарья К.];

«<...> мама называет меня *Ксюша*, папа – *Ксюха*, а брат – *Фуфа*, потому что в детстве не мог выговорить некоторые буквы, подруга – *Ксюня*, крёстная – *Ксюличка*, бабушка – *Ксения Ивановна*» [Оксана П.];

«В семье меня называют в основном *Алёной*, но бывает, когда меня зовут *Люська* и *Лёлик*. Моя классная руководительница звала меня *Алёнчик*, *Алёночка*. Мои подруги называют меня *Алёнкой* или *Лёпсиком*» [Алёна Д.];

«Дома меня называют *Машуня*, *Машенька*, а мой брат меня называет *Мэри-потинс* <...>» [Мария К.];

«С недавних пор меня бабушка и мама иногда называют *Насей*, <...>. Папа называет меня *Настюхой*. Друзья меня называют просто *Настей*» [Анастасия Л.].

Информанты дают оценочную характеристику различным вариантам своего имени, например: «Я обожаю, когда меня называют *Лизавета*. Каждый раз я таю, когда произносят такую форму моего имени» [Елизавета Г.];

«Мне не нравится, когда кто-то меня называет *Сашулей*, *Сашуней*, *Сашечкой*, а уж тем более *Шурой* или *Шуриком*» [Александра С.];

«Меня зовут *София*. \diamond Бывают те, кто умудряется использовать самую нелюбимую форму моего имени – *Софья*. Мне не особо нравится именно это имя, потому что в паспорте написано иначе и по факту это два разных имени» [София Н.];

«Я очень не люблю, когда меня называют *Костян*» [Константин С.];

«Мне не нравится, когда меня называют *Настька* и *Настюха*, но мне приятно слышать *Настенька* и *Настюша*» [Анастасия К.].

В числе вариантов официальных (документальных – Н.А. Петровский; паспортных – А. В. Суперанская) имён информанты назвали традиционные сокращённые формы, например: *Аня*, *Вита* (Виктория), *Витя* (Виталий), *Володя*, *Гоша* (Егор), *Даня*, *Дима*, *Ира*, *Катя*, *Лера*, *Лиза*, *Маня* (Мария), *Маша*, *Миля* (Людмила), *Митя* (Дмитрий), *Настя*, *Ната*, *Ника* (Вероника), *Рита*, *Саша*, *Серёжа*, *Света*, *Соня*, *Софа*, *Стася* (Анастасия), *Таня*, *Тёма* (Артём), *Тома* (Тамара), *Шура*, *Юля* и др.¹⁸

¹⁸ Уменьшительные, ласкательные и сокращённые формы (диминутивы) современных личных имён представлены в известных словарях Н.А. Петровского [2], А.В. Суперанской [3] и др.

При определении взаимоотношений полных и сокращённых имён необходимо обратить внимание на функционирование последних в юридическом поле. Всё чаще сокращённые имена становятся официальными (паспортными) именами, например: *Лена* (вместо *Елена*), *Рита* (вместо *Маргарита*). Можно также упомянуть сценические имена представителей артистической среды, например: *Вика Цыганова*, *Маша Распутина*, *Дима Билан* и др., иногда функционирующие в качестве официальных. Процесс усиления роли сокращённых имён наблюдается и в ситуации свободного общения, когда в антропонимной формуле «имя + отчество» вместо полного имени используется его сокращённый вариант, например: *Катя Геннадиевна*, *Лена Петровна*.

Значительное количество вариантов личных имён, упомянутых в анкетах, представляют собой кваликативные онимы (имена со значением субъективной оценки), которые образованы от полной формы имени или от его сокращённого варианта с помощью следующих формантов:

- онька (-енька)**: *Дашенька, Лизонька, Настенька, Сашенька*;
- уша (-юша)**: *Алюша, Владуша, Данюша, Илюша, Кирюша, Ксюша, Настюша, Павлуша, Танюша, Элюша*;
- ушка (-юшка)**: *Алёнушка, Аннушка, Дианушка, Еленушка, Катюшка, Ладушка, Настюшка, Ольгушка, Сюзаннушка, Юлюшка*;
- ок (-ёк)**: *Игорёк, Лизок, Ленок, Лерок, Пашок, Санёк, Янок*;
- очка (-ечка)**: *Алиночка, Анечка, Данечка, Женечка, Леночка, Лерочка, Лизочка, Никиточка, Сашечка, Светочка, Сонечка, Танечка, Шурочка, Элечка, Яночка*;
- ичка**: *Дисичка (Диана), Ксюличка (Ксения)*;
- уля (-юля)**: *Дашуля, Женюля, Каруля (Карина), Люля (Юля), Натуля, Ритуля, Сашуля, Светуля*;
- уня (-юня)**: *Алюня, Кируня, Ксюня, Машуня, Натуня, Сашуня*;
- уся (-юся)**: *Ленуся, Натуся, Руся (Маргарита), Туся (Наталья), Юлюся*;
- чик**: *Валерчик, Валеричик (Валерия), Вовчик, Владончик (Влада), Дианчик, Ленчик, Танчик, Таньчик, Юльчик, Янчик*;
- ик**: *Вовик, Владик, Владлик, Лёшик, Сюзик, Шурик*;
- ка**: *Алинка, Владька, Глебка, Данька (Дарья), Ирка, Лизка, Маргаритка, Машка, Настька, Нюська (Анна), Олежка, Сашка, Софийка, Юлька*;
- ха**: *Ксюха, Лёха, Настюха, Натаха, Ритуха, Танюха, Тоха (Антон)*.

«Речевые интерпретации» личных имён нередко становятся результатом различных языковых процессов, в числе которых:

– опущение начального гласного звука, например: *Лизавета* (Елизавета), *Лина* (Алина), *Настасья* (Анастасия);

– усечение финальной части имени, например: *Ал* (Алёна), *Алекса* (Александра), *Ана* (Анастасия), *Ди* (Диана), *Кири* (Кирилл), *Максим* (Макс), *Снежа* (Снежана);

– опущение одновременно начальной и финальной части, например: *Полина* (Апполинария), *Уля* (Иулитта);

– опущение звуков в середине имени с добавлением окончания -я, например: *Бодя* (Богдан), *Кирия* (Кирилл), *Котя* (Константин), *Мася* (Максим);

– перестановка звуков внутри слова, например: *Даян* (Даня), *Кристиан* (Кристина);

– сложение уменьшительной формы личного имени и рифмующегося с ним апеллятива, например: *Дарёнок-подарёнок*, *Дашунька-капашулька*, *Динка-картинка*, *Ксюня-красуня*, *Линка-малинка*, *Натка-шоколадка*, *Нюша-хрюша*, *Ольгушка-лягушка*;

– слияние звуковых элементов двух онимов, например: *Ксюшкин* (Ксюша и Пушкин), *Лайкуша* (Лайко и Танюша), *Лерман* (Лера и Герман), *Сашакириленко* (Саша и Кириленко);

– слияние звуковых элементов личного имени с рифмующимся фрагментом нарицательного слова, например: *Глебусёнок* (Глеб и гусёнок), *Глебушек* (Глеб и хлебушек), *Даруночек* (Дарья и украинское слово подаруночек);

– употребление инициалов имени и фамилии вместо полных форм, например: *Апэ* (Александр Петрович), *Вээл* (Владимир Леонидович);

– употребление вместо русского имени «созвучного» иностранного и наоборот, например: *Алексис* (Александра), *Валери* (Валерия), *Ганнуса* (Анна), *Кэт* (Екатерина), *Марго*, *Мэг*, *Мэгги* (Маргарита), *Наталка* (Наталья), *Таниша* (Татьяна), *Стефка* (Анастасия), *Татьяна* (Танзиля), *Надя* (Наджие), *Гена* (Генриетта), *Катя* (Казимира);

– употребление вместо личного имени «созвучного» и широко известного онима, например: *Анастейша* (Анастасия), *Гюльчитай* (Юлия), *Екатерина Великая* (Екатерина), *королева Антуанетта* (Анна), *Мэри Попинс* (Мария), *Санчес* (Александр), *Ташкент* (Антон), *Юдашкин* (Дарья);

– употребление вместо имени «созвучного» апеллятива, например: *Аладик* (Владислав), *Ангел* (Ангелина), *Анчутка* (Анна), *Валерь-*

янка (Валерия), *Витамин* (Виталий), *Дар* (Дарья), *Диагноз* (Диана), *Династья* (Анастасия), *Индус* (Инна), *Китикэт* (Екатерина), *Лизун*, *Лизунчик* (Елизавета), *Махач* (Мария), *Мышонок* (Мария), *Снежок* (Снежана), *Тарантелла*, *Танк*, *Тян* (Татьяна), *Улитка* (Иулитта);

– замена личного имени «созвучным» отчеством в разговорной форме, например: *Богданыч* (Богдана), *Иваныч* (Иван);

– звучание имени по аналогии с детским произношением, например: *Атася* (Наташа), *Ляля* (Лариса), *Люля* (Юля), *Ляля* (Алина), *Рара* (Ира), *Татя* (Настя), *Фуфа* (Ксюша).

Иногда информанты сообщают причины появления той или иной формы имени. Приведём несколько выдержек из анкет: «Неубедительный прогноз врачей, тяжело перенесённая в детстве ангина <...> – это то, что преследовало меня с самого рождения, так что первым именем, что с детства окружало меня, стало *Дарья*. Моё имя. От него произошло милое прозвище *Дарёнок-подарёнок*, которым мама ласково называла меня в детстве. Позже некоторые из друзей, узнавшие о моей истории, пытались закрепить за мной укороченную версию имени, представляющую из себя просто *Дар*» [Дарья К.];

«Когда я училась в медицинском лицее, то меня называли *Ксюшкин*, а всё началось с того, что мой одноклассник спросил у меня глупый вопрос: “*Ксюша*, ты *Ксюша*?”, – на что я ответила: “Нет, я *Пушкин*”, а его ответом стало: “Так ты *Ксюшкин*”. И это прозвище осталось <...>» [Ксения М.];

«Меня зовут Александра, а дома меня называют *Саня*. “Са” – это начало имени моего папы (его зовут Саша), а на “ня” заканчивается имя моей мамы (она Таня). То есть *Саня* = Саша + Таня» [Александра П.];

«Моего отчима зовут *Виталик*. Мама его называет *Витамин (-чик)*, потому что созвучно с именем, но ещё я думаю потому, что поддерживает и укрепляет своеобразный иммунитет, без друг друга они уже не представляют себя» [Дарья Д.];

«<...> папуля придумал называть меня *Дашулька-капашулька*, так как я всегда любила играть всеми игрушками сразу» [Дарья Д.];

«Меня часто называли одновременно по имени и фамилии, поэтому теперь *Сашакириленко* стало моим вторым именем» [Александр К.];

«Мою младшую сестру назвали необычно – *Иулитта*. <...> Мы ленимся каждый раз произносить такое сложное имя, поэтому зовём её просто *Уля*. В классе все прозвали её *Улиткой*» [Анастасия К.];

«Дома меня называют *Атася*, потому что мой маленький братик так на меня говорит» [Наталья К.];

«Друг моего отца всегда называет меня *Papa*, так как когда я была совсем маленьким ребёнком (2–5 лет) при вопросе ко мне: «девочка, как тебя зовут?», я отвечала: «меня зовут *Papa*» [Ирина Т.] и др.

Собранный и проанализированный материал показал довольно разнообразные способы создания речевых «интерпретаций» официальных личных имён. Помимо традиционных сокращённых форм, в процессе коммуникации используют качественные онимы, среди которых уменьшительно-ласкательные имена, положительно окрашенные имена и имена с отрицательной окраской. Онимы содержат форманты -онька (-енька), -уша (-юша), -ушка (-юшка), -ок (-ёк), -очка (-ечка), -ичка, -уля (-юля), -уня (-юня), -уся (-юся), -чик, -ик, -ка, -ха. Кроме того, варианты официальных личных имён представлены разговорными формами, которые имеют окказиональный характер употребления. Имена создаются путём опущения звуков (начального гласного, финальной части слова, начальной и финальной части имени одновременно, середины имени), путём перестановки звуков внутри слова, сложением уменьшительной формы личного имени и рифмующегося с ним апеллятива, слиянием звуковых элементов двух онимов, слиянием звуковых элементов личного имени и нарицательного слова. Вместо официального имени могут быть использованы инициалы имени и фамилии, созвучное иностранное или широко известное имя, созвучное отчество в разговорной форме, созвучный апеллятив, а также имя, звучащее по аналогии с детским произношением. Рассмотренные примеры демонстрируют преобладание разговорных вариантов имён, что указывает на характер личного, близкого общения в процессе коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ерохина Т.А. «Имена вокруг меня», или онимное пространство личности (аналитический обзор антропонимии) // Международные Крымские Михайловские литературно-ономастические чтения (10 сентября 2020 г.): материалы конференции / ред. В.М. Калинин, А.В. Петров. – Симферополь: ПОЛИПРИНТ, 2021. – С. 107–115.

2. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. – М.: Сов. энциклопедия. – 1966. – 384 с.

3. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 384 с.

ОНОМАСТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ

VARIA ALANICA: ЯЗЫК КРЫМСКИХ АЛАН ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИИ

А.И. Илиади

vayu.sraosz@gmail.com

Греция

(Драма)

Для историков и археологов проблема заселения отдельных частей Крыма аланами уже с III в. н. э. и сопутствующие вопросы этногенеза народов Крымского полуострова уже давно являются научной данностью, сложным научным объектом, поддающимся исследованию по мере накопления фактологии. О масштабах проделанной в этом направлении работы красноречиво свидетельствуют, напр., работы киевского историка О. Б. Бубенка, в которых специально освещается сложный комплекс вопросов о возможных путях и исторических условиях проникновения аланских племён в Крым и сопредельные территории в разное время, о судьбе крымских аланов, их наследии. Особенное внимание уделено последнему периоду истории аланов Крыма в XIII–XV вв. перед их полной ассимиляцией (см., напр., главу «Аланы Крыма в XIII–XV вв. и их участие в этногенезе населения полуострова» [3: 190–229]).

Кажется, аналогичный набор вопросов должен ставиться и перед сравнительно-историческим языкознанием, однако лингвистическая наука здесь существенно отстаёт от исторических штудий, т. к. проблема выделения остатков языка крымских алан, их хронологической стратификации пока не сформулирована. Некоторые авторы вплотную подошли к ней, пытаясь поднять иранский слой (или слои, учитывая поочерёдность освоения Крыма скифами, сарматами, аланами) в географической номенклатуре Крыма наряду с отдельными аланскими заимствованиями в культурной лексике крымских греков, готв, болгар и др. (см. труды В.И. Абаева, О.Н. Трубочёва, И.Г. Добродомова, А.К. Шапошникова; активно использует данные этимологии в разработке проблемы Alanica в Крыму и О.Б. Бубенок). Однако полноценная теория для такого направления в иранистике нуждается в прочном фундаменте из этимологий. Посильной лептой в дело сбора материала для теоретических обобщений являются предлагаемые

далее этимологии крымских топонимов (и одного названия из примыкающего к Крыму района Херсонской обл., где источники также отмечают присутствие аланов).

1. *Бай-Дара*: *Байдáрь*, 1784, *Байдáры*, *Байдáрская яйла*, *Байдáрские ворота* (н. Орлиное, Севаст.). А. К. Шапошников трактует как урумскую адаптацию (переоформление и переосмысление) по образцу *Бай-Терек*, *Бай-Конгур* субстратного сарм.-алан. **bai-dara*- ‘две долины, два ущелья’ (ср. праиран. диал. **bai*- ‘двойной, дву-’ и **dara*- ‘ущелье, долина’) [18: 300].

Не отрицая эту этимологию, предложим ещё одно толкование: как алан. **bāy-dara* ‘пещерное ущелье’, ‘долина с пещерой’, ср. к первой части осет. *baj* ~ пам. в. *bāi* ‘пещера’, а также однотипный композит с географическим значением *bajbyn|bajbun* ‘место в горах, укрытое от дождя нависшей скалой’, ‘пещерообразное углубление в скале’ [1 (1: 231)].

2. *Барбáла* – река (р-н Ялты). Ранее высказывалась мысль об отражении в номене сарм.-алан. **barb-ala*- ‘гулкий источник’ из иран. **barb*- ‘бормотание’ и **al*- ‘источник’ [18: 302]. Есть подозрение, что это инновация относительно старого ономатопа **bar-bara* с расподоблением $r - r > r - l$, выдающим в **bar-bala* (!) лексему осетинского вида **bærbæł(æ)*. Двойник сарм.-алан. **bar-bara* отмечен среди редуцированных названий в таджикской гидронимии Хатлонской области, ср. *Бар-бар* [*Bar-bar*] [19: 11].

3. *Ворань* – село, 1784, *Ворон* – пересыхающая река, название которой перенесено на селение (Судакский р-н) [18: 304], *Веронь* – деревня, *Ворунь* – речка, текущая в море из верхних ущелий гор по долине, соседней с Капсохорской долиной, и одноимённая деревня [11: 188, 189, 191]. А.К. Шапошников рассматривает как осет. *уарын*, *варун* ‘дождь’, *уарыны дон*, *варуну дон* ‘дождевая вода’ и допускает сохранность лишь первой части некогда двусложного гидронима *уарыны дон*, изменённой в русскоязычной среде под влиянием *ворон*. Ср. его обоснование: «Значение ‘дождевая вода’ возможно для пересыхающей в засуху реки. Дождевые потоки, сели очень характерны для этой части Таврического п-ова» [18: 304–305].

Предложенная этимология в целом убедительна, однако её формальная сторона нуждается в уточнении. Видимо, нужно говорить не об *уарын/варун*, которое является субстантивированным инфинитивом, а об алан. **waran* или **wārān*/**warān* ‘дождь, дождевой поток’ с именным суфф. -*ān*- или -*an*-, ср. пехл. *wārān* ‘дождь’, курд. *waran* ‘то же’ [1 (4: 52)], а также иран. **uarana*- в составе префиксального **apa*-

uarana- ~ **uar-* ‘обводнять’ [12 (1: 314)]. Корреляция **wārān* : **warān* или **wāran* : **waran* объясняется наблюдаемой в ряде языков (мунд-жанский, йидга и, возможно, осетинский) тенденцией к сокращению корневого гласного в суффиксированных формах, особенно при переносе ударения на суффикс, как в **nāu-aka-* > **nauáka-* [12 (5: 552–553)].

Для крымских названий обнаруживаются формально идентичные аналоги в гидронимии Ингуло-Бужского междуречья и бассейна Днепра, ср.: *Ворона*, *-и* – река (пересохший ручей), п. Сугоклеи-Каменоватой п. Ингула л. Южного Буга [7: 48] & *Ворон*, *-а* – реки: п. Ваги л. Цаты п. Снова п. Десны л. Днепра (*Воронь*, 1898, *Воринь*) [13: 121]. Они не связаны с цветообозначением *воронóй*, точно так же не объясняются из орнитонима *ворона* (в противном случае ожидалась бы *Воронья*, *Вороний* или *Вороньяча*, *Вороньячий*). Скорее, современный облик гидронима – продукт рецепции в славянской речи всё того же алан. **waran*/**wārān*/**warān*.

Попытка вывести топонимы *Ворон*, *Ворона* из гр. ὄρεινός, ὄ[v] ‘горский’, ‘гористый’, ‘горец’, ὄριο[v] ‘граница’, ὄρον ‘давальная доска, пресс (для винограда и оливок)’, φόρον ‘базар’ или тюрк. *ören* ‘руины (дома, города)’, ‘старое строение’, ‘пастбище’ [4: 99, 106, 178] интересна в семантическом отношении, но фонетически едва ли приемлема.

4. *Варнутка* – ручей (другое название – Куру-Езень), левый приток Чёрной речки, и деревня в его истоках (р-н Мангула) [2: 247]. Ойконим сориентирован на ту же греческую и тюркскую лексику, что и *Ворон*, *Ворона* [4: 99, 106, 178], с чем трудно согласиться по причине значительной фонетической дистанции между ними. Не исключено, что название в сильно искажённом виде доносит снабжённое рус. или тюрк. формантом *-ka* алан. слово **wār[a]n-wāt* ‘место, [где скапливается] дождевая вода’ с **wāt* ‘место’ (во второй части сложных слов, в том числе топонимов) в постпозиции.

5. *Замикат*, *-а*, м. р. – название местности в окрестностях с. Гавриловка Вторая Скадовского р-на Херсонск. обл., 1983 г. ([5: 253; 10]: опечатка «Хорольск.» вместо «Скадовск.»). Номен доносит алан. **Zamī kaθ* (**Zāmī kaθ*) «селение Дзами» – сращённое в иноязычном (славянском?) обиходе словосочетание с антропонимом **Zama*, **Zāmā* в род. п. **Zam-i* или **Zām-i* (ср. осет. личные имена *Дзама* [16: 31] и *Дзамаэ*, топоним *Дзамаэйы суадон* «Дзама родник» с антропонимом в gen. sing.; *Дзамайон* «Принадлежащий Дзама» < *Дзама* + суфф. *-он* [15: 337, 518]) как определение и определяемым **kaθ* ‘город, селение’.

Реконструированному аланскому словосочетанию соответствуют иранские топонимы-компози́ты со вторым членом иран. **kaθa-* ‘город, поселение’ (укреплённое, ограждённое рвом и валом, позднее – стеной) [12 (4: 347)]. Ср., напр., внушительный список согдийских названий городов на *-kaθ/-kat* ‘город’ (*Nawījkaθ* ‘Новгород’, *Sabkaθ* ‘Лошадина́й город’, *Surxkat* ‘Красный город’ и др.) в: [8: 94–102].

Топонимический след наличия здесь в древности аланского форпоста? 6. *Канака*, 1793, 1794 – большая речка (с развалинами старой деревни) между Туяком и Ускютом («стремится с высоты Яйлы в море, а осенью, и вообще после дождей, разливается саженой на 30; но летом высыхает»). К концу XIX в. она исчезла по причине вырубки лесов вокруг неё и у её истока (даже после дождей и снегов в её каменном русле не бывает воды) ([11: 183]: см. ещё сноску 117). Не исключено, что номен продолжает сарм.-алан. **kanāk* ‘ручей в канаве, яр’, ‘канава’ < **kan-āka-* < **kan-* ‘копать, рыть’, ср. дериват от того же глагола с вариантной фонетической структурой корня **čan-* в шугн. *čēnāk* ‘иригационный канал’ (даётся среди производных от *čān-* ‘копать’ [20: 26]). Именные дериваты от глаголов с этимоном **kan-/*čan-/*xan-* широко представлены в сфере иранской географической терминологии и зависимой от неё топонимии, ср. ав. п. *kanai-*, *kaini-* ‘рытьё, копанье’ и ‘ров, канава’, кл. перс. *kān* ‘рудник; копь’, согд. *prkn* ‘ров с водой’, ягн. *xan* ‘оросительный канал, арык; ручей’ и др. [12 (4: 206–207)].

Представление о реке как о канале или канаве, время от времени наполняемых водой, кажется, поддерживается естественными особенностями объекта: он летом пересыхает, а осенью (вообще после дождей) разливается (см. выше).

7. *Madac* – деревня, 1777 (ныне не существует). Ойконим идентифицируется как сарм.-алан. **madak-* ‘материнский’ (ср. осет. *mad* ‘мать’, сарм. имя собств. Мадакос), но «первичное значение и его мотивацию теперь трудно установить» [18: 348].

Более обоснованным представляется толкование *Madac* как алан. **madak* ‘(за)брошенный’, ‘оставленный’ (предшественниками) < **mataka-* < **mṇta-ka-*, т. е. вторичное пассивное причастие прошедшего времени с основой **man-* ‘оставаться, оставлять; пребывать; ждать’, парное по структуре **manta-ka-* (см. о нём: [12 (5: 196)]); здесь же о возможном **mṇ-ta-*). Ср. выводы историков и археологов о том, что скифы, сарматы часто занимали брошенные греками (и не только) селения.

8. *Сераус* – гора с остатками укрепленного поселения X–XIII вв. площадью 1,7 га в 4 км к западу от Алушты. Вершина куполообраз-

ной горы ограждена по периметру стеной, сложенной из бута насухо. На южной конечности – руины построек, остатки небольшой церкви. А.К. Шапошников предполагает: «Если перед нами не испорченный варваризм *сер-* ‘?’ + *а(в)уз*, *агыз* ‘рот’, толкуется как урумское гибридное словосложение некой топоосновы *Сер* (сродни осет. *сæр* и др.-инд. *śirah* ‘голова’) и варваризма *ауз* (*агыз*)» и далее: «Создателями топонима были урумы, унаследовавшие туземную основу у сармато-аланов или синдо-меотов» [18: 384].

Догадка А.К. Шапошникова кажется этимологически перспективной, и *Сер-* действительно может скрывать алан. **sar* (осет. *сæр* ‘голова’, ‘верх’, ‘начало’, ‘на’, ‘над’, ‘поверху’), адаптированное в местной тюркской топонимии посредством термина *аус*, *ауз*, *авуз* ‘устье, ущелье, горный проход’ (тюрк., балкар., татар., крым.-тат., казах.) [9: 48; 15: 292]. Оформление дотюркского названия при помощи тюрк. *аус*, вполне вероятно, указывает на частичную кальку алан. сложения **kāmi sar* ‘вершина ущелья’, ‘над ущельем’, ‘выше ущелья’, известного в осетинской топонимии, ср. *Астæуккаг комы сæр* «Над средним ущельем», «Выше среднего ущелья» [15: 77], *Комы сæртæ* «Вершины ущелья» [17: 118].

9. *Туакъ*, 1784 – деревня, совр. *Ту́ак*, 1985 – урочище (р-н Судак), ранее – средневековое поселение в урочище. Объясняется из синд.-меот. или сарм.-алан. аналога др.-инд. *tvak-*, *tvac-* ‘шкура, кожа, кожура, панцирь, латы’. В качестве поддержки такой этимологии приводится средневековый топоним *Scutum* «Щит», «Заслон», хотя признаётся, что такая мотивация не ясна [18: 406].

Мы бы обратили внимание на осетинскую лексику, производную от *taw(æ)*, *тауæ* ‘отава’, ‘трава, выросшая на месте скошенной в том же году’, ‘побеги’, ‘поросль’ [1 (3: 237–238); 14: 533], употребительную в топонимии, ср., напр., диг. *Tawxwæræn* «(место), где (скоту) скармливают (*xwæræn*) отаву (*taw-*)» [1 (3: 237)]. Имеется в виду алан. **tāw-ak* (или даже более поздняя форма **twāk* со стяжением *āwa* > *wā*, как в осетинском иронском *awæ* > *wa*) – суффиксальный дериват от той же основы, которая отмечена в осетинском. Мотивация по характерному для местности растительному покрову, как рус. *Отавное*, *Отавка*.

По-другому см. [4: 222]: к тюрк. антропониму *Tuvaq*. Крымская топонимия с основой *Ту(в)ак-* (*Туак-Оба*, *Туак*, *Тувак*), к которой обращается В.А. Бушаков, может оказаться генетически неоднородной, а потому формальное подобие таких названий не исключает их этимологической омонимии.

10. *Ханъ-гельди́* – высокое место, с которого можно обозреть ближние и дальние окрестности (П. И. Кёппен в сноске даёт своё объяснение топониму: «*Хан-гельди* значит «Хан прибыл». Это заставляет думать, что сюда для обозрения местностей приезжал один из Ханов Крымских» [6: 142–143]). Скорее всего, имеем результат народной этимологии в тюркском обиходе на основе сарм.-алан. **xan* ‘дом, жилище’, ср. рефлексы иран. **kāna*-/**xāna*- ‘дом, жилище’: ср.-перс. *xān* ‘дом’, парф. *xān* ‘дом’, согд. будд. *γ’n*-, ман. *x’n*, ман., хр. *x’n*’ (ном.) ‘дом’ и пр. [12 (4: 345–346)].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1958–1989. – Т. 1–4.
2. Бертъе-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1886. – Т. 14. – С. 166–279.
3. Бубенок О.Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). – Киев: Истина, 2004. – 324 с.
4. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. – Київ: Інститут сходознавства імені А. Ю. Кримського, 2003. – 226 с.
5. Громко Т.В. Матеріали до словника говірок української мови // *Studia semasiologica*. – Кіровоград: РВВ ЦДПУ ім. В. Винниченка, 2017. – С. 239–253.
6. Кёппен П. Крымский сборник [О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических]. – СПб.: Имп. Академия наук, 1837. – 409 с.
7. Кривульченко А.І. Водні об’єкти Кіровоградської області. Частина I. Словник водних об’єктів. Частина II. Атлас географічної мережі. Класифікатор водотоків. Водосховища. – Кіровоград: Імекс, 2011. – 356 с.
8. Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: дис. ... канд. филол. наук:10.02.22 / С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2004. – 305 с.
9. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
10. Ономастический архив Института украинского языка НАН Украины (Киев).
11. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 годах академика П.С. Палласа (пер. снем.; первая половина) // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1881. – Т. 12. – С. 62–208.
12. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. – М.: Наука; Восточная литература, 2000–2020. – Т. 1–6.
13. Словник гідронімів України. – Київ: Наукова думка, 1979. – 780 с.

14. Таказов Ф.М. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. – Владикавказ: Первая Образцовая Типография, 2015. – 872 с.
15. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. – Орджоникидзе: Ир, 1975. – Ч. 2. – 560 с.
16. Цогоев В.Г. Ирон нæмтты дзырдурат. – Орджоникидзе: Ир, 1990. – 93 с.
17. Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии: в 3-х т. – М.: Наука, 2013. – Т. 1: Дзауский район. – 599 с.
18. Шапошников А.К. Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма. 2011. – Симферополь: Универсум, 2011. – С. 271–444.
19. Шералиева С.М. Гидронимия Хатлонской области (историко-лингвистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 – «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык)» / Таджикский национальный университет. – Душанбе, 2017. – 26 с.
20. Morgenstierne G. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1974. – 119 p.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОНОМАСТИКА

СОВРЕМЕННАЯ ГОДОНИМИЯ ГОРОДА СИМФЕРОПОЛЯ

В.Ф. Ибрагимова

Ibragimova.venera@gmail.com

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова»
(Симферополь)

Значительный вклад в изучение топонимики внесли А.Х. Востоков, В.И. Даль, А.В. Суперанская, Я.К. Грот, В.В. Радлов и др. Видный историк Н.И. Надеждин считал, что «топонимика – это язык Земли, а Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре» [7]. Региональная топонимика получила своё развитие лишь на рубеже XX–XXI вв.

Актуальность исследования: урбанонимы подвергаются наиболее частым изменениям, в отличие от других категорий онимов. Это связано не только с расширением границ города, но и с изменением политической, экономической, социальной ситуации в регионе. Данное исследование представляет собой опыт описания годонимов г. Симферополя.

Цель статьи – изучить современное состояние годонимии города Симферополя.

Годонимы составляют особый пласт слов, тесно связанный с этносами Крыма в различные эпохи. Полиэтнический мир Крымского полуострова составляют русские и украинцы, крымские татары и карачаевцы, крымчаки и немцы, греки, болгары, армяне со своей культурой, историей и самобытностью. Исторические названия улиц являются главным доказательством присутствия и проживания разных народов в Крыму.

Если посмотреть на карту города Симферополя, мы заметим, как много добавилось жилых микрорайонов, начиная с 1987 года, т.к. в Крым начали возвращаться депортированные народы. В каждом новом микрорайоне появились десятки новых названий улиц.

Годонимы города Симферополя можно систематизировать по лексико-семантическим группам. Самой большой семантической группой являются наименования, мотивированные антропонимами, т.е. именами собственными, которые в свою очередь несут меморативную функцию. Меморативные, или мемориальные названия, – это

названия, которые официально утверждаются специальным указом для увековечивания и прославления ушедшего из жизни человека. Ряд линейных городских объектов был назван именами в честь Героев Советского Союза и участников Великой Отечественной войны, участников революции и Гражданской войны, выдающихся государственных и политических деятелей, великих писателей и поэтов, учёных и деятелей науки и искусства и т. д. Например: ул. *Султана Амет-Хана*, площадь *Султана Амет-Хана* – Амет-Хан Султан (1920–1971) – дважды Герой Советского Союза, Заслуженный лётчик-испытатель СССР; ул. *Абдуля Тейфука* – названа в честь Героя Советского Союза, уроженца с. Партенит; ул. *Алиме Абденнановой* – названа в честь советской военнослужащей крымскотатарского происхождения, участницы Великой Отечественной войны, резидента отдела разведки штаба Приморской армии, кавалера ордена Красного Знамени, Героя Российской Федерации Алиме Абденнановой (1924–1944); ул. *Панфиловцев* (панфиловцы – военнослужащие 316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.В. Панфилова, участвовавшие в 1941 году в обороне Москвы); ул. *Маршала Жукова* и др., а также представители партизан и подпольщиков: ул. *имени Крымских партизан и подпольщиков*, ул. *Абдулы Дагджи* – названа в честь руководителя подпольной организации в Симферополе, действовавшей в годы немецко-румынской оккупации, уроженца с. Корбек, погибшего в гестаповском застенке; ул. *Амета Моллаева* – названа в честь Амета Моллаева – участника партизанского движения в Крыму; ул. *Асие Аметовой* – названа в честь Асие Аметовой, члена подпольной организации в Феодосии в годы немецко-румынской оккупации; ул. *Бориса Хохлова* – названа в честь руководителя подпольной молодёжно-комсомольской организации Симферополя в годы Великой Отечественной войны; ул. *Зои Жильцовой* носит имя руководителя второй диверсионной группы Симферопольской подпольной молодёжной организации; в честь подпольщиков-молодогвардейцев названы – ул. *Любови Шевцовой*, ул. *Туркенича*, ул. *Олега Кошевого*, ул. *Ульяны Громовой* и др.

Во вторую группу вошли наименования улиц в честь выдающихся государственных и политических деятелей: ул. *Аблякима Гафарова* (улица названа в честь советского партийного, государственного и хозяйственного деятеля), ул. *Александра Невского*, ул. *Бекира Османова* (улица названа именем героя партизанского движения Крыма), ул. *Багратиона*, ул. *Блюхера*, ул. *Богдана Хмельницкого*, ул. *Будённого*, ул. *Володарского*, ул. *Воровского*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Клары Цеткин*, ул. *Костерина*, пер. *Крупской* и др.

В третью группу включены улицы, названные в честь учёных и деятелей науки: ул. *Дарвина* – в честь английского учёного Чарльза

Дарвина, ул. *Лебедева*, ул. *Ломоносова*, ул. *Мичурина*, ул. *Сахарова*, пер. *Сахарова* и др.; учёных и деятелей науки, связанных с Крымом (ул. *А.И. Маркевича* (в честь выдающегося историка, крымоведа, архивиста, археолога, этнографа Арсения Ивановича Маркевича (1855–1942); ул. *Академика Вернадского* – названа в честь знаменитого геолога, геохимика, географа, профессора, академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945); ул. *Академика Стевена* (Христиан Христианович Стевен – российский ботаник шведского происхождения, доктор медицины, садовод и энтомолог, основатель и первый директор Никитского сада в Крыму) и др.; ул. *Исмаила Гаспринского* – в честь политического и общественного деятеля, интеллектуала, просветителя, издателя, получившего известность и признание среди всего мусульманского населения Российской империи, одного из основоположников джадидизма и пантюркизма; ул. *Кемаль Якуба* (Якуб Меметович Якуб-Кемаль (1885–1939) – тюрколог и арабист, историк, филолог, музейный работник);

в честь Героев труда: ул. *Беспалова* (капитана милиции, Сергей Кузьмич Беспалов (1906–1953), капитан милиции, погибший при исполнении служебных обязанностей 27 сентября 1953 года); ул. *Аблякима Керимова* (Абляким Керимов в годы Великой Отечественной войны спас и сдал государству 100 миллионов рублей); ул. *Стахановцев* и др.;

годонимы, названные в честь деятелей искусства: ул. *Бориса Хохлова* – в честь русского советского артиста балета, педагога, народного артиста Бориса Ивановича Хохлова; ул. *Братьев Айвазовских*, ул. *Марка Донского*, ул. *Репина*, ул. *Самокиша*, ул. *Бетховена* – в честь Людвиг ван Бетховена, немецкого композитора, пианиста, дирижёра; ул. *Бородина*, ул. *Глинки* и др.; пер. *Ашика Умера*, ул. *Ашика Умера* – в честь поэта XVII века, признанного классика тюркской поэзии; ул. *Мемета Нузета* – в честь крымскотатарского поэта и писателя; ул. *Аксакова* – в честь Ивана Сергеевича Аксакова – русского публициста, поэта, сына Сергея Тимофеевича Аксакова; ул. *Гайдара*, ул. *Герцена*, ул. *Гоголя*, ул. *Горького*, ул. *Гончарова*, ул. *Грибоедова*, ул. *Жуковского*, ул. *Каверина*, пер. *Каверина*, ул. *Крылова*, пер. *Крылова*, ул. *Коцюбинского*, ул. *Лермонтова*, ул. *Леси Украинки*, ул. *Лескова*, ул. *Макаренко*, пер. *Маяковского*, ул. *Маяковского*, ул. *Некрасова* и др.;

в честь крымских ханов (ул. *Девлет Герая*, ул. *Хаджи Герая*, ул. *Менгли-Герая*, ул. *Селим-Герая*, пер. *Селим-Герая*);

в честь космонавтов (ул. *Гагарина* – в честь Юрия Гагарина – первого человека, вырвавшегося на просторы Вселенной 12 апреля

1961 года; ул. *Титова* – в честь Германа Степановича Титова (1935–2000) – второго космонавта Земли и др.).

Годонимы, отражающие природно-ландшафтные, физико-географические особенности местности (ул. *Бассейная*, ул. *Горная*, ул. *Даглы* (крт. – гора), ул. *Дереккой* (крт. «дере» – горная долина, ущелье, лощина; «кой» – село, деревня), пер. *Косогорный*, пер. *Нагорный*;

стороны света: ул. *Восточная*, ул. *Гарбий*, пер. *Гарбий* (араб. *gharbi* – запад, крт. «гарбий» – западный), ул. *Западная*, ул. *Северная*, пер. *Северный*, ул. *Шималий* (крт. «шималь» – север, «шималий» – северный), ул. *Южная*, пер. *Южный*;

годонимы, мотивированные топонимами: ул. *Акъяр* (крт. Акъяр – Севастополь), ул. *Алмазарская* – Алмазар посёлок городского типа в Чиназском районе Ташкентской области Узбекистана; ул. *Алтайская*, ул. *Алуштинская*, пер. *Алуштинский*, ул. *Андижанская*, ул. *Балаклавская*, ул. *Батумская*, пер. *Батумский*, ул. *Бахчисарайская*, ул. *Белогорская*, пер. *Белогорский*, ул. *Болгарская*, ул. *Кавказская*, ул. *Казанская*, ул. *Киммерийская*, ул. *Молдавская* и др.;

годонимы, в основе которых заложены абстрактные понятия: ул. *Авдет* (крт. «авдет» – возвращение), ул. *Адалет*, пер. *Адалет* (крт. «адалет» – справедливость), ул. *Азатлык* (крт. «азатлык» – свобода, воля), ул. *Азизлер* (крт. «азиз» – святой; дорогой, уважаемый), ул. *Айдын*, пер. *Айдын* (крт. «айдын» – ясный, светлый), ул. *Ана-Юрт* (крт. «ана» – мама, «юрт» – Родина), ул. *Арекет* (крт. «арекет» – поступок), ул. *Арзы* (крт. «арзы» – желание, мечта), ул. *Бахтли* (крт. «бахтли» – счастливый), ул. *Берекет*, ул. *Берекетли* (крт. «берекет» – урожай, «берекетли» – плодотворный), ул. *Бирлик* (крт. «бирлик» – единство, сплочённость), ул. *Братская*, пер. *Братский*, пер. *Вольный*, ул. *Галебе* (крт. «гъалебе» – победа), ул. *Генчлик* (крт. «генчлик» – молодость), ул. *Дастан* (крт. «дастан» – эпический сказ), ул. *Достлук* (крт. «достлук» – дружба), ул. *Дружбы*, ул. *Дружных*, ул. *Иджерет* (крт. «иджрет» – эмиграция, переселение), ул. *Истидат* (крт. «исти-дат» – способность, талант), ул. *Кокулы* (крт. «кьокьулы» – пахнущий, ароматный), ул. *Кунешли* (крт. «кунеш» – солнце, «кунешли» – солнечный), ул. *Курортная*, пер. *Курортный* и др.;

годонимы, мотивированные фитонимами (49 единиц): пер. *Абрикосовый*, ул. *Армутлык* (крт. «армут» – груша), ул. *Бадемлик* (крт. «бадем» – миндаль), ул. *Вишнёвая*, пер. *Вишнёвый*, ул. *Когемли* (крт. «когем» – тёрн), пер. *Персиковый*, ул. *Шефтали* (крт. «шефтали» – персик), пер. *Яблоневиый*, ул. *Мелевише* (крт. «мелевише» – фиалка) и др.;

годонимы, названия которых связаны с сельскохозяйственной деятельностью (33 единицы): ул. *Инкубаторная*, ул. *Огородная*,

ул. *Озимая*, ул. *Парниковая*, ул. *Пасечная*, ул. *Пахотная*, ул. *Полевая*, ул. *Селекционная*, ул. *Табачная*, ул. *Тепличная* и др.;

годонимы, мотивированные этнонимами: ул. *Генуэзская*, ул. *Готская*, ул. *Греческая*, ул. *Караимская*, пер. *Крымчакский*, ул. *Русская* и др.;

годонимы, отражающие профессиональную деятельность и увлечения жителей города Симферополя: ул. *Авиационная*, ул. *Автомобилистов*, ул. *Альпинистов*, пер. *Альпинистов*, ул. *Археологическая*, пер. *Ветеринарный*, ул. *Водников*, пер. *Водников*, ул. *Врачебная*, пер. *Галерейный*, ул. *Геологическая*, пер. *Гренажский* (от слова «гренаж» – ‘получение на племенных шелководческих станциях и гренажных заводах жизнеспособной грены (яиц) от здоровых бабочек шелкопряда’), пер. *Грузовой*, ул. *Депутатская*, ул. *Кондукторская*, ул. *Космонавтов*, ул. *Кузнечная*, пер. *Кузнечный*, ул. *Куруджи* (крт. «куруджи» – *строитель*), пер. *Курьерский*, ул. *Лётчиков*, ул. *Машинистов*, ул. *Металлистов*, ул. *Механизаторов*, ул. *Новаторов*, ул. *Офицерская*, пер. *Охотничий*, ул. *Планеристов*, пер. *Планеристов*, ул. *Пограничников*, пер. *Пограничников*, ул. *Подводников*, ул. *Проводников*, пер. *Проводников*, ул. *Ремесленная*, ул. *Санитарная*, ул. *Связистов*, ул. *Снайперов*, ул. *Солдатская*, пер. *Сторожевой*, ул. *Стрелковая*, пер. *Стрелковый*, ул. *Строителей*, пер. *Строителей*, ул. *Студенческая*, пер. *Студенческий*, пер. *Телевизионный*, пер. *Телефонный*, *Телефонный спуск*, ул. *Туристов*, пер. *Туристов*, пер. *Учебный*, ул. *Училищная*, пер. *Фельдшерский*, ул. *Футболистов*, пер. *Футболистов*, ул. *Чешиджи* (крт. «чешме» – *фонтан, кран*) и др.;

годонимы, название которых связаны с гидронимами: ул. *Азовская*, проезд *Альминский*, ул. *Амурская*, ул. *Аральская*, ул. *Артезианская*, ул. *Аянская* (рядом находится Аянское водохранилище), проезд *Байкальский*, ул. *Балтийская*, ул. *Босфорская*, ул. *Булганак* (в переводе с крымскотатарского «булганак» означает ‘грязный, мутный’. Предполагается, что имя для реки дано в честь сохранившихся в её верховье грязевых вулканов), ул. *Водоёмная*, ул. *Донская*, пер. *Донской*, ул. *Дунайская*, пер. *Дунайский*, ул. *Енисейская*, пер. *Енисейский*, ул. *Ангарская* (в честь самого крупного правого притока реки Енисей), ул. *Иртышская*, проезд *Иртышский* (в честь реки Иртыш – самой длинной в мире реки-притока, которая является главным притоком реки Обь), ул. *Обская* (в честь реки Западной Сибири Обь), ул. *Кара Дениз* (крт. «кара» – *чёрный*, «дениз» – *море*), ул. *Каспийская*, ул. *Качинская* (в честь реки Кача в Крыму), пер. *Ключевой*, пер. *Колодезный*, ул. *Морская*, пер. *Морской*, ул. *Озенбаш* (крт. «озен» – *река*, «баш» – *голова, исток реки*), ул. *Речная*, пер. *Речной*,

ул. *Родниковая*, пер. *Родниковый*, ул. *Салгирная*, пер. *Салгирный*, пер. *Сивашский*, ул. *Учан-Су* (крт. «уча» – летит, «су» – вода), ул. *Чокрак*, пер. *Чокрак* (с крт. «чокъракъ» – родник, ключ, источник) и др.;

годонимы, мотивированные названиями драгоценных камней и горных пород: пер. *Алмазный*, ул. *Акташ* (крт. «ак» – белый, «таш» – камень), пер. *Гравийный*, пер. *Гранитный*, пер. *Гудронный*, пер. *Каменный*, микрорайон *Каменка*, ул. *Кирпичная*, ул. *Мерджан*, пер. *Мерджан* (крт. «мерджан» – коралл), ул. *Мраморная*, ул. *Эльмаз* (крт. «эльмаз» – алмаз, бриллиант);

годонимы, мотивированные лексическими единицами, называющими цвет: ул. *Белая*, а также микрорайон *Белое-4*, микрорайон *Белое-5*, ул. *Ешиль* (крт. «ешиль» – зелёный), ул. *Зелёная*, пер. *Зелёный*, ул. *Золотистая*, ул. *Лазурная*, ул. *Смольная*, ул. *Янтарная*;

годонимы, отражающие религиозные понятия. Как правило, годонимы находятся недалеко от мечетей, церквей: ул. *Джами* (крт. «джами» – мечеть), ул. *Джума* (крт. «джума» – пятница, является священным днём недели для мусульман), ул. *Дуа* (араб. «дуа» – молитва), ул. *Инан* (крт. «инанч» – вера), ул. *Мелек* (крт. «мелек» – ангел-хранитель), ул. *Минаре* (крт. «минаре» – минарет), ул. *Петропавловская*, пер. *Софийский*, ул. *Шейтлер* (араб. «шейтлер» – приверженцы, последователи);

годонимы, мотивированные зоонимами. Важно отметить, что в топонимах данной группы отразились только названия птиц: ул. *Голубиная*, ул. *Журавлиная*, ул. *Карылгач* (крт. «къарылгъач» – ласточка), ул. *Соколиная*, пер. *Соколиный*;

годонимы, мотивированные крымскими оронимами: ул. *Ак-Кая* (крт. «ак» – белый, «кая» – скала), ул. *Аюв-Даг* (крт. «аюв» – медведь, «даг» – гора), ул. *Белая скала*, ул. *Карадагская*;

годонимы, мотивированные хрононимами: ул. *8 Марта*, ул. *Рождественская* – названа в честь праздника «Рождество Христово», ул. *Хыдырлез* – Хедерлез (*Хыдырлез*, *Хидирлез*, *Хизирлез*) – мусульманский праздник.

Перечисленные группы годонимов пополняются и в настоящее время. В качестве примера приведём список наименований улиц, который жители одного микрорайона предложили горисполкому для утверждения в 2014 году: «Предложения инициативной группы микрорайона Белое-5 по при-своению наименований элементам улично-дорожной сети и элементам планировочной структуры (названия улиц): ул. *Ризы Фазыла* – председателя союза крымскотатарских писателей, заслуженного деятеля искусств АРК; ул. *Акима Джемилева* – балетмейстера, участника Великой Отечественной войны; ул. *Юсуфа*

Болата - крымскотатарского писателя, заслуженного деятеля культуры УзССР; ул. *Асана Рефатова* (Асан Рефатов – крымскотатарский композитор); ул. *Февзи Билялова* (*Февзи Билялов* – крымскотатарский певец, народный артист УзССР и Украины); ул. *Наврез* (Наврўз, Новруз и Наурыз – ‘праздник Новый год по мусульманскому календарю’); ул. *Синапная* («синап» ‘сорт крымских яблок’), ул. *Фидан* («фидан» ‘саженец; росток, побег; питомец’), ул. *Алмалы* («алмалы» ‘изобилующий яблоками; с яблоками’), ул. *Чайыр* («чайыр» ‘чаир, луг (горный)’), ул. *Буллюр* («буллюр» ‘хрусталь’), ул. *Айбатлы* («айбатлы» ‘сорт крымского винограда’), ул. *Чичек* («чичек» ‘цветок’), ул. *Къамаджы* (Камаджи – до 1945 года село в Джанкойском районе Крыма), ул. *Кениш* («кениш» ‘просторная’), ул. *Ромашковая*, ул. *Васильковая*, ул. *Эбабиль* («эбабиль» ‘горная ласточка’), ул. *Мирас* («мирас» ‘наследие, наследник, наследство’), ул. *Эфсане* («эфсане» ‘миф, легенда, предание’), ул. *Пешраф* («пешраф» ‘музыкальная прелюдия, вступление (в народной музыке)’), ул. *Ляле* («ляле» ‘тюльпан’), ул. *Мераба* («мераба» ‘приветствие, здравствуйте’), ул. *Селямет* («селямет» ‘мир, согласие, благополучие’), ул. *Темель* («темель» ‘основание, фундамент’), ул. *Несиль* («несиль» ‘поколение’). Этот список наименований улиц был утверждён Симферопольским городским советом РК от 30.08.2018 № 1716».

Таким образом, знакомство с современными топонимами города Симферополя показывает, что их возникновение связано с определёнными явлениями общественной, политической и культурной жизни народа.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Голомидова М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. – Т. 14. – № 3. – Екатеринбург, 2017. – С. 185–203.
2. Мезенко А.М. Урбанонимия Белоруссии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – «Русский язык», 10.02.02 – «Языки народов СССР (белорусский язык)» / БГУ им. В.И. Ленина. – Минск, 1991. – 35 с.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187,[2] с.
4. Поляков В.Е. Улицами Симферополя: справочник. – Симферополь: Крымчпедгиз, 2005. – 320 с.
5. https://vuzlit.com/371208/kartograficheskie_istochniki_kraevedeniya (надежды).
6. <https://www.giskaluga.ru/news/153/?bxajaxid=>
7. <https://ru.wikipedia.org/wiki>

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ МИКРОТОПОНИМОВ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ

И.А. Герасименко

iragerasimenko@mail.ru

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

(Горловка)

У.А. Алексеенкова

alekseenkov.1978@gmail.com

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

(Горловка)

В образовании микротопонимов применяется достаточно широкий спектр словообразовательных средств языка. Но, как пишет А.В. Суперанская, «из всего многообразия средств словообразования на определённой территории используется ограниченное количество типов, которые являются наиболее приемлемыми для данной местности» [8: 89].

Целью статьи является рассмотрение всех способов образования микротопонимов современной Горловки.

Самым продуктивным способом словообразования в микротопосистеме г. Горловки выступает суффиксальный способ. Круг наиболее продуктивных суффиксов, которые используются для образования микротопонимов, представлен формантами *-ов-/-ев-*, *-к-/-ск-*, *-н-/-ян-/-енн-*, а также суффиксом *-ыч-*, частность использования которых составляет 44,6% (87 ед.). Так, продуктивный для исследуемой микротопосистемы суффикс *-к(а)-* передаёт словообразовательное значение ‘обобщение для местности’ [9: 89]. Ср.: *Аксёновка* (-ов- + -к-), *Батмановка* (-ов- + -к-), *Житний* (-н-). *Кулачная гора* (-н-), *Озеряновка* (-ян- + -ов- + -к-), *Собачёвка* (-ёв- + -к-), *Соломенная балка* (-енн-) и др.

Как показывает материал исследования, в микротопонимической системе города Горловки наиболее частотным и продуктивным средством словообразования является суффикс *-к(а)-*. Но следует отметить, что микротопонимы, в которых суффикс *-к(а)-* непосредственно присоединяется к производящей основе, составляют 7,3% от общего количества анализируемых примеров. К таким наименованиям относятся микротопонимы *Стандартка*, *Бахмутка*, *Стенки*, *Грецкий*, *Делевки*, *Пятихатки*. В остальных случаях продуктивный суффикс *-к(а)-* остаётся с другим словообразующим суффиксом.

Ср.: *Успеновка* (-ов- + -к-), *Шахтенки* (-ен- + -к-), *Батмановка* (-ов- + -к-), *Аксёновка* (-ов- + -к-), *Алексеевка* (-ев- + -к-), *Мажаривка* (-ив- + -к-), *Чоканивка* (-ив- + -к-) и др. В данных примерах суффикс -к- сочетается с формативами -ов- / -ев-, -ив- (от укр. *ів*), имеет словообразовательное значение относительности. Ср.: *Алексеевка*, *Андреевка*, *Успеновка*, *Фёдоровка*, *Батурилка*, *Бондаривка*, *Гончаривка* и др. Таким образом, микропонимы, образованные с помощью суффикса -к-, составляют 21,5% (42 ед.) от всех исследуемых номинаций.

Микропонимы с суффиксами -ов- / -ев- составляют 11,8% от числа всех исследуемых наименований. Данные суффиксы также являются продуктивными для микропонимической системы Горловки. В современном русском языке данные суффиксы имеют «ярко выраженное значение принадлежности одному лицу» [1: 199]. В образовании всех анализируемых микропонимов с суффиксом -ов- / -ев- производящей основой выступают личные имена владельцев или первых поселенцев исследуемой местности. Так, микропонимы *Гладосово* (< Гладос), *Каранов Яр* (< Каранов), *Комарова* (< Комаров) нужен комментарий!, *Куйбышева* (< Куйбышев), *Фурсово* (< Фурсов), *Марков* (< Марк), *Заграева гора* (< Заграй) были образованы от антропонимов с помощью суффикса -ов- / -ев-.

Микропонимы, имеющие в своём составе суффикс -н-, в топонимическом пространстве города Горловки довольно многочисленны. Это объясняется продуктивностью суффикса -н- на всех славянских территориях. В.А. Никонов в работе «Славянский топонимический тип» пишет, что суффикс -н- образует относительные прилагательные «с общеславянского времени до наших дней» [5: 35]. В микропонимиконе Горловки названия с рассматриваемым формантом составляют 5,1% от числа всех аффиксальных образований. В данную группу входят микропонимы *Житный* (< жито + -н-), *Стенный* (< степь + -н-), *Стенной* (< степь + -н-), *Доломитный* (< доломит + -н-) и др. Все указанные микропонимы были образованы от апеллятивов путём топонимизации с помощью суффикса -н-.

Активным в образовании микропонимов Горловки является суффикс -ск-. Точки зрения лингвистов расходятся в определении статуса исследуемого суффикса. Так, Г.П. Цыганенко определяет суффикс -ск- как притяжательный или относительный [9: 395]. В свою очередь, В. А. Никонов отмечает неточность в определении значения суффикса как «групповой принадлежности» [5: 126]. По мнению лингвиста, «суффикс -ск- правильнее определять как суффикс неличной принадлежности, который сохранился после утраты прилагательных» [5: 71].

Мы, вслед за Г. П. Цыганенко, считаем, что суффикс *-ск-* в микротопонимах Горловки указывает на притяжательность. Данные микротопонимы с суффиксом *-ск-* образуются от антропонимов, которые восходят к именам и фамилиям первых поселенцев и владельцев участков. Например: *Гуэновский Лес* (< Гуэн), *Поклонский Лес* (< Поклонский), *Кондратьевский Лес* (< Кондрат). Образованные с помощью суффикса *-к-* микротопонимы восходят также к названиям национальностей местных жителей или первых поселенцев. Ср.: *Татарский Посёлок*, *Цыганский Хутор*, *Финский*. Следует отметить, что в микротопонимосистеме Горловки есть единицы, которые получили свою номинацию по названию местности, рядом с которой находятся. Например: *Байраковский Хутор* (от названия п. *Байрак*), *Цыганский Лес* (от названия *Цыганский Хутор*). Микротопонимы, образованные с помощью суффикса *-ск-*, составляют 5,6% (11 ед.) от общего числа всех анализируемых микротопонимов Горловки.

В образовании микротопонимов используется суффикс *-ыч-*. С помощью данного суффикса образован единственный микротопоним Горловки *Рудыч*. В номинации прослеживается влияние близкородственного языка, так как суффикс *-ыч-* (укр. *-ич-*) принадлежит к числу морфем украинского языка.

Спорадичен в микротопонимосистеме Горловки и суффикс *-чин-*. Так, микротопоним *Хохлатчина* восходит к апеллятиву *хохол* + суффикс *-чин-*, с помощью которого образуются существительные женского рода, обозначающие обиходные наименования территорий [7: 365].

Особое место в образовании микротопонимов города Горловки занимает такой способ словообразования, как сложение. Л.В. Зубова пишет о том, что сложение – это «образование производных слов объединением двух или более производящих основ или слов» [4: 128]. Как правило, образование микротопонимов с помощью сложения в микротопонимиконе Горловки происходит в совокупности с суффиксацией. Например, микротопоним *Первомайский* восходит к сочетанию *Первое мая* и образован с помощью сложения и продуктивного суффикса *-ск-*. Аналогичный процесс наблюдается в образовании микротопонимов *Пятихатки* < *пять хат* (рус. *дом*) + *-к-*, *Старобазарный* < *старый базар* + *-н-*. Единичен случай использования сложения без дополнительной суффиксации. Так, микротопоним *Пузорезы* был образован от сочетания глагола *резать* с существительным *пузо* без добавления аффиксов. Следует отметить, что сложение не является продуктивным способом словообразования для микротопонимосистемы Горловки. Микротопонимы, образованные благодаря данному способу, составляют 2,05% от числа всех анализируемых единиц.

Кроме аффиксации и сложения в образовании микропонимов участвуют префиксоиды. Л.В. Зубова определяет префиксоиды как «слова, настолько часто употребляемые при словосложении, что по своей функции приближаются к приставкам» [4: 129]. Так, в состав микропонимов *Новокаютино*, *Новосёловка*, *Новогригорьевка* входит префиксоид *нов-*. Наша картотека насчитывает всего 3 номинации, включающие в свой состав префиксоид, что составляет 1,5% от числа всех анализируемых лексем.

В свою очередь, употребление суффиксоидов в образовании микропонимов Горловки спорадично. Суффиксоиды – это усечённые слова или корни слов, выполняющие вследствие регулярного участия в словосложении функцию суффиксов [4: 129]. Ср. микропоним *Садовод*, в состав которого входит суффиксоид *вод-*. Таким образом, анализируемый в микропониме суффиксоид участвует в образовании одной номинации, что составляет 0,5% от числа всех анализируемых примеров.

Итак, аффиксальный способ образования микропонимов современной Горловки является наиболее продуктивным для рассматриваемой микропонимосистемы. С его помощью было образовано 146 микропонимов, что составляет 74,9% от числа всех исследуемых номинаций.

Что касается безаффиксного способа словообразования, то он является непродуктивным для микропонимосистемы современной Горловки.

Особое место в образовании микропонимов занимает компрессионное словообразование. Как отмечает Е.А. Земская, под компрессионным словообразованием понимаются те способы словообразования, благодаря которым образуются номинативные единицы, которые тождественны по значению базовому слову или словосочетанию, но отличаются от них более краткой формой [2: 120]. Таким образом, суть компрессии заключается в сжатии языковой структуры различными способами. Компрессионное словообразование включает в себя такие процессы, как универбация, усечение, субституция, а также аббревиация. Рассмотрим на примере микропонимов Горловки каждый процесс подробнее.

Универбация – это способ словообразования на базе словосочетания, в результате которого в производное слово входит основа лишь одного из членов синтаксической единицы. Таким образом, по форме универбат соотносится с лексической единицей, а по семантике – с синтаксической [6: 59]. Как пишет Е.М. Маркова, универбация – это

«стяжение описательных номинаций в номинации однословные» [3: 407]. К универбации автор относит усечение основы, суффиксацию, а также замену словообразовательного форманта.

Следует отметить, что 1,02% (2 ед.) микропонимов было образовано с помощью усечения основы. Усечение основы – это способ аффиксального словообразования, при котором происходит усечение производящей основы. Например, *Куба* (от топонима *Кубань*), *Шмид* (от антропонима *Шмидт*).

Учёные выделяют типы универбации. Так, А. В. Исаченко к универбации относит 1) словосложение, 2) сращение, 3) эллиптический пропуск одного из элементов словосочетания, 4) аффиксальную деривацию, 5) нулевую суффиксацию (усечение основы), 6) аббревиацию. В микропонимиконе города Горловки используются следующие типы универбации: 1) эллиптический пропуск означаемого или означаемого члена, 2) аффиксальная деривация, 3) нулевая суффиксация (усечение основы). Рассмотрим их на материале нашей картотеки.

К первому типу универбации – эллиптическому пропуску означаемого члена – принадлежат микропонимы, в которых перестаёт употребляться имя прилагательное. Ср.: *Верхняя Жёванка / Нижняя Жёванка* → *Жёванка* (номинации части п. Зайцево, расположенные в верховье / низовье реки Жёванки СТИЛЬ); *Старая Колония* → *Колония* (номинации части п. Никитовки, в котором расположены каменные дома, построенные Ауэрбахом для рабочих Ртутного комбината в конце XX века); *Железная Балка* → *Балка* (номинации местности на территории Горловки, где расположено месторождение железной руды); *Верхний Хутор* → *Хутор* (номинации, которыми обозначают посёлок, расположенный недалеко от шахты № 5 и находящийся на возвышенной местности).

Вследствие компрессивных процессов часть семантики микропонимов утрачивается. Так, микропонимы *Верхняя Жёванка / Нижняя Жёванка* в результате эллиптического пропуска означаемого члена заменяются на лексему *Жёванка*. При этом только находящиеся внутри обозначенных микросистем жители (т. е. «свои») понимают, о какой части посёлка идёт речь.

Первый тип – эллиптический пропуск означаемого – представлен и микропонимами, в которых перестаёт употребляться имя существительное. При этом эллипс сопровождается субстантивацией прилагательного. Так, микропоним *Разбойничий лес* трансформировался в лексему *Разбойничий*. Территория с названиями *Разбойничий лес* – *Разбойничий* находится в п. Государев Байрак, она получила

данные номинации вследствие того, что раньше в этом лесу скрывались от властей разбойники, которые грабили местных жителей. В свою очередь, микропонимы *Цыганская балка* → *Цыганская* восходят к существительному *цыган* вследствие того, что на территории с этим названием проживали поселенцы-цыгане, выходцы из Бессарабии. К этому типу универбации относятся и микропонимы *Каронов Яр* → *Каронов*, которые восходят к антропониму *Каронов* (данную фамилию носил один из местных жителей, который имел в этом яру несколько пастбищ и землю).

К микропонимам второго типа универбации – аффиксальной деривации – относится образованное суффиксальным способом словообразования от словосочетания *Загрева Гора* слово *Заграйша* (опущение + словообразовательный суффикс *-айш-*). Микропонимами *Загрева Гора* → *Заграйша* называют гору, а также территорию вокруг неё, где жил Заграй – владелец указанной местности.

К микропонимам третьего типа универбации – нулевой суффиксации (усечения основы) – принадлежит образованная от словосочетания *Аргентинские дома* безаффиксным способом словообразования лексема *Аргентина*. Микропонимами *Аргентинские дома* → *Аргентина* называли дома, где жили выходцы из Аргентины. Другой пример: *Байракский хутор* → *Байрак*, которые обозначают посёлок, находящийся недалеко от шахты «Корсуньская копь».

В XX веке в топонимическом пространстве города Горловки появляются микропонимы, в основе образования которых лежит аббревиация. Л.В. Зубова определяет аббревиацию как «способ образования имён существительных, производных от составных наименований, объединением различных фрагментов слов, входящих в эти наименования» [4: 131]. Например, микропоним *Жилкон* образован от начальных элементов словосочетания *жилищный кооператив*. Благодаря аббревиации в анализируемом микропонимиконе появились следующие микропонимы: *Соцгородок* (< *социальный городок*), *Домбэ* (< *Дом Б*). Данный способ словообразования после распада СССР является непродуктивным для микропосистемы Горловки.

В образовании микропонимов современной Горловки используется и сращение. Сращение – это «объединение в одном слове двух или более синтаксически связанных самостоятельных слов или их форм» [4: 133]. Благодаря данному способу в речи жителей города появился микропоним *Стальсбыт*, который был образован от сочетания *сбыт стали*. Сращение не является продуктивным способом образования микропонимов города Горловки.

Среди анализируемых микротопонимических наименований мы выявили примеры, в словообразовательную структуру которых не входит суффикс. Например: *Балка, Весёлый, Косиор, Пекин, Шанхай, Химик, Чагари, Шумы, Волохи, Гурты* и др. В основном данные микротопонимы были образованы в результате трансонимизации, реже – онимизации.

Итак, проанализированный нами материал показывает, что для микротопонимикона города Горловки характерны различные способы словообразования, среди которых самым продуктивным является аффиксальный. Микротопонимы, в состав которых входит словообразовательный формант, составляют 74,9%. Менее продуктивным выступает безаффиксный способ, с помощью которого образовано 25,1% от общего числа всех анализируемых единиц. Компрессионное словообразование также характерно для микротопонимической системы Горловки и представлено в 5,1% примеров от общего числа всех анализируемых единиц.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Грамматика русского языка: в 2-х т. / Акад. наук СССР. Ин-т русского языка; [Ред. коллегия: акад. В.В. Виноградов и др.]. – [Изд., испр.]. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Т. 1. – 500 с.; Т. 2. – 600 с.
2. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
3. Маркова Е. М. Основные тенденции в лексике современных славянских языков (на материале русского и чешского) // Вестник ННГУ. – 2011. – № 6 (2). – С. 404–408.
4. Морфемика и словообразование современного русского языка: учебник / Л.В. Зубова, Ю.В. Меньшикова / Учебно-методический комплекс по курсу «Морфемика и словообразование современного русского языка». – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 255 с.
5. Никонов В.А. Введение в топонимику. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 184 с.
6. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение). – М.: Прометей, 1994. – 117 с.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 1 : А–И. – 1981. – 698 с.
8. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. – М.: Наука, 1986. – 187 с.
9. Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. – Киев: Радянська школа, 1982. – 240 с.

ГОДОНИМИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПРИНЦИПА НОМИНАЦИИ

А.В. Пивень
ann.dzis@mail.ru

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(Горловка)

В современной лингвистике актуальным является лингвокраеведческий аспект. Это относится и к изучению ономастикона города. Известно, что система городских названий складывается в течение длительного периода под действием различных экстралингвистических факторов. По мнению Т.В. Шмелёвой, «топонимические названия отображают различные исторические события, под влиянием которых они создавались и трансформировались. Возникновение данных названий – это не случайный процесс, а результат многолетнего жизненного опыта минувших поколений» [7].

Годонимия Горловки включает номинации линейных адресных объектов, официальный статус которых закреплён различными Постановлениями Правительства и решениями городских органов власти. В качестве официальных названий годонимы отображены на адресных табличках, а причины их появления зафиксированы в архивных документах. В годонимии города Горловки отображены два принципа номинации – демонстративный и меморативный.

Целью данного исследования является описание годонимов Горловки, отображающих демонстративный принцип номинации.

Объектом исследования выступили годонимы Горловки; **предметом** является анализ годонимов (44 единицы), отображающих демонстративный принцип номинации. Необходимо отметить, что исследуемые нами номинации линейных адресных объектов и их грамматические формы являются одной единицей анализа.

Как известно, принцип номинации конкретного онима отображает «основание для связи имени с называемым объектом» [1: 14], поэтому под данным термином мы понимаем некие правила или исходные положения, по параметрам которых формируется обобщённое положение мотивировочных признаков. Это семантическая категория, которая содержательно зафиксирована в сознании носителей языка [1: 14].

Основой для выделения демонстративного принципа служит мнение о том, что имена улиц (их наименования и переименования) – результат существования советской эпохи. Т.В. Шмелёва в работе «Советское наследие в новгородской годонимии» подчёркивает, что

советский строй фиксирует наименования линейных адресных объектов, тем самым унифицируя и уподобляя данные наименования: «в каждом непременно были улицы Ленина, Маркса, Пролетарская, Советская...» [6: 2]. Таким образом, названия линейных адресных объектов выступают в качестве политического словаря эпохи.

Номинации, в основе которых лежит демонстративный принцип, отображают ценности и нормы советской эпохи: «Революция, Диктатура пролетариата, Республика, Новая Заря» [6: 2].

Исходя из данных нашей картотеки, мы выделяем следующие группы линейных адресных объектов г. Горловки, отображающих демонстративный принцип номинации:

1. Годонимы, восходящие к названиям общечеловеческих ценностей и реалий. В данной группе использованы лексемы *мир, свобода, дружба, конституция, труд, братский, вольный, героический, гражданский, демократический, культурный, молодёжный, народный, национальный, общественный, отечественный*, их грамматические формы и производные. Например: ул. *Мира*, ул. *Мирная* и пер. *Мирный*, ул. *Свободная*, ул. *Свободы*, ул. *Дружбы*, ул. *Конституции*, ул. *Труда*, пер. *Трудовой*, ул. *Трудовых Резервов*, ул. *Братская* и пер. *Братский*, ул. *Вольная*, ул. *Героическая*, ул. *Гражданская*, ул. *Демократическая*, ул. *Культурная*, ул. *Молодёжная*, ул. *Народная*, ул. *Национальная*, ул. *Общественная*, ул. *Отечественная* (20 языковых знаков от общего числа анализируемых названий).

В вышеуказанных примерах прослеживается связь конкретного языкового знака с анализируемой группой. Так, в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой номинации ул. *Мира*, ул. *Мирная* и пер. *Мирный* восходят к лексемам *мир, мирный* со следующими значениями: «1. Любящий мир, согласие, не склонный к вражде. 2. Прилагательное к лексеме *мир*. 3. Связанный с прекращением войны, с заключением соглашения о мире. 4. Чуждый волнений, спокойный, тихий» [4, т. 2: 276]. В свою очередь, номинация ул. *Героическая* восходит к адъективу *героический* со значением ‘свойственный герою, доблестный’ и ‘способный к подвигам, героизму, совершающий подвиги’ [4, т. 1: 307].

2. Годонимы, восходящие к обозначениям классовых реалий. Здесь используются лексемы *победа, бой, большевик, восстание, интернационал, партизан, баррикада, гвардия* и их производные. Например: ул. *Победы*, площадь *Победы* и просп. *Победы*, ул. *Боевая*, ул. *Большевистская*, площадь *Восстания*, ул. *Интернациональная*, ул. *Красных Партизан*, ул. *Партизанская*, ул. *Баррикадная*, ул. *Гвар-*

дейская (9 языковых знаков от общего числа анализируемых наименований).

Так, номинация ул. *Большевицкая* восходит к лексической единице *большевицкий* со значением ‘человек, относящийся к большевизму; основанный на принципах большевизма (революционное марксистское движение политической мысли в России); свойственный большевику’ [4, т. 1: 106].

3. Годонимы, восходящие к обозначениям военных и социальных образований и институтов и представленные лексемами *коммунистический, комсомольский, пионерский, краснознамённый, красноармейский, пролетарский, рабочий* и их грамматическими формами. Например: ул. *Коммунистическая*, ул. *Комсомольская*, ул. *Пионерская*, ул. *Краснознамённая*, ул. *Красноармейская*, ул. *Пролетарская*, ул. *Рабочая* и пер. *Рабочий* (7 языковых знаков от общего числа анализируемых названий).

Так, годоним ул. *Пионерская* восходит к лексеме *пионерский* со значением ‘участник добровольной коммунистической организации в СССР, а также в ряде других государств’ [4, т. 3: 124]. В свою очередь, годоним ул. *Красноармейская* соотносён с адъективом *красноармейский*, передающим следующие значения: «1. Прилагательное к *красноармеец*. 2. Относящийся к Красной Армии» [4, т. 2: 121].

4. Годонимы, восходящие к названиям социально значимых профессий, военных специальностей и званий. В их числе имена существительные *забойщик, космонавт, механизатор, педагог, металлист, артиллерист, танкист, маршал* и их производные. Например: ул. *Забойщиков*, ул. *Космонавтов*, ул. *Механизаторов*, ул. *Педагогическая*, ул. *Металлистов*, ул. *Артиллеристов*, ул. *Танкистов*, ул. *Маршальская* (8 языковых знаков от общего числа анализируемых названий).

Годоним ул. *Маршальская* восходит в адъективу *маршальский*, который является производным от существительного *маршал*. Согласно «Словарю русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, номинация имеет следующие значения: «1. Воинское звание выше генеральского, персонально присваиваемое Президиумом Верховного Совета СССР лицам высшего командного состава за выдающиеся заслуги в руководстве войсками, а также лицо, носящее это звание. 2. Высшее воинское звание или чин в армиях некоторых государств, а также лицо, носящее это звание» [4, т. 2: 231]. В свою очередь, номинация ул. *Артиллеристов* восходит к лексеме *артиллерист* ‘военный, служащий в артиллерии’, где *артиллерия* – это ‘род войск с огнестрельными орудиями различных конструкций и калибров’ [4, т. 1: 46].

Годоним ул. *Танкистов* соотнесён с лексической единицей *танкист* со значением 'военнослужащий танковых войск' [4, т. 4: 38]. Годоним ул. *Педагогическая* восходит к адъективу *педагогический*, который является производным от лексемы *педагог, педагогика* [4, т. 3: 37].

Относительно способа грамматической оформленности наименований линейных адресных объектов, отображающих демонстративный принцип номинации, заслуживает внимания точка зрения Т.В. Шмелёвой. Автор в монографии «Великий Новгород: ономастический портрет» пишет, что «нельзя не отметить последствия и языковые, в первую очередь, грамматические. Грамматика имён улиц оказалась существенно изменена в силу того, что демонстративы и меморативы оформлялись преимущественной формой родительного падежа» [6: 103]. Т.В. Шмелёва высказывает мысль о том, что наименования данного рода удобны тем, что допускают включения политических терминов и иноязычных имён, «от которых невозможно образование прилагательного» [6: 103]. Такие наименования в стилистическом аспекте типичны для бюрократического, канцелярского языка, «который стал стилистической доминантой советской словесной культуры» [6: 103].

Мы обнаружили, что из 44 номинаций только 13 линейных адресных объектов (29,5%) представлены именами существительными и имеют форму родительного падежа. Например: ул. *Артиллеристов*, ул. *Дружбы*, ул. *Мира*, ул. *Победы*, ул. *Свободы* и др. Большее количество номинаций – это относительные имена прилагательные, выраженные формой именительного падежа (29 языковых знаков), что составляет 65,9%. Например: ул. *Братская*, ул. *Большевикская*, ул. *Героическая*, ул. *Гражданская*, ул. *Интернациональная*, пер. *Мирный*, ул. *Отечественная* и др. Среди примеров также зафиксированы 2 номинации композитного типа, у которых ключевое слово – это имя существительное в родительном падеже: ул. *Красных Партизан* и ул. *Трудовых Резервов*. Таким образом, в годонимии г. Горловки преобладают имена прилагательные, выраженные формой именительного падежа (в отличие от годонимии г. Великий Новгород, о которой пишет Т.В. Шмелёва).

Годонимы города Горловки, реализующие демонстративный принцип номинации, – это результат советской эпохи и своеобразный политический словарь указанного периода. Наименования линейных адресных объектов, отображающие демонстративный принцип номинации, в большей степени представлены именами прилагательными (29 языковых знаков), в меньшей – именами существительными

(13 языковых знаков). В свою очередь, имена прилагательные выражены формой именительного падежа, а имена существительные – формой родительного падежа.

Перспективой работы считаем изучение проблемы переименования линейных адресных объектов, принципов и способов номинации таких годонимов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ономастика Русского Севера: учебное пособие к спецкурсу / Е.Н. Варникова, Е.Н. Иванова, Н.В. Комлева, С.Н. Смольников (отв. ред.); Мин-во образования и науки РФ; Вологодский гос. пед. ун-т. – Вологда: Легия, 2012. – 72 с.

2. Пивень А.В., Герасименко И.А. Отображение концептуального поля 'шахтёр' в годонимиконе современной Горловки // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. статей по материалам VI Междун. симпозиума. – Симферополь: Изд. дом КФУ, 2021. – С. 88–93.

3. Пивень А.В. Советизмы в номинациях линейных адресных объектов города Горловки // Новые горизонты русистики: сб. науч. тр. по материалам VII Междун. чтений студентов и молодых учёных памяти Г.И. Рихтера. – Донецк: Изд-во ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2021. – С. 79–82.

4. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1: А – Й. – 702 с.; – Т. 2: – К – О. – 736 с.; – Т. 4: С – Я. – 797 с.

5. Шмелёва Т.В. Великий Новгород: ономастический портрет: монография. – Великий Новгород: ТПК «Печатный Двор», 2020. – 288 с.

6. Шмелёва Т.В. Советское наследие в новгородской годонимии // <https://elar.urfu.ru>: сайт. – URL: <https://elar.urfu.ru> (дата обращения: 15.10.2022).

7. Шмелёва Т.В. Советские имена улиц в современном городе: в 2-х т. – Т. 2: моногр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. – 397 с.

ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ МНОГОСТУПЕНЧАТОЙ ТРАНСОНИМИЗАЦИИ

А.В. Петров

liza_nada@mail.ru;

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Институт филологии
(Симферополь)

В коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» трансономизация определяется как «образование новых имён собственных всех разрядов посредством переноса известного имени в иной ономастический класс» [16: 46]. Данный внутрионимный ономастический процесс протекает в языке непрерывно, является основой для пополнения онимического фонда [3; 16]. Для обозначения языковых единиц, полученных в результате трансономизации, исследователи используют термин «трансономимы».

Существуют разные типы трансономизации. Как отмечал В.М. Калинин, при трансономизации «внешняя форма имени остаётся неизменной, но меняются и денотативно-сигнификативный комплекс, и референт» [5: 87]. Это так называемая абсолютная, «чистая» трансономизация, не осложнённая деривацией. Этому процессу противостоит грамматический способ онимообразования, при котором производящий оним претерпевает изменения в результате словообразовательных процессов (аффиксации, сложения основ и т. д.) [13; 20]. Е.С. Отин, исследуя коннотонимы в процессах трансономизации, пришёл к выводу о том, что переход онима из одного разряда в другой бывает абсолютным (лексико-семантическим, без-аффиксным) и смешанным (с участием аффиксов) [11: 60].

«Типичной линией трансономизации» учёные считают переход антропонимов в топонимы [6; 16; 19]: «в процессе трансономизации активность разных групп исходных онимов различна. Чаще используются антропонимы и топонимы, реже единицы других классов» [6: 54; 19: 58].

Е.С. Отин раскрыл механизмы преобразования семантики при переходе личного имени в гидронимы и гидронима в ойконимы, что

объясняется близостью географических объектов [9; 10]. Исследователь считал, что процесс трансонимизации может проходить в несколько этапов, то есть «трансонимизация может быть как одноступенчатой, так и многоступенчатой». При «многоступенчатой» трансонимизации «онимообразовательная цепочка может иметь в себе собственные имена различных разрядов (межвидовая трансонимизация) или же состоять из онимов, принадлежащих одному виду (внутривидовая трансонимизация)» [10: 46].

Цель исследования – проанализировать официальные названия летательных аппаратов, которые являются результатом межвидовой онимообразовательной цепочки: антропоним – эргоним-меморатив – авиапорей-оним («имя собственное конструктора летательного аппарата» – «наименование опытного конструкторского бюро (ОКБ) в честь того или иного выдающегося конструктора» – «летательный аппарат», спроектированный в ОКБ).

По определению Н.В. Подольской, «мемориальное имя собственное (меморатив, имя-посвящение)» – это «имя, данное в память о ком-л. или о чём-л.» [12: 124]. Меморативы прослеживаются в топонимах, урбанонимах, антропонимах и др. разрядах онимов. Появление, например, мемориальных топонимов Р.В. Разумов связывает с государственной идеологией. Мемориальный смысл приобретали ойконимы, оронимы, наиболее массово – микротопонимы (в основном урбанонимы): «Впервые подобные урбанонимы появились уже на дореволюционном этапе истории России, когда власть стала использовать городские названия в качестве средства увековечивания памяти об известных людях. Особенно интенсивно данный процесс стал протекать в советскую эпоху, когда во многих городах нашей страны стали массово появляться разнообразные топонимы-посвящения» [14: 171].

В исследуемой онимообразовательной цепочке представлены также авиапорейонимы (термин введён В.И. Супруном и С.А. Поповым) – от авиа... – сокращение в значении ‘авиационный’, ‘относящийся к самолётам’ + порейоним – ‘название средства передвижения’. Таким образом, авиапорейоним – это «собственное название самолётов военной и гражданской авиации разных типов...» [15: 25].

Как отмечают, Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун, «наименее изученными или же вовсе неизученными классами прагматонимов являются хрематонимы, порейонимы, фалеронимы и др.» [7: 96]. По мнению В.И. Супруна, «изучение порейонимов открывает для нас ономастур-гические традиции народа, особенности трансонимического взаимодействия единиц, интра- и интеръязыковые связи названий средств

передвижения» [19: 331]. Некоторые исследователи наименования самолётов причисляют к группе хремотонимов, подгруппе порейонимов [20: 149]. Термином «хремотонимия» учёные объединяют классы имён, которые обозначают объекты социальной, политической, культурной, экономической жизни общества [16]. «Хремотонимия» является продуктивнейшим ономастическим классом, который, по мнению В.Д. Бондалетова, «характеризуется большой открытостью относительно привлечения языковых средств для образования новых имён и их дальнейшего употребления» [2: 91].

Известно стремление присваивать наименования различным видам вооружений и другим артефактам [16]. Не является исключением и отрасль авиастроения. Так, прототип бомбардировщика конструктора В.А. Слесарева был назван «Святогор» (1914 год), пассажирские самолёты И.И. Сикорского получили названия «Русский витязь» и «Илья Муромец» (1913 год), учебно-тренировочный самолёт У-8 разработчика В.Н. Хиони официально был назван «Конёк-Горбунок» (1923 год), а декоративно оформленный агитационный самолёт АНТ-9 получил название «Крокодил» (1935 год) и др.: <https://topwar.ru>Авиация.

В дальнейшем наметилась тенденция присваивать опытным конструкторским бюро имена выдающихся конструкторов. Так стали формироваться эргонимы-меморативы. В авиастроении известны следующие конструкторы, в честь которых были названы ОКБ: *О.К. Антонов, Г.М. Бериев, С.В. Ильюшин, Н.И. Камов, С.А. Лавочкин, М.Л. Миль, В.М. Мясищев, П.О. Сухой, А.Н. Туполев, А.С. Яковлев*, а также тендем *А.И. Микояна и М.И. Гуревича* (ОКБ «МиГ»). При этом летательные аппараты (ЛА) стали называть по сокращённым фамилиям ведущих конструкторов, например: Ту- [ту] – Туполев (в маркировке самолётов: Ту-16, Ту-104, Ту-110, Ту-144) [1: 360], ЛАГГ- [лаг] – Лавочкин, Горбунов и Гудков (в маркировке самолётов: ЛАГГ-3) [1: 194].

После аббревиатуры используется дефис и цифровой компонент, который обозначает номер базовой модели, а также буква модификации: Ла-174ТК – тонкое крыло (экспериментальный истребитель Лавочкина), Ту-16С – спасательный (морской поисково-спасательный), Ту-16СП – самолёт противолодочный. Истребителям, согласно классификации, присваиваются нечётные номера (МиГ-29, МиГ-31, Су-7, Су-9, Су-11 и др.), что, однако, не всегда соблюдается, остальные типы самолётов имеют чётные номера (Ан-24, Ан-26, Ту-16, Ту-134 и др.) [1].

Образованной аббревиатуре с цифровым компонентом может быть присвоено наименование, которое официально закрепляется за

тем или иным летательным аппаратом, например: (Туполев) *Ту-16 «Циклон»* (самолёт – разведчик погоды). Название лёгкого бомбардировщика времён Второй мировой войны *Су-2 «Иванов»* (ударение на «а») связывают с телеграфным позывным Сталина «ИвАнов»: <https://histrf.ru>. В соответствии с наметившейся тенденцией происходило переименование уже названных ЛА: например, У-2 – биплан, созданный в 1927 году под руководством Н. Н. Поликарпова, – в 1944 году был переименован в По-2 в честь его создателя.

Однако отсутствуют официальные наименования летательных аппаратов, разработанных в конструкторском бюро имени С.А. Лавочкина, А.С. Яковлева и ОКБ «МиГ» (ОКБ А.И. Микояна и М.И. Гуревича). Исключение составляют разведывательный и ударный БПЛА *Як-133БР*, получивший наименование «*Прорыв*», и построенный в 1945 году экспериментальный самолёт *МиГ-8 «Утка»*, основной особенностью которого было использование аэродинамической схемы «Утка».

За летательным аппаратом может закрепиться неофициальное наименование, которое в дальнейшем выполняет функцию официального. Так произошло с самолётом-перехватчиком Лавочкина *Ла-250*, которому во время лётных испытаний было дано наименование «*Анаконда*», обусловленное удлинённой формой корпуса и относительно критическими лётными характеристиками машины: http://hmn.wiki.ru/Lavochkin_La-250. С этим наименованием Ла-250 вошёл в историю авиастроения.

С опорой на интернет-источники были построены и проанализированы следующие межвидовые онимообразовательные цепочки:

1. *О.К. Антонов – ОКБ им. Антонова – Ан-...* (27 единиц);
2. *Г.М. Бериев – ОКБ им. Г.М. Бериева – Бе-...* (7 единиц);
3. *С.В. Ильюшин – ОКБ им. Ильюшина – Ил-...* (8 единиц);
4. *Н.И. Камов – ОКБ им. Камова – Ка-...* (8 единиц);
5. *М.Л. Миль – ОКБ им. Миля – Ми-...* (10 единиц);
6. *В.М. Мясищев – ОКБ им. Мясищева – М-...* (7 единиц);
7. *П. О. Сухой – ОКБ им. П.О. Сухого – Су-...* (4 единицы);
8. *А.Н. Туполев – ОКБ им. А.Н. Туполева – Ту-...* (11 единиц).

Спецификой восьми выделенных межвидовых онимообразовательных цепочек является то, что первые и вторые её звенья связаны с «абсолютной» трансонимизацией, а вторые и третьи – отражают трансонимизацию, осложнённую деривацией (образованием аббревиатур, как правило, слоговых). Отличается от остальных шестая цепочка, последнее звено которой представлено сложносокращённой еди-

ницей М-, а также единичным случаем «ВМ» (соответственно инициалам – Владимир Мясищев) в наименовании тяжёлого транспортного самолёта **ВМ-Т «Атлант»**.

С течением времени изменяются названия конструкторских бюро, однако при уточнении номинации объекта сохраняется имя-посвящение, например: с 1984 года – ОКБ имени О. К. Антонова, с 1989 года – Авиационный научно-технический комплекс «Антонов», в настоящее время – государственное предприятие «Антонов».

Систематизируем официальные названия летательных аппаратов.

1. Названия, коррелирующие с лексемами тематической группы «Погода»: **Ан-26** с родовым наименованием «*Погода*» (самолёт метеозащиты), **Ан-6 «Метео»** (высотный опытный самолёт), ср.: «метео» ‘от *метеорологический*, связанный с учением о погоде и методах её предсказания’ [15, т. 2: 260], **Ан-30М «Метеозащита»** (самолёт предназначен для искусственного вызывания осадков в условиях летних атмосферных процессов, для сдерживания и предотвращения пожаров); **Ан-8, Ан-12, Ан-26**, а также **Ил-18** и **Ту-16 «Циклон»** (самолёты – разведчики погоды), ср.: «циклон» ‘1. *Метеор.* Область пониженного атмосферного давления (минимальное давление в центре) с преобладанием пасмурной погоды и сильными ветрами’ [15, т. 4: 645]. Для исследований глобального изменения климата Земли был создан стратосферный самолёт-разведчик **М-55 «Геофизика»**.

2. Названия, коррелирующие с лексемами тематической группы «Зоонимы» с преобладанием лексических единиц, называющих орнитонимы, в том числе и мифические: **Ан-12Б-ВКП «Зебра»** (проект самолёта воздушного командного пункта корпусного и армейского звена), **Ан-14 «Пчёлка»** (самолёт связи): «*Внешний вид самолёта действительно оправдывал такое название – машина обладала коротким фюзеляжем, длинными крыльями и сдвоенными рулями направления*»: <https://novate.ru>. **Ан-124-РС-22 «Орёл»** (тяжёлый самолёт), **А-40 (Бе-42) «Альбатрос»** (многоцелевой реактивный самолёт-амфибия), ср.: «альбатрос» ‘большая морская водоплавающая птица с удлинённым клювом и длинными узкими крыльями’ [15, т. 1: 33]; **М-62 «Орёл»** (проект высотного БПЛА), **М-201 «Сокол»** (многоцелевой самолёт), **Су-17М «Стриж»** (истребитель-бомбардировщик, который не имеет ничего общего с названием российской пилотажной группы «Стрижи», созданной 6 мая 1991 года и летающей на самолётах МиГ-29), **Су-25 «Грач»** (так звучал радиопозывной первых испытуемых в Афганистане машин – дозвуковых одноместных двухмоторных реактивных самолётов), **С-37 (Су-47) «Беркут»** (экспериментальный са-

молёт с обратной стреловидностью крыла), ср. «беркут» ‘хищная птица сем. ястребиных’ [15, т. 1: 80]; **Ту-16ЛЛ «Сайгак»** (летающая лаборатория для отработки вооружения высотного самолёта М-17), ср. «сайгак» ‘парнокопытное животное ... с лировидными рогами, вид антилопы’ [15, т. 4: 13]; **Ту-95ЛАЛ «Ласточка»** (летающая атомная лаборатория, опытный атомный ракетоносец), **Ту-123 «Ястреб»** (сверхзвуковой дальний беспилотный самолёт-разведчик), **Ту-141 «Стриж»** (реактивный беспилотный самолёт-разведчик), **Ту-142МР «Орёл»** (самолёт обеспечения связи с подводными лодками), **Ка-60 «Касатка»** (многоцелевой военно-транспортный вертолёт), **Ка-52 «Аллигатор»** («разведывательно-ударный вертолёт нового поколения, способный поражать бронированную и небронированную технику, живую силу и воздушные цели на поле боя. Представляет собой дальнейшее развитие вертолёта Ка-50 “Чёрная акула”»: <http://ru.wikipedia.org>); **Ка-52К «Катран»** (боевой разведывательно-ударный вертолёт палубного базирования) «назвали в честь черноморского морского хищника... Он вобрал в себя лучшее от смертельно опасной “Акулы” и такого же опасного “Аллигатора”»: <http://www.tvzvezda.ru>; «Название для Ка-52 выбирали, с одной стороны, по форме корпуса, а с другой – сыграла роль “родословная” Ми-24, который также прозвали в честь речного хищника»: <https://novate.ru>; **Ми-35П «Феникс»** (современная модификация семейства боевых вертолётов Ми-24/35), **Ми-4Н «Филин»** (ночной разведывательный вертолёт), ср. «филин» ‘ночная птица’ [15, т. 4: 564], **Ми-52-1 «Снегирь»** (проект лёгкого армейского вертолёта).

Зафиксированы названия боевых вертолётов, представленные словосочетанием, – **Ми-28Н «Ночной охотник»** и **Ка-50 «Чёрная акула»**. «Вертолёт Ми-28Н составляет основу парка армейской авиации России. Он способен взять на борт более 1,5 тонны вооружения и применить его в любое время суток, за что его называют “Ночной охотник”»: <https://spec.tass.ru>. «В появлении номинации для второго вертолёта существуют две версии. Первая отсылает к 1993 году, когда в прокат вышел фильм “Чёрная акула” с Ка-50 в “главной роли”»: <https://histrf.ru>. Вторая версия основана на признаках цвета и формы фюзеляжа, напоминающих морского хищника: <https://novate.ru>.

1.3. Названия, коррелирующие с топонимами или с лексемами, образованными от топонимов: **Ан-10 «Украина»** (многоцелевой транспортный самолёт), **Ил-18 «Москва»** (опытная модель пассажирского самолёта), **Ил-76ТД «Антарктида»** (тяжёлый транспортный

турбореактивный самолёт, оснащённый дополнительным навигационным оборудованием и специальной краской для Арктики и Антарктики: <https://pulse.mail.ru>; **Ка-11 «Байкал»** (проект лёгкого вертолёта, предназначенного для работы на дальневосточных маршрутах), **Ту-144ЛЛ «Москва»** (самолёт – летающая лаборатория), **Ан-30Д «Сибиряк»** (самолёт для высокоширотной эксплуатации, создан для ледовой разведки за Полярным кругом), **Ми-1 «Москвич»** (лёгкий многоцелевой вертолёт), **Ка-8 «Иркутянин»** (опытный корабельный вертолёт). «Имя “Иркутянин” было дано вертолёту в честь самого создателя машины, родившегося в Иркутске»: <https://arsenal-info.ru>.

1.4. Названия, данные ЛА по их функциональному назначению: **Ан-24ЛР «Торос»** (базовая модель модифицирована для проведения ледовой разведки), ср. «торос» ‘ледяная глыба, образовавшаяся при сжатии льдов на северных морях и реках’ [15, т. 4: 388]; **Ан-22ПЗ «Перевозчик»** (самолёт для перевозки грузов на надфюзеляжной подвеске), ср.: перевозчик 2» ‘разг. Тот, кто занимается перевозкой, перевозит что-л.’ [15, т. 3: 52], **Ан-26 «Калибровщик»**, **«Стандарт»** (самолёт для проверок работы аэродромных радиотехнических средств), **Бе-12 «Наблюдатель»** (противолодочный самолёт с ИК аппаратурой), **Ил-14 «Патрульный»** (самолёт для погранвойск), **Ил-28 «Калибровщик»** (самолёт – летающая лаборатория), **Ил-76МФ «Демонстратор»** (самолёт – летающая лаборатория), **Ми-10К «Кран»** (вертолёт для строительно-монтажных работ), **Ил-76МДК «Космос»** (модифицированная версия тяжёлого военно-транспортного самолёта, переоборудованного для тренировок космонавтов в условиях искусственной невесомости).

1.5. Названия, коррелирующие с лексемами тематической группы «Транспортные средства»: **Ан-12 «Танкер»** (летающая водораспыливающая лаборатория для создания условий искусственного обледенения), ср.: «танкер» ‘наливное судно для перевозки жидких грузов без тары’ [15, т. 4: 338]; **Ми-6ВР «Водолей»** (вертолёт – водораспыливающая летающая лаборатория для испытания противообледенительных систем вертолётов в условиях искусственного обледенения), ср.: «водолей» ‘водоналивное судно, снабжающее пресной водой находящиеся в море корабли’ [15, т. 1: 193].

К этой группе могут быть отнесены и косвенные наименования транспортных средств, ср. название самолёта с инфракрасной аппаратурой – летающая лаборатория **Ан-12Б «Кубрик»** («кубрик» ‘общее жилое помещение на судах для команды’ [15, т. 2: 144]).

1.6. Названия, коррелирующие с лексемами тематической группы «Мифические / сказочные герои»: **Ан-22 «Антей»** (тяжёлый

турбовинтовой транспортный самолёт), *Ан-124 «Руслан»* (тяжёлый транспортный самолёт), одна из версий – название дано в честь героя пушкинской поэмы «Руслан и Людмила», *Бе-2500 «Нептун»* (проект сверхтяжёлого транспортного самолёта-амфибии – один из самых масштабных замыслов в мировом авиастроении), *Ил-76ТД-С «Айболит»* (гражданский санитарный самолёт, получивший наименование по названию стихотворной сказки Корнея Чуковского «Айболит», главным персонажем которой является доктор с одноимённым названием).

Традицией конструкторского бюро имени Антонова было называть большегрузные самолёты их разработки так, чтобы в его названии было сочетание АН (по обозначению самолёта). Например, большегрузный самолёт *Ан-22* имеет название *АНтей* (герой древнегреческого мифа, отличавшийся огромной силой). «Академик И.Н. Фридляндер, который принимал участие в создании самолёта, в воспоминаниях объяснял название для самолёта тем, что летательный аппарат приобретал энергию от земли, наполняя свои баки горючим»: <http://www.ru.wikipedia.org>. В этих же традициях *Ан-124* назвали *РуслАН*.

ВМ-Т «Атлант» (транспортный самолёт-носитель) – «ВМ» соответствовало инициалам Владимира Мясищева, ср.: «Атлант» ‘имя древнегреческого мифического великана, который был осуждён поддерживать небесный свод’ [15, т. 1: 50].

Остановимся на метонимических переносах, построенных по модели «метафорическое название аппаратуры на самолёте / вертолёт – наименование самолёта / вертолёта». Модель отражает концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии – «метонимическую метафору» (Е.А. Некрасова), «метафтонимию» (О.С. Шарманова [18] со ссылкой на Л. Гусе [22]). Одна из разновидностей когнитивной модели метафтонимии была описана Ю.С. Дубковой [4]: «(А→А1 есть В) + (В вместо А) = Х», где А – наименование летательного аппарата, А1 – его конструктивная составная часть, которая напоминает В, + (В вместо А) = Х.

Эта модель метафтонимии лежит в основе наименований *Ан-12БКК «Капсула»* (самолёт – воздушный командный пункт): герметичная кабина-капсула → наименование самолёта: <https://ru.wikipedia.org> Ан-12; *Ла-160 «Стрелка»* (фронтовой истребитель, имеющий, в отличие от своих предшественников, крыло стреловидностью 35°, за что получил название «Стрелка»); *Бе-12 «Чайка»* (противолодочный самолёт-амфибия, получивший неофициальное название за форму крыла),

М-17 «Чайка» («Стратосфера») (проект высотного самолёта, имевший конструкцию крыла «Чайка»). Выделенный мотивировочный метафорический признак ассоциативно связан лишь с частью денотата, то есть не с летательным аппаратом в целом, а с его составными (конструктивными) элементами (кабиной, формой крыльев).

Была выявлена и другая когнитивная модель метафтонимии: «(А→А1 есть В) + (В вместо А) = Х», где А – наименование летательного аппарата, А1 – его аппаратура, имеющая официальное метафорическое название (В), + (В вместо А) = Х.

К аппаратуре, установленной на ЛА, относятся: инфракрасная аппаратура (ИК), аппаратура связи, в том числе космическая, аппаратура постановки активных помех, бортовое радиоэлектронное оборудование, радиолокационная станция обнаружения и ретрансляции (РЛС), специальная радиостанция, гидроакустическая аппаратура. Приведём примеры: **Ан-24 «Нить»** – самолёт для исследований природных ресурсов Земли и Мирового океана, изготовлен в 1978 году, оснащённый РЛС «Нить» С-1 для проведения ледовой разведки: <https://mil-avia.livejournal.com/6944.html>; **Бе-12 «Москит»** (самолёт – летающая лаборатория для отработки головки самонаведения противокорабельной ракеты «Москит», ср. «москит» ‘мелкое двукрылое кровососущее насекомое южных стран, причиняющее болезненные укусы’ [15, т. 2: 302]); **Бе-12 «Наблюдатель»** (противолодочный самолёт, оснащённый ИК «Наблюдатель»), **Бе-12 «Гагара»** (противолодочный самолёт-амфибия, оснащённый ИК «Гагара», ср. «гагара» ‘крупная северная водоплавающая птица с густым и ценным оперением’ [15, т. 1: 295]); **Ми-10ГР «Гребешок»** (опытный вертолёт – воздушный пеленгатор предназначался для ведения радиоразведки), «Гребешок» – авиационная панорамная РЛС обнаружения и ретрансляции); **Су-32ФН «Морской змей»** (бомбардировщик с комплексом бортового радиоэлектронного оборудования «Морской змей»); **Ту-16Е «Азалия»** (самолёт радиоэлектронной разведки и РЭБ, оснащён станцией постановки активных помех «Азалия», ср.: «азалия» ‘южный кустарник... с крупными цветками различной окраски’ [15, т. 1: 27]); **Ту-16П «Букет»** (самолёты, оборудованные системой «Букет», предназначенные для противодействия наземным РЛС дальнего обнаружения и наведения, а также РЛС целеуказания ЗРК, ср.: «букет» ‘цветы, красиво подобранные и сложенные в пучок’ [15, т. 1: 123]); **Ту-142МК «Коршун»** (самолёт дальней противолодочной обороны, с авиационным радиогидроакустическим противолодочным поисково-прицельным комплексом «Коршун», ср.: «коршун» ‘крупная хищная птица... с длинными крыльями и загнутым клювом’ [15, т. 2: 109]).

Иная модель метонимического переноса лежит в основе наименований *Ми-8МТД «НАВСТАР»* (NAVSTAR, сокр. от NAVigation Satellite Time And Ranging) – вертолёт с системой одноимённой космической связи; глобальная навигационная система разработана министерством обороны США; *Ту-134А «Балканы»* (армейский штабной самолёт с аппаратурой спецсвязи «Балканы»); *Ту-142МЗ* (изделие «ВПК-3») «Заречье», с более совершенной гидроакустической аппаратурой «Заречье»: <https://pikabu.ru>; *Ту-16С «Фрегат»* (морской поисково-спасательный самолёт, под фюзеляжем которого подвешивалась спасательная лодка (катер) «Фрегат»: <http://airwar.ru/enc/sea/tu16s.html>), ср. «фрегат» ‘корабль для поиска и уничтожения подводных лодок, для противовоздушной и противоракетной обороны кораблей’ [15, т. 4: 583]. Метонимия построена по модели «наименование аппаратуры или других технических средств на самолёте / вертолёте – наименование самолёта / вертолёта».

Зафиксированы также транслитерированные наименования с украинского языка: *Ан-24 «Троянда»* (укр. «троянда» ‘роза’) (летающая лаборатория для отработки оборудования, связанного с поиском подводных лодок), *Ан-225 «Мрия»* (укр. «мрія» ‘мечта’ или ‘вдохновение’) (транспортный реактивный самолёт сверхбольшой грузоподъёмности), а также *Ка-50-2 «Эрдоган»* (российско-израильский боевой вертолёт (экспортное обозначение): «Название “Эрдоган” (Erdogan) означает по-турецки ‘воин’. Вертолёт планировалось продавать в Турцию»: <https://cyclowiki.org> -2Erdogan).

Отмечены названия реально существующих денотатов, которые имеют вторичный смысловой план, обусловленный членением звукового комплекса на отдельные отрезки с зашифрованной информацией. Узуальное слово, таким образом, прочитывается как аббревиатура, что отчасти напоминает акронимы – сложносокращённые слова, совпадающие с каноническими словами. Зашифрованное знание заложено в названия самолётов-амфибий *Бе-200 «Альтаир»*, *Бе-103 «Бекас»* и в наименование тяжёлого транспортного самолёта *Ан-124 «Руслан»*.

Номинации «Альтаир» и «Бекас» были выбраны в результате конкурса, объявленного в 2002–2003 годах. «“Альтаир” – это не только отсылка к названию звезды Альфа в созвездии Орла, четыре звезды которого своим расположением напоминают самолёт, но и название-шифр: фонетический отрезок “Аль” является первой частью названия самолёта-амфибии Бериева А-40 “Альбатрос”, компоновка которого послужила основой для разработки создания Бе-200; “та” означает Таганрог, а “ир” – Иркутск»: <https://ru.wikipedia.org>.

Самолёт-амфибия *Бе-103*, по-английски иногда называемый «Бекас» «Snipe». Бекас – птица, широко распространённая по всему миру. Помимо этого, имя собственное «*Бекас*» является сложносоставным словом, компоненты которого содержат в себе следующую информацию: «фонетический отрезок “*Бе*” – обозначает Бериев, “*к*” – Комсомольск-на-Амуре, “*а*” – Амур и авиация, “*с*” – сотрудничество»: <https://aviaport.ru>; «В названии самолёта *Ан-124 «Руслан»* конструктор зашифровал словосочетание “Русский лайнер Антонова”»: <https://aviaport.ru>.

В картотеке также представлены номинации *М-4 «Молот»* (реактивный стратегический межконтинентальный бомбардировщик), *Ту-16П «Ёлка»* (самолёт – постановщик пассивных помех), *М-101Т «Гжель»* (ближнемагистральный лёгкий самолёт бизнес-класса), «звучное имя самолёт получил с разрешения одноимённой фирмы – производителя керамики»: <https://ru-aviation.livejournal.com>.

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Официальные наименования летательных аппаратов соотносятся с лексическими единицами, называющими погоду, животных (преимущественно птиц), транспортные средства, топонимы, мифических / сказочных героев. Для вторичной номинации существенным также является признак функционального назначения машины.

2. Одно и то же наименование может повторяться в разных моделях летательных аппаратов, например, в самолётах, предназначенных для метеозащиты.

3. Самолёты маркировки Бе- (Бериев) имеют названия-шифры.

4. Единичными является метонимические наименования, основанные на конструктивных особенностях летательных аппаратов. Для самолётов маркировки Ту- (Туполев) характерны официальные наименования, построенные по метонимической модели «аппаратура на самолёте / вертолёте – самолёт / вертолёт».

5. Одним из источников официальных наименований является «метафтонимия» – результат концептуального взаимодействия метафоры и метонимии. Были выявлены две её разновидности:

а) «(A→A1 есть B) + (B вместо A) = X», где A – наименование летательного аппарата, A1 – его конструктивная составная часть, которая напоминает B, + (B вместо A) = X;

б) «(A→A1 есть B) + (B вместо A) = X», где A – наименование летательного аппарата, A1 – его аппаратура, имеющая официальное метафорическое название (B), + (B вместо A) = X.

Таким образом, были исследованы 8 разновидностей межвидовых ономообразовательных цепочек (антропоним – эргоним-меморатив – авиапорейоним), звенья которых отражают процессы «абсолютной» трансонимизации и трансонимизации, осложнённой деривацией. В ономообразовательной цепочке может быть представлено более 20 авиапорейонимов. Исследования, основанные на использовании имён известных лиц в отраслевых научных номенклатурах, являются перспективными для развития теории вторичной номинации в аспекте отношений «человек – имя собственное – артефакт».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка. Предисловие. – Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. Д.И. Алексеева. – М.: Рус. яз., 1977. – 416 с.

2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

3. Данилина Н.И. Трансонимизация и смежные явления в эргонимии // Ономастика Поволжья: материалы XX Международной научной конференции, Элиста, 5–7 октября 2022 года / сост. и ред. Н.А. Кичикова, В.И. Супрун; Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. – С. 18–22.

4. Дубкова Ю.С. Аббревиатурная парадигма с идентификатором ‘перемещение по воздуху’ в русском языке: автореф. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – Русский язык. – Казань, 2022. – 20 с.

5. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Λογος όνομαστικῆς: науч. журнал / гл. ред. Е.С. Отин. – 2006. – № 1. – С. 81–89.

6. Кокорина Н.А., Чэнь Чженхань. Лексико-семантическая онимизация эргонимов (на примере названий заведений общественного питания города Екатеринбурга) // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте: материалы ежегодной международной конференции Уральского федерального университета, 1–2 июня 2015 г. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 2. – С. 52–57.

7. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Теория и практика ономастики: учеб. пособие. – Алматы: Қазақ университеті; Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – 199 с.

8. Некрасова Е.А. Метафора и её окружение в контексте художественной речи // Слово в русской советской поэзии. – М.: Наука, 1975. – С. 76–110.

9. Некрасова Е.А. Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики // Слово в русской советской поэзии. – М.: Наука, 1975. – С. 111–132.

10. Отин Е.С. Топонимическая метонимия (вид связи «гидроним – ойконим») // Избранные работы. – Донецк: Донеччина, 1997. – С. 195–208.

11. Отин Е.С. Из заметок к лекциям по топонимике // Восточно-украинский лингвистический сборник. – Вып. 6. – Донецк: Донеччина, 2000. – С. 37–54.

12. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 55–72.

13. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 199 с.

14. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 40–54.

15. Попов С.А. К вопросу о собственных названиях самолётов // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин: сб. науч. статей / под ред. В.Н. Селедцовой, Н.В. Бубновой. – Смоленск, 2021. – С. 198–201.

16. Разумов Р.В. Эволюция меморативов в русской урбанонимии XIX–XXI вв. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V Международной научной конференции (Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. – С. 205–211.

17. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1 : А – Й. – 702 с.; – Т. 2 : К – О. – 736 с.; – Т. 3 : П – Р. – 752; – Т. 4 : С – Я. – 797 с.

18. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтманэ, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов / отв. ред. А.П. Непокупный. – Изд. 3-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.

19. Супрун В.И. Порейонимы в ономастическом поле: интра- и интерязыковые связи // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. статей. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – С. 329–332.

20. Томасик П. Имена самолётов авиакомпании «Аэрофлот» // Русский язык в поликультурном мире: материалы I Междунар. сим-

позиума: в 2-х т. – Т. 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 148–152.

21. Хоффман Э. Имена политических событий и их онимизация в средствах массовой информации // Вопросы ономастики. – 2008. – № 5. – С. 90–104.

22. Шарманова О.С. Особенности взаимодействия и интеграции метафоры и метонимии как способ образования метафтонимии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 11–14.

23. Шмелёва Т.В. Ономастика: учеб. пособие / Филиал ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. – 161 с.

24. Яковенко М.В. Абсолютная межвидовая трансонимизация // Восточноукраинский лингвистический сборник: сб. науч. трудов / редкол.: Е.С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк: ДонГУ, 1996. – Вып. 2. – С. 74–83.

25. Яковенко М.В. Трансонимизация в общей теории номинации // Восточноукраинский лингвистический сборник: сб. науч. трудов / редкол.: Е.С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк, 2007. – Вып. 11. – С. 133–139.

26. Goosens L. Metaphtonymy // Cognitive Linguistics, 1, 1990. – PP. 323–340.

О НАЗВАНИЯХ ПРИДЕЛОВ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ

Е.С. Синенко

sinenko.ye@yandex.ru

ГОУ ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

(Донецк)

А.И. Овчаренко

ovcharenco@yandex.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

(Донецк)

Храмовые приделы ещё не становились предметом отдельного ономастического исследования. Е.П. Аринина, выделяя группы религионимов, участвующих в образовании экклезионимов, отмечает, что слово «придел» обозначает часть храмового пространства и входит в группу «храм» [1: 10].

В «Словаре храмовой архитектуры» даётся такое определение: «*Придел* – это небольшой храм, пристроенный к основному зданию церкви, имеющий свой престол в алтаре и посвящённый какому-либо святому или празднику» [7]. Отмечались и такие варианты наименования, как *параекклия*, *пареклесия*, *парэекклия*, *парэклесия*, *пареклесий* (греч. *παρεκκλήσιον* от *παρᾶ-* – приставка со значением рядомположности, смежности + *ἐκκλησία* – церковь) [6]. Так в византийской архитектуре именовали вспомогательную часовню, которая пристраивалась к храму. В русской традиции такая часть храма получила наименование *придел* [6].

Цель работы – рассмотреть частный случай соотношения наименований приделов и агнионимов.

Материал для анализа (57 текстовых фрагментов) был взят из относительного нового агиографического сборника «Жития русских святых» [3; 4].

Среди наименований приделов, как и среди названий храмов, большей частью отмечаются отагионимные (*придел во имя блаженного Исидора*, *придел во имя преподобного Никандра Городноезерского*, *придел во имя преподобного Макария*), отэортонимные (*придел в честь Благовещения Пресвятой Богородицы*, *придел в честь Рождества Пресвятой Богородицы*) и отыконимные экклезионимы (*придел в честь иконы Божией Матери Всех скорбящих Радости*, *придел во имя образа Нерукотворенного Спаса*).

Указанные разновидности наименований (во имя святого, в честь христианского праздника или иконы) свойственны не только православным культовым строениям, но и христианским в целом. Так, Ватиканский собор св. Петра имеет приделы: *во имя святого Архангела Михаила, во имя праведного Иосифа, во имя апостола Фомы, во имя святого мученика Еразма, во имя святого мученика Севастiana, в честь Введения Божией Матери во Храм, в честь чудотворной иконы Божией Матери «на столпе»* и др. [8].

Основной массив составляют отагионимные экклезионимы. Материал агиографических источников позволяет более детально рассмотреть мотивы выбора имени святого для наименования приделов – храмовых пристроек, сведения о которых в богословских энциклопедиях, летописях и каталогах наименований храмов и монастырей зачастую опускаются.

Выбор имени для называния придела в указанных источниках связан с местным почитанием того или иного святого и местом его погребения. В результате анализа собранного материала мы выделили 7 тематических групп наименований.

1. Придел именуется по имени святого, в нём погребённого.

Прп. Авраамий Галичский. *«Святые мощи просветителя Галичской земли почивали в приделе храма Покровской обители, посвящённом его имени»* [3].

Св. праведная Иулиания Ольшанская. *«В связи с прославлением святой Иулиании 2 июня 1819 года был устроен правый придел, посвящённый её имени. У собора Преображения Господня, где раньше была часовня над гробом святой, устроена церковь и также освящена во имя святой Иулиании в 1906 году»* [3].

Св. блаженный Василий. *«В Покровском соборе был устроен придел во имя святого Василия Блаженного... Почитание его было столь сильным, что Покровский собор и пристроенный к нему придел и доныне именуется храмом Василия Блаженного»* [3]. Первоначально святой был похоронен в другом месте, мощи его перенесли в Покровский собор, по-видимому, во время канонизации в 1588 году [2].

Св. праведный Прокопий Устьянский. *«В 1645 (или в 1696) и в 1739 гг. мощи праведного Прокопия были освидетельствованы, после чего в 1764 году был освящён придел во имя праведного Прокопия»* [3].

Прпп. Зосима и Савватий Соловецкие. *«Мощи преподобных Зосимы и Савватия были перенесены в придел Преображенского собора, устроенный в их честь»* [3].

Прп. Арсений Комельский. *«Братия погребли святого близ алтаря монастырского храма... Через 100 лет игумен Комельского мо-*

настыря Иоасаф (1656–1665) построил на месте прежнего храма новый, каменный, с двумя приделами: во имя преподобного Сергия Радонежского и **преподобного Арсения** – над местом его погребения» [3].

Прп. Александр Свирский. «Перед кончиной преподобный Александр Свирский изволил завещать братии предать его тело погребению в болотистом месте. Но братия не согласились. Тогда он просил, чтобы его тело погребли не в обители, а в “отходной пустыни”... 17 апреля 1641 года честные мощи подвижника чудесным образом были обреты нетленными и положены в Преображенском храме с приделом **во имя преподобного Александра Свирского**» [3].

Прп. Пахомий Нерехтский. «Честные мощи преподобного положены были по правую сторону алтаря Троицкого собора. Когда в Сыпанове строили каменную церковь на месте деревянной, 6 мая 1675 года они были обреты нетленными, но оставлены под спудом. Потом над ними был устроен придел **во имя угодника Божия**. Теперь его святые мощи почивают на левой стороне **Пахомиевского придела**, против северных врат алтаря» [3].

Прп. Зосима Ворбозомский. «Честные мощи преподобного Зосимы почивают под спудом в приделе **его имени** при Благовещенском храме его упраздненного монастыря» [3].

Св. князь Всеволод-Гавриил. «27 ноября 1192 года обреты мощи святого князя Всеволода и перенесены в Троицкий собор, в котором был освящен **в честь его придел**» [3]. Собор в течение веков несколько раз перестраивался, но и сейчас в нём есть придел в честь св. блгв. кн. Всеволода (Гавриила) [5].

Прп. Пафнутий Боровский. «Святые мощи преподобного почивают в главном монастырском храме в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в приделе, **посвящённом его имени**» [3].

Прп. Нил Сорский. «Обитель его осталась одной из самых малолюдных и бедных на севере России, и святые мощи его почивают под спудом в приделе **его имени** в убогой деревянной церкви во имя Иоанна Предтечи» [3].

Прп. Арсений Новгородский. «21 января 1787 (1785) года нетленные мощи подвижника были перенесены в Кириллов монастырь близ Новгорода и положены на южной стороне соборной церкви во имя святителя Афанасия и Кирилла Александрийских. Там же был устроен и освящен в сентябре 1793 г. придел **во имя преподобного Арсения**» [3].

Св. блаженный Исидор Ростовский. «В 1770 году к храму был пристроен зимний придел **во имя блаженного Исидора**. Мощи святого почивали в этом приделе под спудом» [3].

Свт. Леонтий Ростовский. «До 1609 года мощи святителя Леонтия открыто находились в Успенском соборе, но после того, как в смутное время поляки похитили гробницу святителя, они были положены под спудом в том же храме у южной стены придела **во имя святителя Леонтия**, где находятся до настоящего времени» [3].

Прп. Никита Переяславский. «Торжественно и благоговейно, с пением и свечами было погребено честное тело подвижника у церкви святого великомученика Никиты, с правой стороны алтаря... В 1511–1522 годах был воздвигнут придел **во имя преподобного Никиты**» [3].

Св. князь Глеб Владимирский. «В 1774 году южный придел Успенского собора был торжественно освящен **во имя благоверного князя**. Мощи святого Глеба сохраняются ныне в кафедральном Успенском соборе Владимира как великая святыня, а сам князь почитается покровителем города» [3].

Прп. Иосиф Заоникеевский. «Святые мощи преподобного Иосифа почивали под спудом в теплом каменном храме монастыря, в приделе **его имени**, подле левого клироса» [4].

Прп. Антоний Леохновский. «Усердием прихожан ... вместо деревянных сгоревших церквей был выстроен каменный храм в честь Преображения Господня с двумя приделами, из которых один (северный) – **во имя преподобного Антония Леохновского**. Придел освящён 30 декабря 1788 года, и в нём под аркой, отделяющей придел от средней части храма, были положены честные мощи преподобного Антония; здесь под спудом они покоятся и в настоящее время» [4].

Свт. Феоктист Новгородский. «Местное празднование ему в Благовещенском монастыре установлено до 1786 года, в котором был устроен придел **во имя его**. В 1786 году по ходатайству митрополита Петербургского Гавриила мощи святителя Феоктиста с разрешения Священного Синода были перенесены из упраздненного Благовещенского монастыря в Георгиевский и положены в серебряной раке под спудом в храме, подле стены, у иконостаса, по левую сторону алтаря. В 1827 году архимандрит Фотий устроил здесь придел **во имя святителя Феоктиста**» [4].

Прп. Макарий Римлянин. «Иноки погребли своего игумена у стены созданной им Успенской церкви. В 1761 году при перестройке храма над могилой преподобного Макария Римлянина устроен придел **в его честь**» [4].

2. Придел именуется по имени святого, погребённого поблизости.

Прп. Иларион Гдовский. «Преставился преподобный Иларион 28 марта 1476 года и был погребен у северных дверей иконостаса в

храме Покрова Пресвятой Богородицы основанного им монастыря. Впоследствии в обители был построен храм в честь Рождества Христова, левый придел которого назывался **именем основателя Гдовского монастыря**» [3].

Прп. Никандр Городноезерский. «*Мощи его покоятся под спудом, и в храме упраздненной в 1764 году обители был придел во имя преподобного Никандра Городноезерского*» [3].

Прп. Онуфрий Мальский. «*По рукописным святцам, он новый чудотворец; мощи его почивают под спудом в Рождественской церкви, в которой придел посвящён его имени*» [3].

Свв. праведные Иаков и Иоанн Менюжские. «*Между 1682–1689 годами обреты их нетленные мощи и положены под спуд в Троицкой церкви села Менюж на реке Менюге, в Новгородской епархии, на месте бывшего здесь когда-то Троицкого монастыря. В этом храме был устроен придел во имя святых праведных отроков Иакова и Иоанна*» [3].

3. Придел именуется по имени святого тезоименитого погребённого.

Св. блаженный Максим Московский. «*Благоговейные почитатели памяти святого построили над его могилой придел в честь святого Максима Исповедника... По окончании строительства он /новый храм/ был освящен во имя блаженного Максима Московского с приделом в честь преподобного Максима Исповедника*» [3].

Свт. Иоанн Тобольский. «*Святитель был погребен в приделе святителя Иоанна Златоуста Тобольского Успенского-Софийского собора*» [3].

Свт. Пётр Киевский. «*24 августа 1479 года мощи святого основателя Успенского собора снова перенесены в собор и положены на месте его погребения, на том самом месте, где находятся и ныне – между северным предалтарием главного престола и приделом святых апостолов Петра и Павла*» [4].

4. Придел переименован по имени святого, в нём погребённого.

Св. блаженный Иоанн Московский. «*Мощи святого были обреты нетленными 12 июня 1672 года и погребены под спудом в приделе Рождества Пресвятой Богородицы в Покровском соборе. А 17 января 1916 года этот придел был переименован во имя блаженного Иоанна, Христа ради юродивого, Московского чудотворца*» [3].

Св. князь Андрей Боголюбский. «*Честные мощи святого благоверного князя Андрея были положены в приделе в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (в 1768 году он был переименован в честь него)*» [3].

5. Придел именуется не по имени святого, в нём погребённого.

5.1. По названию двенадцатого праздника.

Свт. Алексей Московский. «В новом храме, освященном, как и прежний, во имя Архистратига Божия Михаила, был устроен придел в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, в котором и положили многоцелебные мощи святителя Алексея... Ныне святые мощи покоятся в Богоявленском патриаршем соборе в Москве» [3].

Св. князь Мстислав (Георгий) Храбрый. «Святой князь Мстислав был погребен в Новгородском Софийском соборе, в приделе в честь Рождества Пресвятой Богородицы» [3].

Прп. Игнатий Ломский. «Мощи его покоятся под студом в Спасо-Ломской приходской церкви, за правым клиросом **Благовещенского придела**» [4].

5.2. По названию Господской иконы.

Свт. Арсений Тверской. «Святитель Арсений был погребен в Желтиковом монастыре, в притворе правого придела во имя образа **Нерукотворенного Спаса Успенской церкви**, в той самой гробнице, которую изготовил своими руками» [3].

5.3. По названию Богородичной иконы.

Свт. Симеон Смоленский. «Погребен святитель Симеон в Троицком монастыре, у южной стены собора, ставшим усыпальницей Смоленских архипастырей. Впоследствии над местом погребения была устроена деревянная часовня, а позже – каменный придел в честь иконы **Божией Матери Всех скорбящих Радости**» [3].

Свт. Феофан Затворник. «Тело почившего архипастыря было погребено в Казанском соборе Вышенской пустыни, в правом **Владимирском приделе**» [3] (в честь Владимирской иконы Богородицы).

5.4. По имени другого святого (святых).

Сщмч. Иосиф Астраханский. «Тело святителя было перенесено в придел **святых Афанасия и Кирилла** в Астраханском соборе и в течение девяти дней оставалось непогребенным. Затем мощи были положены в гробницу и в скором времени прославлены чудотворениями» [3].

Св. князь Феодор Ярославич. «Новгородский митрополит Исидор... испросил дозволение перенести святые мощи в Софийский собор, где их положили в приделе **святого пророка Иоанна, Предтечи и Крестителя Господня**» [3].

Прп. Боголеп Черноярский. «В 1750 году на месте деревянной была построена каменная церковь с приделом в честь **святого мученика Иоанна Воина**. Могила святого схимонаха была включена в этот придел» [3].

Св. князь Владимир Киевский. «Святые мощи были положены в мраморной раке, поставленной в **Климентовском приделе** Десятинного Успенского храма рядом с такой же мраморной ракой царицы Анны» [3].

Свт. Питирим Тамбовский. «Он был с честью погребен в освященном им **Никольском приделе** нового кафедрального собора, над могилой его была устроена деревянная резная гробница» [3].

Свт. Никита Новгородский. «Святитель Никита скончался 31 января 1108 года и был погребен в новгородском Софийском соборе в приделе **во имя святых праведных Иоакима и Анны**... чудотворные мощи святителя Никиты были перенесены из Софийского собора в Никольский собор, а в 1962 году – в храм во имя святого апостола Филиппа, где и ныне покоятся в гробнице, расположенной в северном приделе **во имя святителя Николая Чудотворца**» [3].

Св. царевич Димитрий Угличский. «Торжественно были перенесены святые мощи и положены в Архангельском соборе Московского Кремля, “в **приделе Иоанна Предтечи**, идеже отец и братия его”... После изгнания французов святые мощи были торжественно перенесены на прежнее место – в Архангельский собор» [3].

Прп. Нил Столобенский. «30 октября 1669 года в новом каменном храме были освящены приделы **во имя святого апостола Иоанна Богослова** и блаженного Василия, Христа ради юродивого. Святые мощи преподобного Нила поставили в первом приделе, а 9 апреля 1671 года перенесли их в главный Богоявленский храм (после его освящения)» [3].

Прп. Ферапонт Монзенский. «Погребен преподобный Ферапонт в приделе **во имя святителя Николая**, которого особенно призывал в молитве и часто читал его житие» [3].

Свт. Филипп Московский. «Мощи святителя, переложенные в новую серебряную раку, были поставлены на приготовленное для них место – с правой стороны собора, близ иконостаса, у придела **святого великомученика Димитрия Солунского**. Здесь они находятся и доныне» [3].

Прп. Макарий Писемский. «О самом монастыре в описи говорится: “Да Павлова же монастыря пустыня Макарьева в Костромском уезде, в Шачебальском стану, на реке Письме, а в пустыни церковь Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа с приделом **преподобного Павла, Обнорского чудотворца**, верхи шатровые. Да в том же приделе гробница преподобного Макария, а на гробнице покров, сукно черное, в середине висит крест”» [4].

5.5. Название придела не указано.

Прп. Сильвестр Обнорский. *«В одном из приделов Воскресенского храма в бронзовой посеребренной гробнице установили обретенные нетленные мощи преподобного Сильвестра»* [3].

6. Придел не имеет погребений (таково большинство приделов в РПЦ).

Свтг. Димитрий Ростовский, Митрофан и Тихон Воронежские. *«Посещая в 1899 году храмы епархии, архиепископ Тверской Димитрий обнаружил, что в храме в честь Рождества Христова в городе Бежецке имеется придел во имя трех вышеназванных святителей, освященный 29 октября 1868 года»* [3].

Прп. Иаков Железоборовский. *«В 1628 году при одной костромской церкви был придел во имя преподобного»* [3].

Прп. Арсений Новгородский. *«В честь преподобного Арсения был освящен также придел в храме в честь Владимирской иконы Божией Матери в г. Ржеве»* [3].

Прп. Макарий Желтоводский. *«В 1532 году молитвами преподобного Макария был спасен от татарского набега город Солигалич, и благодарные жители устроили в соборном храме придел во имя преподобного Макария»* [3].

Свт. Филипп Московский. *«Устюжские жители на месте его подвигов устроили монастырь, чтобы под его руководством учиться, иноческой жизни, и в 1654 году построили храм в честь Знамения Божией Матери с приделом во имя прославленного тогда Московского митрополита Филиппа»* [3].

7. По имени погребённого святого назван не придел, а сам храм.

Прп. Макарий Жабынский. *«В настоящее время в храме во имя преподобного Макария Жабынского, построенном на месте бывшей Никольской церкви, между правым приделом во имя святителя Николая Чудотворца и правым столпом можно видеть на возвышении, под деревянным с позолотою балдахином гробницу с изображением преподобного Макария, перед которой постоянно служатся молебны. На этом месте, по преданию, и почивают мощи преподобного»* [4].

Таким образом, выбор отагионимного экклезионима для наименования придела связан с местным почитанием того или иного святого и местом его погребения. При этом отметим, что большая часть приделов в РПЦ не имеет захоронений и названа вне зависимости от места погребения святого.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арина Е.П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык». – Самара, 2008. – 20 с.
2. Василий Блаженный // Православная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravenc.ru/text/150789.html> (Дата обращения: 08.12.2020).
3. Жития русских святых: в 2-х т. Том первый: Март-август [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://flibusta.is/b/431842> (Дата обращения: 08.12.2020).
4. Жития русских святых: в 2-х т. Том второй: Сентябрь-февраль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://flibusta.is/b/431839> (Дата обращения: 08.12.2020).
5. История Троицкого собора от основания до наших дней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soborpskov.ru/cathedral/history/> (Дата обращения: 08.12.2020).
6. Пареклесия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/Пареклесия> (Дата обращения: 08.12.2020).
7. Словарь храмовой архитектуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-hramovoj-arhitektury/> (Дата обращения: 08.12.2020).
8. Собор Святого Апостола Петра в Ватикане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://maria-shurgina.narod.ru/_notes/Vaticano.htm (Дата обращения: 08.12.2020).

КРЫМ: КУЛЬТУРА. КРАЕВЕДЕНИЕ

ЗАСЕЛЕНИЕ КРЫМА КАЗАКАМИ. ОЧЕРК 1

С.И. Карюк

Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение «Перовская школа-гимназия
имени героя Социалистического Труда
Хачирашвили Георгия Александровича»
(Симферопольский район, Республика Крым)

На протяжении всей своей тысячелетней истории Крым являлся сферой интересов готов, гуннов, Греции, Рима, Византии, половцев, Крымского ханства, Османской империи... И это не полный перечень претендовавших на Крым народов и империй. И Россия всю свою историю боролась за Крым, понимая особое военно-стратегическое значение полуострова и его дальнейшее геополитическое значение в судьбе развития страны. Имперские военные базы в Крыму позволяли контролировать акваторию Чёрного и Азовского морей, Румынию, Болгарию, Кавказ, Малую Азию. Для России Крым также являлся защитной, буферной зоной её южных рубежей. Полуостров также выгоден не только как военный форпост, но и как перевалочный центр для перевозки грузов. На память приходит Великий шёлковый путь, частично пролежавший через земли полуострова, связывавшие Азию с Европой.

Агрессивная политика Османской империи и Крымского ханства способствовала поощрению со стороны российских властей формированию казацкого сословия, выполнявшего роль самоокупаемого военного формирования, защищавшего южные и восточные рубежи России от нападения внешних врагов.

Казачество Крыма имеет давние, но малоизвестные корни. В XV–XVII вв. донские и запорожские казаки неоднократно проникали в Крым, предотвращая набеги Крымского ханства на свои земли и при этом нанося ответные удары турецко-татарским агрессорам.

Первые упоминания о казачьих набегах на Таврику через устье Днепра встречаются в записях польского пана Мартина Броневского в 1573 году: на лодках, именуемых «чайками», через устье Днепра казаки Запорожской Сечи совершили нападение на невольничий рынок Карасубазара (Белогорска) и освободили около 100 пленников, среди которых были женщины, дети, старики и все – православные христиане.

Однако на протяжении длительного противостояния казачества и Крымского ханства отмечаются периоды мирного сосуществования, к примеру, во время засушливых лет в Крыму, когда казаки не противились выпасу крымскими татарами их скота, и даже военного сотрудничества. Соблюдая соглашение о взаимопомощи, заключённое между Запорожской Сечью и Крымским ханством в 1624 году, Михаил Дорошенко организовал поход казаков в Крым для поддержки хана Мехмеда III Гирея и калги Шахина Гирея, боровшихся с турками и протурецкой группировкой в Крыму. В результате предательства союзных татар гетман Дорошенко 31 мая 1628 года в сражении с турками возле Бахчисарая был убит, его голова отрублена и выставлена на копье на въезде в Кафу.

Заселение полуострова запорожскими казаками условно можно отнести к концу XV в., так как после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года они постепенно начали оседать на территории Керченского полуострова.

Запорожское казачество было хорошо организованным и обученным войском, представлявшим реальную угрозу для Османской империи, а иногда и для Российской. Императрица Екатерина II в 1775 году уничтожила Запорожскую Сечь, и казаки были вынуждены переселяться на новые места жительства, в том числе и на земли присоединённого к Российской империи Крыма. С 1783 года на территории Крыма поселилось более 500 семей казаков.

Эпоха Екатерины Великой стала для России не только эпохой победоносных войн и гигантских территориальных приобретений, но и эпохой рождения национальной кавалерии, по своим качествам превосходящей лучшую в мире польскую и турецкую кавалерию.

Начало реформирования российской кавалерии было положено Г.А. Потёмкиным в 1783 году. Гусарские полки заняли место в регулярной кавалерии, все поселённые конные части были переформированы в регулярные полки. Затем гусар переименовали в легкоконников, лишив их роскошных мундиров. В результате состав конницы стал таким: 13 легкоконных полков, 4 конно-егерских, 11 драгунских, 17 карабинерных и 5 кирасирских. Их штатное расписание, утверждённое в 1786 году, оставалось неизменным до 1796 года, то есть до воцарения Павла I.

Таким образом, количество лёгкой конницы достигало почти 20 тысяч строевых лошадей и составляло примерно треть от всей регулярной русской кавалерии (63 тысячи строевых лошадей). Потом к ней были прибавлены еще 6 регулярных казачьих полков (по 8 сотен каждый, всего – 1341 человек).

В 1783 году Славянский поселённый гусарский полк возглавил Антон Осипович Шиц, после чего было принято решение о переименовании полка в Таврический легкоконный полк, состоявшего из украинцев, сербов, волохов, греков, славян и армян. Походным порядком полк был переброшен в только что присоединённый Крым и расквартирован в Феодосии и Старом Крыму. 28 июня 1783 года Славянский поселённый гусарский полк был официально переформирован в Таврический легкоконный полк Екатеринославской конницы.

С этого периода Таврический легкоконный полк был до конца своего существования связан с Феодосией. Почти каждое лето, проводя кампании против турок, на зимние квартиры он неизменно возвращался в Феодосийский уезд. Квартировался он в зданиях монетного двора Крымских ханов, впоследствии перестроенного в казармы с манежем, а затем в гауптвахту, остатки которой и ныне находятся на территории современного Карантина.

В 1786 году стало известно о путешествии императрицы Екатерины II по Таврической губернии. Высокая честь сопровождать королевскую особу выпала солдатам и гусарам Таврического легкоконного полка. Поездка продолжалась несколько месяцев, после этого отличившимся сопровождавшим были пожалованы земли по всей территории Крыма. Солдатам, отслужившим 25 лет, было предложено поселиться на опустевших землях Феодосийского уезда. Казаки, вступившие в полк, также получали земли и становились «вольнопределяющимися» с обязательной явкой на все военные сборы и с уплатой всех видов налогов в государственную казну.

В 1788 году Таврический легкоконный полк покрыл свои знамена славой в сражении при Очакове. В этом бою командир 2 эскадрона полка, полковник Станислав Францевич Годлевский награждён орденом св. Георгия 4-го класса «За отличные подвиги, оказанные в поражении турецких морских сил в 1788 году на лимане при Очакове».

В 1789 году в Феодосийском уезде начали появляться первые казачьи десятки. Самое большое поселение было в селении Насыпкой (Насыпное) – 45 семей. В сёлах Ближняя и Дальняя Байбуга (Камыши) – 30 семей, Карагез (Первомайское) – 10 семей, Изюмовка – 15 семей, Кринички – 5 семей, Старый Крым – 10, Бакаташ – 10, Шахмурза – 5, Салы-Су (Грушевка) – 20, Ель-Бузлы (Переваловка) – 5, Орталан (Земляничное) – 15, Козы (Солнечная Долина) – 10, Ток-Лук (Богатовка) – 5, Коктебель – 15, Армутлук (исчезнувшее село в Кировском районе) – 4, Топловка (Тополёвка) – 2.

29 августа 1790 года из Таврического и Константиноградского легкоконных полков сформирован Павлоградский конно-егерский

полк и утверждён штат конно-егерских полков, в соответствии с которым в него входило десять эскадронов или пять дивизионов. На службе в полку состояло 60 офицеров, 130 унтер-офицеров, 1480 рядовых, 20 трубачей, 2 литавщика, 43 нестроевых, 47 мастеровых, 56 извозчиков, всего в эскадроне 179 человек, 150 строевых лошадей, в полку – 1838 человек, 1565 строевых лошадей.

29-го ноября 1796 года указом Императора Павла Первого Таврический конно-егерский полк в связи с сокращением кавалерии был расформирован и преобразован в 5-й Отдельный Таврический конно-егерский легкоконный полк Его Императорского Величества цесаревича Александра. В его состав входило 17 полков лёгкой конницы общей численностью 17 тыс. 476 человек. Часть солдат, входивших в воинское соединение, получила статус «кантонистов» и поселилась в степных и горных районах Крыма. Другие же полки отбыли на место своей постоянной дислокации, в Россию.

Мало кто знает, что славный казачий генерал, герой Отечественной войны 1812 года, П.И. Платов начинал свою службу в 1794 году как простой grenadier в составе Александрийского легкоконного гусарского полка, куда входили и представители Донского казачества.

Солдаты и гусары Овидеопольского гусарского полка, который потом вошёл в состав Смоленского драгунского полка, принимали участие в битве под Бородино 26.08.1812 года. На территории Крыма полк был расквартирован около г. Старый Крым близ деревни Шахмурза, ныне исчезнувшей с карты Крыма и повторившей судьбу белорусской деревни Хатынь в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. (фашисты сожгли около 50 домов и 20 жителей). Потомки этих славных воинов Пеев и Чебышев проживают на территории города Старый Крым и по сей день.

Современное крымское село Изобильное, входящее в состав агрофирмы «Золотая амфора», когда-то стало последним пристанищем командира реформированного Отдельного Таврического конно-егерского легкоконного полка Станислова Францевича Годлевского (1743–1810 гг.) и его семьи. Его сыновья, Януш и Станислав, принимали активное участие в войне 1812 года с Наполеоном Бонапартом. Януш Станислович Годлевский дослужился до чина обер-майора и был пожалован землями в Тамбовской губернии, где прожил до 1859 года. За участие в кампании 1812 года был награждён орденом св. Владимира II степени, медалью «За участие в войне 1812 г.». Списки награждённых хранятся в Военно-историческом архиве России. Судьба второго сына неизвестна.

В 1783 году в г. Феодосия был расквартирован Иллирийский конно-егерский полк под командованием А.Ф. Жадова. До наших дней в с. Изюмовка Кировского района Республики Крым сохранилось несколько фонтанов и фундамент часовни Николая Чудотворца, построенной на средства военнослужащих названного полка. Во время войны 1812 года полк принимал участие в боях под Москвой в октябре 1812 года. За ратную службу Отечеству во время войны 12 человек были удостоены крестом «За храбрость» I-II степени. Впоследствии часть военнослужащих полка получила земли на Кубани и в степном Крыму.

Многие владельцы имений Крыма жертвовали огромные средства на восстановление Москвы. В частности, это династии князей Юсуповых, Гагариных, князь Потёмкин-Таврический и другие владельцы южнобережных имений. На собранные средства восстанавливались храмы, монастыри. Создавались приюты и богадельни для осиротевших детей. Оказывалась помощь вдовам и сиротам.

После расформирования Таврического легкоконного полка в 1796 году срок служивых солдат-кантонистов изменился с 25 до 15 лет. Солдат освобождали на 10 лет от налогов, выдавали от 10 до 30 десятин удобной земли и 300 рублей серебром на ведение хозяйства.

Казачьи сотни и вышедшие из казачьего сословия получали земли на территории от Белогорска до Керчи. Власти старались размещать бывших казаков так, чтобы не было их концентрации, и поэтому распределение казачьих семей выглядело следующим образом: в селе Насыпкой (Насыпное) поселились 12 казачьих семей, в с. Отузы – 20, в сёлах Кара-Гез (Первомайское) и Салы (Грушевка) представители Черниговской казачьей сотни получили по 10 десятин удобной земли и 300 рублей серебром.

В записях Салынской церкви сохранились данные об историческом венчании в 1847 году 43 казачьих пар архиепископом Иннокентием (Борисовым). (Газета «Салгир» от 29.07.1847 г.)

Не менее интересным является и то, что были созданы карантинные полуроты, куда вошли выходцы из казачьего сословия. Казачьи заставы существовали на месте крепости Арабат (Ени-Кале), мысе Казантип, состоящие из казачьей сотни, входившей в состав Иромского и частично Ахтырского легкоконных полков. В среднем в каждой крепости было от 7 до 15 казачьих сотен.

Казачьи семьи также поселили в сёлах Кошка-Чокрак (Отважное; 3 семьи), Кринички Болгарские и Греческие (4 семьи), Шахмурза (15 семей). Селились казаки и в с. Владиславовка (11 семей), где на

свои средства построили храм Архиепископа Михаила (1884–1937 г.), в с. Цюрихталь (Золотое поле) (10 семей Донского казачества). В с. Ислам-Терек (Кировское) поселились 5 казачьих семей, представителей Запорожской сечи (№10), в с. Байрак (Синицыно) – 10 казачьих семей, входивших в состав Иллирического полка (представители Астраханского казачества), в с. Шейх-Эли проживало 5 семей казаков из Донского казачества (приехавших в 1825 году), в с. Найман (Абрикосовка) проживало 7 семей, вышедших из казацкого сословия. В районе селения Эль-Бузлы поселилось 4 семьи, вышедшие из «казачьего сословия», приехавшие из Олешковской сечи, в с. Изюмовка проживало 10 казачьих семей, представлявших Уральское казачество, в с. Новая Покровка (Новопокровка) проживало 3 семьи, представлявшие вышедших из «казачьего сословия». Вышедшие из «казачьего сословия» 11 семей вместе с генерал-бригадиром поселились в с. Карасубазар (Белогорск). 10 семей в п. Зуя были представителями Ахтырского гренадерского полка и представителями Новосибирского казачества. В с. Мазанка поселились 17 семей Донского казачества. В 1853 г. там обвенчали 53 пары солдат-кантонистов и вышедших из «казачьего сословия». На территории с. Солнечная долина (Козы) базировались представители Венгерского казачьего полка (12 семей), а в п. Новый свет (Парадиз) – 3 семьи.

Первый этап формирования казачьих поселений завершился к 1823 году. Тогда же был образован Совет атаманов Феодосийского уезда при градоначальнике Феодосии. С 1824 до 1850 года продолжался 2-й этап формирования, была расширена география поселений: появились казачьи десятки в селении Османчик (Холодовка), Кызылташ (Краснокаменка), Бахчи-Эли (Богатое), Карачоли (Чернополье), Карасубазар (Белогорск). Общее количество семей достигло 700.

В Крымской войне 1853–1856 годов активное участие принимали казачьи отряды Сурожской, Феодосийской, Насыпновской, Отузской, Старо-крымской общин в количестве 1800 человек. Их имена увековечены на стенах храма Николая Чудотворца на Северной стороне Севастополя. Погибло более 1200 человек. Многие награждены орденами и медалями царского двора. Сурожская казачья община получила икону Божьей Матери «Азовская» от императора Александра III.

Казачьи общины входили в состав церковно-приходских советов, принимали непосредственное участие в содержании и строительстве православных храмов. На средства общин содержался Успенский собор и церковь Александра Невского в Старом Крыму, часовня Николая Чудотворца в селе Изюмовка, храм Архистратига Михаила в се-

лени Владиславовка, церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» в селении Насыпное, Казанский и Иверский храмы в Феодосии, церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение» в селении Салы-Су (Грушевка), церковь Константина и Елены в селении Чернополье, храм пророка Илии в деревне Козы (Солнечная Долина), церковь Покрова Пресвятой Богородицы в посёлке Судак, часовня Иоанна Предтечи в селении Ток-Лук (Богатовка).

Ежегодно проходили военно-полевые сборы близ селения Таракташ и деревни Шахмурза. В 1913 году казачьи десятки Судака сопровождали и охраняли последнего российского императора Николая II во время его визита к князю Л.С. Голицыну. Тогда Сурожскому казачеству была пожалована Казанская икона Божией Матери.

Накануне Первой мировой войны (1914–1918 гг.) казачья община Феодосийского уезда насчитывала 3,5 тыс. человек. В регулярную Русскую армию поступило 1800 казаков. Семьям ушедших на фронт казаков оказывалась посильная помощь, а вдовам и осиротевшим детям предоставлялись льготы на обучение. Октябрьская революция нанесла сильный удар по казачеству уезда и Крыма в целом.

В годы революции казаки встали на сторону Белой гвардии, и в 1922 году исчезли как прослойка общества.

На Карантине, в лесу около села Лесное (Суук-Су), на мысе Меганом было расстреляно около 5 тысяч казаков и членов их семей. Часть оставшихся казаков была репрессирована или расстреляна позже, другие ради спасения семей стали простыми мирянами.

Казачьи формирования сыграли значимую роль в русско-турецких войнах XVIII в., способствуя вхождению Крыма в состав Российской империи. Это неоднократно отмечалось такими выдающимися полководцами, как П.А. Румянцевым, Г.А. Потёмкиным, А.В. Суворовым, М.И. Кутузовым. За активное и плодотворное участие казаков в русско-турецких войнах, Отечественной войне 1812 года с Наполеоном Бонапартом, Крымской войне 1853–1856 гг. казакам предоставлялись на льготных условиях земли для поселения в Крыму.

Для обеспечения безопасности и стабильности южных рубежей Российской империи после подписания с Турцией Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 году 24 октября 1775 года по высочайшему повелению императрицы Екатерины II учреждались три полка из Малороссийских компанейских полков по образцу чугуевских казачьих полков из шести эскадронов с утвержденным о гусарских полках штатом с унифицированным обмундированием и конным прибором. Формировать казачьи полки было поручено генерал-

губернатору Малороссии, генерал-фельдмаршалу Петру Алексеевичу Румянцеву-Задунайскому.

Активное участие в формировании казацких формирований принимал князь Потёмкин-Таврический. Сетую на недостаточность Малороссийских казацких полков по отношению аналогичным полкам Екатеринославской и Харьковской губерний, он неоднократно поднимал вопрос об их численном увеличении, финансировании и оснащении. По распоряжению Потёмкина была проведена ревизия казаков, содержащихся по старому разделению, а также поселян, плативших наравне с казаками. Собирались также сведения о подсосудках (категории лиц, снимавших жильё) и количестве проживавших в городах и местечках мещан. Эти мероприятия должны были способствовать формированию информационной базы потенциальных участников воинских казацких формирований.

Понимая важность налаживания взаимоотношений с местным коренным населением и предотвращением конфликтов на национальной почве российские власти по отношению к крымскотатарскому населению проводили взвешенную, продуманную политику. Сохранился ордер Г.А. Потёмкина командующему русскими войсками в Крыму генералу де Бальмену от 4 июля 1783 года: «Воля Ее Императорского Величества есть, чтобы все войска, пребывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры».

Для более быстрой интеграции населения в политическое, экономическое и юридическое пространство страны по Указу Екатерины II после включения Крыма в состав России и образования Таврической области 2 февраля 1784 года было учреждено Таврическое областное правление. Правление начало свою деятельность 11 июня 1784 года.

Областное правление являлось высшим административно-политическим учреждением Таврической области. В его функции входило руководство деятельностью всех областных учреждений. Правление ведало вопросами переселения в Таврическую область и выселение за ее пределы, подпиской на поселение; розыском беглых крестьян; набором рекрутов; решало дела о причислении к дворянам, мещанам; выдавало разрешения на отвод земель, на право владения казенными домами; оказывало помощь в перевозке и размещении войск на территории области, в снабжении Черноморского флота и армии продовольствием и фуражом, в строительстве крепостей; ведало вопросами деятельности и личным составом областных и уездных учреждений.

Областное управление состояло из общих и совещательных присутствий и возглавлялось правителем области, являющимся председателем присутствия. В состав присутствия входили: председатель, 2 советника, секретарь правления. При правлении также были областной землемер, областной архитектор, машинный и мельничный мастера. Делопроизводство областного правления вела канцелярия. Сведений о штатах правления и канцелярии на 1784 г. не имеется. На 13 ноября 1785 г.

Таврическое областное правление было упразднено в связи с присоединением Таврической области к Новороссийскому наместничеству по указу Павла I от 12 декабря 1797 г.

По распоряжению императрицы в Таврической области не вводилось крепостное право, татары были объявлены казёнными крестьянами. Отношения между крымской знатью и зависимым от них населением не были изменены, сохранялось вероисповедание, крымские татары освобождались от обязательной военной службы. Земли и доходы, принадлежавшие крымскому хану, перешли к русской казне. Все пленные – подданные России – были освобождены.

Исходя из поставленных задач князь Потёмкин-Таврический требовал исключительно добровольное, не принудительное участие крымских татар в формировании Таврических дивизионов, предоставление установленных льгот, доброжелательное отношение к личному составу дивизионов.

Численность корпуса исчислялась 5600 человек рядовых и нижних чинов. На вооружении находилось оружие наподобие егерского: пистолеты, пика и нож. Обмундирование зеленого цвета, к нему прилагаются ремни. Обучение проводил канонир. За службу выплачивался один рубль в месяц, и предоставлялось пропитание. Штаб- и обер-офицеры к батальонам не причислялись, а приписывались к комиссиям, создаваемым по необходимости, и получали жалованье согласно их чинам. На военную службу крымскотатарское население призывали только в военное время, а в мирное время для повышения воинской выучки призывались летом на две недели в нерабочее время. Строй должен был соответствовать Екатеринославским казакам. Формирование полка было поручено генерал-майору Леванидову.

Источники

1. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд Попова, ф. 535, оп. 1, д. 2465, л. 2-3

а. Копия с ордера покойного генерала-фельдмаршала Князя Потемкина-Таврического генералу-аншефу Кречетникову от 13 мая 1790 г. под № 652.

б. Копия с ордера покойного генерала-фельдмаршала Князя Потемкина-Таврического генерал-майору Леванидову от 27 мая 1790 г. под №777 копия с ордера покойного генерала-фельдмаршала Князя Потемкина-Таврического генерал-майору Леванидову от 27 мая 1790 г. под №777.

в. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд Попова, ф. 535, оп. 1, д. 2465, л. 4.

3. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд Попова, ф. 799, оп. 2, д. 57, л. 78.

4. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд 4, оп. 25.

5. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд 9, оп. 36, д. 2722.

6. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд 5, оп. 18.

7. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд 5, оп. 323.

8. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд 9, оп. 121-124.

9. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд 10, оп. 224.

10. Государственное казённое учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», фонд 116, оп. 14.

11. ГВИАР г. Москва ф 274/16.

12. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XXII.

13. Габаев Г. Законодательные акты и другие документы о военной службе крымских татар в рядах войсковых частей, предков нынешнего Крымского Конного Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка // Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК). – Симферополь, 1914. – № 51.

14. Лашков Ф. Охрана Крыма во вторую турецкую войну 1787–1791 гг. (по архивным материалам) // ИТУАК. – Симферополь, 1889. – № 8.

15. Муфтий заде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (по архивным данным) // ИТУАК. – Симферополь, 1899. – № 30.

16. К истории управления Новороссии князем Г.А. Потемкиным // Ордера 1790 и 1791 г. / собрал А. Богумил. – Екатеринослав, 1905.

17. Ордера князя Г.А. Потемкина-Таврического В. Каховскому // ИТУАК. – Симферополь, 1891. – № 12.

Электронные источники

1. История – ВЫБОР: <https://feovybor.wordpress.com>»история/

2. Крымские казаки: [https:// forum.fstanitsa.ru](https://forum.fstanitsa.ru)»viewtopic.php...

3. А. Бобков (Феодосия) Таврический легкоконный полк.: <https://mil.sevhome.ru>»krumskij-garnizon/a-bobkov...polk-v...

4. Казачьи поселения Феодосийского уезда: <https://feovybor.wordpress.com>»история/

5. Украинское население в Крыму: история, быт, традиции...: <https://folkro.ru>»userfiles/file/24savinova.doc

6. Кримсько-татарське козацьке військо (1784-1796): <https://mihistory.kiev.ua>»istor2/kazachestvo/krim_tat_kaz...

7. Камеральное Описание Крыма, 1784года. DrevLit.Ru...: <https://DrevLit.ru>»docs/crimea/XVIII/1780-1800/Kamer_opis...

8. Крымскотатарское дворянство // Газета 'Голос Крыма new...: <https://goloskrimanew.ru>»Газета

9. Крымские татары били французов | Милли Фирка: <https://milli-firka.org>»крымские-татары-били-французов/

10. В Крым: Крымские татары на военной службе Российской...: <https://vkrimea.blogspot.ru>»2010/03/blog-post_24.html

11. ОЧЕРК ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ КРЫМСКИХ ТАТАР с 1783 по...: <https://moscow-crimea.ru>»history/18_19vv/sluzba.html

12. Греческий батальон Балаклавы (Российская империя)...: <https://ru.wikipedia.org>»Греческий батальон Балаклавы (Российская империя)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеенкова Ульяна Романовна, студентка 4 курса, ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (Горловка, ДНР, Российская Федерация): alekseenkov.1978@gmail.com

Герасименко Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и славянских языков, ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (Горловка, ДНР, Российская Федерация): iragerasimenko@mail.ru

Ерохина Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и украинской филологии, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» (Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация): tet.erokina@yandex.ru

Ибрагимова Венера Февзиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и украинской филологии, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова» (Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация): ibragimova.venera@gmail.com

Илиади Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Драма, Греция): vaou.sraosz@gmail.com

Калинкин Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского и латинского языков, ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького» (Донецк, ДНР, Российская Федерация): kalinkin.valeriy@mail.ru

Карюк Сергей Иванович, преподаватель истории и обществознания, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Перовская школа-гимназия имени героя Социалистического Труда Хачирашвили Георгия Александровича» (Симферопольский район, Республика Крым): karuk1963@yandex.ru

Курылко Милена Эдуардовна, аспирант кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (Горловка, ДНР, Российская Федерация): mterri2@mail.ru

Логвинова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель литературы, колледж МГИМ им. А.Г. Шнитке (Москва, Российская Федерация): lo-grina@yandex.ru

Мозговой Владимир Иванович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (Донецк, ДНР, Российская Федерация): mowi48@mail.ru

Овчаренко Анастасия, студентка 4 курса, филологический факультет, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (Донецк, ДНР, Российская Федерация): novcharenco@yandex.ru

Першина Клавдия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (Донецк, ДНР, Российская Федерация): pershinakv@mail.ru

Петров Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии (СП), ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» (Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация): liza_nada@mail.ru

Пивень Анна Витальевна, ассистент кафедры общего языкознания и славянских языков, ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков» (Горловка, ДНР, Российская Федерация): ann.dzis@mail.ru

Синенко Екатерина Станиславовна, старший преподаватель кафедры русского языка и иностранных языков, ГОУ ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР» (Донецк, ДНР, Российская Федерация): sinenko.ue@yandex.ru

Шульдишова Алина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Медицинский институт ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (Москва, Российская Федерация): shuld_a@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Поэтонимология

<i>Калинкин В.М.</i> К архитектонике поэтонимосферы художественного произведения (из заметок о теории поэтонимологии)	7
<i>Курылко М.Э.</i> Художественные особенности пьес Владимира Маяковского «Клоп» и «Баня»	21
<i>Логвинова И.В.</i> Поэтика собственных имён в драме М.П. Погодина «Марфа – Посадница Новгородская»	28
<i>Першина К.В.</i> Собственные имена в художественном фильме «Актриса» (1942). II.....	32
<i>Шульдишова А.А.</i> Конкорданс как база для исследований языка писателя. Статья 3: Типы контекстов, формально отмеченные средствами версификации и пунктуации	38

Общие вопросы ономастики и ономообразования

<i>Мозговой В.И.</i> Теоретические и практические проблемы формирования норм в ономастике	43
<i>Ерохина Т.А.</i> Языковые механизмы речевых вариаций личных имён	54

Ономастика и этимология

<i>Илиади А.И.</i> <i>Varia Alanica</i> : Язык крымских алан по данным топонимии ...	60
--	----

Региональная ономастика

<i>Ибрагимова В.Ф.</i> Современная топонимия города Симферополя	67
<i>Герасименко И.А., Алексеенкова У.Р.</i> Способы образования микротопонимов современной Горловки	74
<i>Пивень А.В.</i> Топонимия современной Горловки сквозь призму демонстративного принципа номинации.....	81

Проблемы ономастической номинации

<i>Петров А.В.</i> Официальные названия летательных аппаратов в русском языке как результат многоступенчатой трансонимизации	86
<i>Синенко Е.С., Овчаренко А.И.</i> О названиях приделов русских православных храмов.....	100

Крым: Культура. Краеведение

<i>Карюк С.И.</i> Заселение Крыма казаками. Очерк 1	109
---	-----

Научное издание

**XVI Крымские
Международные Михайловские
литературно-ономастические чтения**

Материалы конференции

Редактор – ПЕТРОВ Александр Владимирович

Подписано в печать 10.05.2023. Заказ 3996111.
Формат 60x84 /16. Усл. печ. л. 7,21. Тираж 300 экз.

Издательство ООО «Полипринт»
Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Караимская, 9/10
Тел./факс: +7(3652) 248-178, +7(978)776-56-76
248178@mail.ru, www.print2u.ru

Напечатано с оригинал-макета заказчика в типографии ИП Гальцовой Н.А.
Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь,
пгт. Аграрное, ул. Парковая, д. 7, кв. 908.
Сайт: www.s-press.ru *E-mail:* nisfo@mail.ru *Тел.:* +7 (978) 781-38-81